

"Распутник"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Сара Маклейн

Распутник

Пролог

Борн

Лондон

Зима 1821 года

Восьмерка бубен его погубила.

Будь это шестерка, он бы сумел выкарабкаться. Выпади семерка, он бы утроил свои владения.

Но выпала восьмерка.

Юный маркиз Борн смотрел, как карта скользит по роскошному зеленому сукну и приземляется прямо рядом с семеркой треф, что лежит на столе липом кверху и дразнит его. Вот он уже закрывает глаза, а воздух из комнаты словно улетучивается с невыносимым шелестом.

Vingt et deux[1].

На единицу больше, чем vingt et un[2], на которое он поставил.

На которое поставил все.

В комнате раздался общий вздох, когда он остановил карту, прижав ее кончиком пальца, — будто зеваки наблюдали за разворачивающимся перед ними ужасом, искренне наслаждаясь тем, что едва сумели избежать собственной подобной участи.

Затем раздались голоса:

— Он поставил все?

— Все, что не входит в майорат.

— Слишком молод, еще ничего не понимает.

— Зато теперь повзрослел. Ничто не делает юнца мужчиной быстрее, чем такое.

— Он в самом деле потерял все?

— Абсолютно.

Его глаза открылись, сосредоточились на человеке, сидевшем напротив, наткнулись на холодный взгляд серых глаз, знакомых ему всю жизнь. Виконт Лэнгфорд, друг и сосед отца. Именно он стал его опекуном. После смерти родителей именно он вдесятеро умножил его владения, именно он обеспечил его преуспевание.

А затем отнял все.

Сосед? Вероятно. Но отнюдь не друг.

Предательство жгло юного маркиза.

— Вы сделали это специально.

Впервые за двадцать один год жизни он услышал мальчишеские нотки в своем голосе, и это ему не понравилось.

На лице противника не отразилось никаких эмоций, когда он поднял с середины стола запись игры. Борн с трудом удержался, чтобы не поморщиться при виде собственной самонадеянной подписи, идущей через весь белый лист, — доказательства, что он потерял все.

— Это твой собственный выбор. Ты сам решил поставить на карту больше, чем был готов потерять.

Его обобрали как липку. Лэнгфорд давил на него и давил, подталкивал все дальше и дальше, позволяя выигрывать до тех пор, пока все мысли о возможном проигрыше не улетучились у него из головы. Уловка древняя, как мир, но Борн оказался слишком молод, чтобы ее заметить. И слишком нетерпелив.

Борн поднял на него взгляд.

— А ваш выбор — прибрать все это к своим рукам.

— Без моих забот и выигрывать было бы нечего, — усмехнулся виконт.

— Отец! — вперед шагнул Томас Оллес, сын виконта и самый близкий друг Борна. Голос его дрожал. — Не делай этою.

Лэнгфорд неторопливо свернул запись и встал из-за стола, не обратив внимания на сына, зато смерив Борна холодным взглядом с головы до ног.

— Тебе бы следовало поблагодарить меня за такой ценный урок, полученный в таком юном возрасте. К сожалению, теперь у тебя нет ничего, кроме того, во что ты одет, и пустого особняка.

Виконт глянул на столбик монет на столе — остаток его сегодняшнего выигрыша.

— Я оставлю эти деньги тебе, не возражаешь? Прощальный подарок, если хочешь. В конце концов, что бы сказал твой отец, оставь я тебя вообще без ничего?

Борн вскочил со стула, тот с грохотом полетел на пол.

— Вы не достойны говорить о моем отце!

Лэнгфорд вскинул бровь, увидев столь невоздержанное поведение, и на некоторое время замолчал.

— Знаешь, пожалуй, я все-таки заберу эти деньги. А заодно отменю твое членство в этом клубе. Тебе пора уходить.

Щеки Борна запылали, когда сказанное до него дошло. Лэнгфорд лишил его членства в клубе. Земель, слуг, лошадей, одежды — всего. Всего, кроме дома, нескольких акров земли и титула.

Титула, ныне опозоренного.

Виконт в насмешливой ухмылке приподнял уголок рта и швырнул Борну гинею. Тот инстинктивно поймал монету, сверкнувшую золотом в ярком свете карточной комнаты клуба «Уайтс».

— Трать ее с умом, мальчишка. Это последнее, что ты получишь от меня.

— Отец! — снова попытался Томми.

Лэнгфорд повернулся к нему.

— Больше ни единого слова. Я не потерплю, чтобы ты просил за него.

Старый друг кинул на Борна печальный взгляд и беспомощно развел руками. Томми нуждался в отце. Нуждался в его деньгах. В его поддержке.

Во всем том, чего Борн был теперь лишен.

На краткий миг вспыхнула ненависть, жаркая и пылающая, и тут же исчезла, сменившись холодной решимостью. Борн сунул монету в карман и резко повернулся спиной к своим собратьям-пэрам, своему клубу, к своему миру и к той единственной жизни, которую до сих пор знал.

Поклявшись отомстить.

Глава 1

Начало января 1831 года

Борн не шевельнулся, когда услышал, как дверь в частные апартаменты открылась и негромко закрылась.

Он стоял в темноте, и лишь его силуэт выделялся на фоне замаскированного окна, выходившего на главное помещение самого привилегированного игорного ада Лондона, словно в насмешку носившего название «Ангел».

Взгляд Борна переместился к столу для игры в пикет, стоявшему в дальнем конце игорного зала.

— Крус хочет, чтобы ему увеличили кредит.

Управляющий игорным залом не сдвинулся с места.

Он по-прежнему стоял в дверях, ведущих в апартаменты владельцев.

— Да.

— Он уже задолжал больше, чем когда-либо сможет заплатить.

— Да.

Борн повернул голову, посмотрел в скрытые тенью глаза своего самого надежного служащего.

— Что он готов поставить в обеспечение повышенного кредита?

— Две сотни акров земли в Уэльсе.

Борн немного понаблюдал за лордом, обливавшимся потом и нервно дергавшимся в ожидании решения.

— Увеличивай. Когда проиграет, выпроводи его отсюда. Его членство аннулируется.

Решения Борна подвергались сомнению редко — и вовсе никогда персоналом «Ангела». Его собеседник направился к двери так же неслышно, как вошел, но прежде чем он успел шагнуть за дверь, Борн произнес:

— Джастин.

Молчание.

— Сначала земля.

Лишь мягкий щелчок дверного замка дал знать, что управляющий вообще здесь был.

Несколько мгновений спустя он появился в зале внизу, и Борн увидел, как он подал знак крупье. Карты раздали, граф проиграл. Снова. И снова.

И еще раз.

Существуют люди, которые не понимают, что происходит с ними.

Те, кто никогда не играл, кто не испытывал возбуждения при выигрыше, кто не уговаривал себя, что вот еще одна партия, еще одна раздача, еще одна попытка... которая превращалась в сотню, в тысячу, в десять тысяч...

Те, кому незнакомо упоительное, восторженное, ни с чем не сравнимое ощущение, что ты близок к цели, что ночь принадлежит тебе, что все может измениться при помощи одной-единственной карты...

Они никогда не поймут, что удерживало графа Круса в кресле, что заставляло его ставить снова и снова, быстро, как молния, до тех пор, пока он не проиграл все. Снова. Будто ничего из того, что он поставил на карту, никогда ему и не принадлежало.

Борн понимал.

Джастин подошел к Крису и что-то зашептал на ухо поверженному графу. Тот поднялся на неверные ноги. Гнев заставил его наморщить лоб, ярость и замешательство толкнули к управляющему.

Борн не слышал, что тот говорил, но ему это и не требовалось. Он слышал такое сотни раз — видел множество мужчин, сначала потерявших все свои деньги, а потом пытавшихся обрушить свой гнев на «Ангела». На него.

Он наблюдал, как Джастин, шагнул вперед, подняв руки в предостерегающем жесте. Наблюдал, как двигались губы управляющего, пытавшегося успокоить графа и уладить все миром. Тщетно. Наблюдал, как прочие игроки заметили суматоху, как Темпл, крупный партнер Борна, направился к месту стычки, готовясь к драке.

Только тогда Борн шевельнулся, протянул руку к стене и дернул за шнур, приведя в действие сложную систему рычагов и шкивов. Под столом для игры в пикет зазвенел колокольчик, привлекая внимание крупье. Извещая его, что сегодня вечером Темплу драться не придется.

Этим займется Борн.

Крупье не дал Темплу применить свою невероятную силу. Взгляд черных глаз Темпла упал на витражное стекло, он повел Круса через толпу народа, заполнявшую зал.

Борн покинул апартаменты владельцев и спустился вниз, чтобы встретиться с Крусом в небольшой приемной, расположенной в стороне от главного зала клуба. Когда Борн открыл дверь и вошел внутрь, Крус бранился, как портовый грузчик. С ненавистью прищурившись, он обрушился на Борна:

— Ты ублюдок! Ты не можешь поступить так со мной! Не можешь забрать то, что принадлежит мне!

Борн прислонился к тяжелой дубовой двери, скрестив на груди руки.

— Ты сам вырыл себе могилу, Крус. Отправляйся домой и скажи спасибо, что я не беру больше, чем мне причитается.

Не успев хорошенько подумать, Крус кинулся через небольшое помещение, но Борн, двигаясь стремительно, чего мало кто ожидал, схватил графа за руку и начал выворачивать ее, пока тот не оказался прижатым лицом к двери. Борн тряхнул его раз, другой и произнес:

— Советую как следует подумать о том, что ты сделаешь дальше. А то я перестану быть таким же великодушным, как несколько минут назад.

— Я хочу увидеть Чейза! — невнятно прозвучали сказанные в дверь слова.

— Вместо него ты видишь нас.

— Я был членом «Ангела» с самого начала! Вы мне должны. Он мне должен!

— Совсем напротив, это ты нам должен.

— Я оставил тут кучу денег...

— Какая щедрость! Может, нам принести книги и посмотреть, сколько ты задолжал? — Крус затах. — Ага. Вижу, ты начинаешь понимать. Земля теперь принадлежит нам. Завтра с утра ты пришлешь к нам своего поверенного, чтобы оформить документы, или я загляну к тебе лично. Это понятно? — Борн не стал дожидаться ответа. Он отступил назад и отпустил графа. — Убирайся.

Крус повернулся к ним, в глазах его металась паника.

— Забирай землю, Борн. Но только не членство... не лишай меня членства! Я вот-вот женюсь. Ее приданое покроет все мои долги и даже больше! Не лишай меня членства.

Борн ненавидел эту хныкающую мольбу. Он знал, что Крус не в силах удержаться от игры. От искушения однажды сорвать куш.

Если бы у Борна оставалась хоть капля сострадания, он бы пожалел ничего не подозревающую девушку.

Но сострадание не относилось к чертам характера Борна.

Крус обратил безумный взгляд на Темпла.

— Темпл. Пожалуйста!

Одна из черных бровей Темпла поползла вверх. Он скрестил на широкой груди массивные руки.

— Я уверен, с таким щедрым приданым тебя ждет любой из других игорных домов.

Разумеется, они ждут. Мерзкие притоны, полные убийц и мошенников, с расprostертыми объятиями встретят это насекомое и его жалкую удачу.

— К дьяволу эти притоны! — выругался Крус. — Что скажут люди? Чем это для меня кончится? Я заплачу вдвойне... втройне! У нее куча денег!

Борн был очень деловым человеком.

— Женишься на девушке, выплатишь свои долги — с процентами, и мы восстановим твое членство.

— А что я буду делать до этого? — Скулеж графа был отвратителен.

Темпл вздохнул:

— Ты стал мне противен. Пошел вон!

— Убирайся, — скомандовал Борн, — пока я не решил, что тебя стоит поколотить.

Граф выскочил из комнаты.

Борн посмотрел ему вслед, разгладил жилет и поправил сюртук. Потом посмотрел в ближайшее зеркало, проверяя, как выглядит его галстук.

— Могу я пригласить тебя на ринг? — спросил он, подняв глаза на приятеля.

— Когда угодно.

— Никто не выходит на ринг, и уж точно не с Темплом.

Борн и Темпл разом обернулись на голос, раздавшийся из-за потайной двери в дальнем углу комнаты, откуда за ними наблюдал Чейз.

Темпл захохотал и снова повернулся к Борну.

— Видишь? Чейз знает, что тебе со мной не справиться.

Чейз налил себе стакан скотча из графина, стоявшего на ближайшем буфете.

— Это не имеет никакого отношения к Борну. Просто ты сложен, как каменная крепость. С тобой не справится никто. — Слова прозвучали насмешливо. — Кроме меня, конечно.

Темпл откинулся на спинку кресла.

— В любой миг, когда тебе захочется встретиться со мной на ринге, Чейз, я непременно высвобожу для тебя минутку.

Чейз повернулся к Борну.

— Ты обчистил Круса. — Он обошел комнату.

— Все равно что отнять конфетку у ребенка.

Темпл захохотал и встал, выпрямившись во все свои шесть с половиной футов.

Чейз смотрел, как тот пересекает комнату, направляясь к двери.

— Ты что, так и не подрался сегодня?

Темпл помотал головой:

— Борн меня опередил.

— Ну, время еще есть.

— Надеяться никому не запрещено.

Темпл вышел, дверь за ним плотно закрылась. Чейз вернулся к буфету, налил еще порцию скотча и подошел к камину, в который пристально уставился Борн. Тот взял предложенный стакан и сделал большой глоток золотистой жидкости, наслаждаясь тем, как она обжигает горло.

— У меня есть для тебя новости. — Борн выжидательно повернул голову. — О Лэнгфорде.

Сказанное словно захлестнуло его. Он девять лет ждал этого момента, и не важно, что именно сейчас сообщит ему Чейз. Девять лет он дожидался новостей о человеке, лишившем его прошлого, того, что принадлежало ему по праву рождения.

Его истории.

Всего.

В ту ночь Лэнгфорд отнял у него все — земли, деньги, все, кроме пустого особняка и нескольких акров земли в центре большого поместья, Фальконвелла. Глядя, как все это ускользает у него из рук, Борн не понимал мотивов старика.

Он жаждал одного — отмщения. Он так долго дожидался.

Потребовалось девять лет, но Борн восстановил свое состояние и даже удвоил его. Деньги, получаемые от партнерства в «Ангеле», а также несколько удачных инвестиций дали ему возможность создать владения, которые могли соперничать с любыми в Англии, даже самыми экстравагантными.

Но он так и не смог получить обратно то, что утратил.

Лэнгфорд держался за Фальконвелл крепко и отказывался продавать, несмотря на любую предложенную цену, какой бы могущественный человек ни делал предложение. А люди предлагали очень влиятельные.

Но он так упорно трудился и зарабатывал деньги не ради земель в Уэльсе, Шотландии, Девоншире и Лондоне.

Все это делалось только ради Фальконвелла.

Тысяча акров роскошных зеленых земель, бывших когда-то гордостью маркиза Борна. Земель, которые его отец, дед и прадед собрали вокруг особняка, передававшегося от маркиза к маркизу.

— Что? — Он увидел ответ в глазах Чейза еще до того, как тот успел что-то сказать, и выругался длинно и витиевато. — Что он с ним сделал, с моим поместьем?

Чейз колебался.

— Борн, — начал Чейз, осторожно подбирая слова, — он его не удержал.

В душу закрался холодный ужас.

— Что значит — не удержал?

— Лэнгфорд больше не владеет землями в Суррее.

Борн помотал головой, не в силах понять.

— И кто же владеет ими теперь?

— Маркиз Нидэм и Долби.

Мелькнуло воспоминание многолетней давности — тучный мужчина с ружьем в руке вдет по грязному полю в Суррее, а следом бегут хихикающие девчонки мал мала меньше, и у самой старшей из них голубые глаза, серьезнее которых Борн никогда больше не встречал.

Соседи его детства, третье семейство святой троицы суррейских аристократов.

— Моя земля у Нидэма? Каким образом он ее заполучил?

— Как ни забавно, выиграл в карты.

Борн не нашел в этом и тени юмора. Наоборот, от мысли о том, что Фальконвелл поставили на кон и проиграли в карты — опять! — его бросило в дрожь.

— Приведи его сюда. Нидэм играет в экарте. Фальконвелл снова станет моим.

Чейз удивленно откинулся на спинку кресла.

— И ради него ты снова поставишь все на кон?

Борн ответил мгновенно:

— Ради него я пойду на все, что угодно.

— Ты так считаешь?

Борн почувствовал неладное.

— Что ты знаешь такого, о чем не знаю я?

Брови Чейза взлетели вверх.

— Ты не сможешь просто забрать их назад.

— Почему?

Чейз колебался.

— Они идут с... кое-чем еще.

Холодная ненависть пронзила Борна. Он ждал этого десять лет — момента, когда сможет воссоединить Фальконвелл-Мэнор с прилегающими к нему землями.

— Идут с чем?

— Скорее с кем.

— У меня нет настроения решать твои загадки.

— Нидэм объявил, что бывшие земли Фальконвелла включаются в приданое его старшей дочери.

От потрясения Борн даже пошатнулся.

— Пенелопы?

— Ты знаком с леди?

— Прошли годы с нашей последней встречи — почти двадцать. Нет, шестнадцать.

Она была там в день, когда он в последний раз покидал Суррей после похорон родителей — в пятнадцать лет, выброшенный в новый мир без семьи.

Она видела, как он забрался в карету, и серьезный взгляд ее голубых глаз не дрогнул, когда она смотрела вслед карете, катившейся по длинной дорожке, ведущей прочь от Фальконвелла.

Она не отвела глаз до тех пор, пока карета не свернула на главную дорогу.

Он это знал, потому что тоже смотрел на нее.

Она была его другом. Это было в ту пору, когда он еще верил в друзей.

А еще она была старшей дочерью двойного маркиза, у которого денег было больше, чем человек может потратить за свою жизнь. И не существовало никаких причин, по которым она могла бы столько лет оставаться в старых девах. Ей давно полагалось быть замужем и иметь целый выводок маленьких аристократиков.

— Почему Пенелопе потребовался в приданое Фальконвелл? — Он помолчал. — Почему она до сих пор не замужем?

Чейз вздохнул:

— Было бы неплохо, если бы хоть один из вас интересовался делами светского общества вообще, а не только нашим ограниченным членским составом.

— Наш «ограниченный членский состав» насчитывает более пятисот человек. И на каждого имеется досье толщиной в мой большой палец, наполненное информацией благодаря твоим партнерам.

— Тем не менее у меня по вечерам есть дела поинтереснее, чем просвещать тебя о жизни мира, в котором ты родился.

Борн прищурился. Он не представлял себе Чейза, проводившего свои вечера каким-то иным образом, чем в полном одиночестве.

— И что это за дела?

Проигнорировав вопрос; Чейз сделал еще глоток скотча.

— Леди Пенелопа сделала свой выбор еще несколько лет назад.

— И?

— Помолвка оказалась омрачена любовью жениха к другой.

Какая старая сказка, слышанная бесчисленное множество раз, и все-таки у Борна возникло какое-то непривычное чувство при мысли, что девушке, которую он до сих пор помнил, причинили боль, разорвав помолвку.

— Любовь к другой? — презрительно фыркнул он. — Скорее эта другая была симпатичнее или богаче. И чем все закончилось?

— Мне говорили, что в последующие годы к ней сватались несколько раз, тем не менее она до сих пор не замужем. — Похоже, Чейз полностью потерял интерес к той давней истории. Со скучающим вздохом он добавил: — Хотя думаю, теперь ненадолго, раз уж горшок с медом подсластили Фальконвеллом. От претендентов на ее руку отбоя не будет, слишком велик соблазн.

— И всем захочется покуражиться надо мной.

— Вполне возможно. Ты занимаешь не самое высокое место в списке аристократов-фаворитов.

— В этом списке мне вообще нет места. Тем не менее свою землю я получу.

— И ты готов пойти на необходимый для этого шаг? — Похоже, Чейза это позабавило.

Борн прекрасно понял, что имеет в виду партнер.

В голове промелькнул образ юной, доброй Пенелопы, полной противоположности тому, каков он сам. Каким он стал.

Борн прогнал непрошенный образ. Он девять лет ждал этой минуты. Шанса вернуть то, что создавалось для него.

Что ему оставили.

Что он потерял.

Никогда еще он не был так близок к тому, чтобы все исправить.

И ничто не встанет у него на пути.

— На все, что угодно. — Борн встал и тщательно расправил сюртук. — Если к земле прилагается жена, так тому и быть.

Дверь за ним захлопнулась.

Чейз поднял свой бокал и произнес в пустую комнату:

— Мои поздравления.

Глава 2

«Дорогой М.!

Ты просто обязан приехать домой. Без тебя тут ужасно скучно; ни с Викторией, ни с Валери не бывает так весело на берегу озера.

Ты точно уверен, что должен учиться в школе?

Моя гувернантка кажется довольно умной. Наверняка она сможет научить тебя всему, что ты должен знать.

Твоя П.

Нидэм-Мэнор, сентябрь 1813 года».

«Дорогая П.!

Боюсь, тебе придется проскучать до Рождества. Если это тебя хоть как-то утешит, у меня вообще нет возможности сходить на озеро. Предлагаю научить близнецов рыбачить.

Я уверен, что должен учиться в школе... твоя гувернантка меня не любит.

М.

Итон-колледж, сентябрь 1813 года».

Конец января 1831 года Суррей

Леди Пенелопа Марбери, будучи девицей знатного происхождения и хорошего воспитания,

понимала, что должна испытывать искреннюю благодарность судьбе, когда холодным январским днем, в возрасте двадцати восьми лет, получила пятое (и, вероятно, последнее) предложение руки и сердца.

Она знала, что половина Лондона сочтет ее не совсем нормальной, если она не упадет рядом с высокочтимым мистером Томасом Оллесом на одно колено и не начнет благодарить его и Создателя за столь доброе и в высшей степени великодушное предложение. В конце концов, упомянутый джентльмен был хорош собой, дружески к ней расположен, имел на месте все до единого зуба и густую шевелюру — качества весьма редкие в мужчине, делающем предложение не такой уж молодой женщине с разорванной в прошлом помолвкой и всего несколькими бывшими претендентами на ее руку.

Еще она (глядя на макушку аккуратной головы Томаса) понимала, что ее отцу, который наверняка уже благословил этот союз чуть раньше, Томас нравится. Маркизу Нидэму и Долби он нравился с того дня двадцать-сколько-то лет назад, когда мальчик закатал рукава, присел на корточки в конюшне и помог оцениться одной из любимых охотничьих собак маркиза.

Именно после этого случая Томми и стал «славыным парнишкой».

Как раз таким сыном гордился бы ее отец, всегда думала Пенелопа. Если бы у него был хоть один сын, а не пять дочерей.

Кроме того, однажды Томми станет виконтом и при этом очень богатым. Как, несомненно, говорит сейчас ее мать за дверью своей гостиной, откуда наверняка в тихом отчаянии наблюдает за разворачивающейся сценой: «Умоляющим не приходится выбирать, Пенелопа».

Пенелопа все это понимала.

Именно поэтому, встретив теплый взгляд карих глаз этого ставшего мужчиной мальчика, которого она знала всю свою жизнь, этого дорогого друга, она поняла, что получила самое великодушное брачное предложение из всех возможных и что должна сказать «да». Громко и убедительно.

Но не сказала.

Вместо этого она спросила:

— Почему?

— А почему нет? — компанейски ответил Томми, помолчал немного и добавил: — Мы с тобой дружим сто лет; мы отлично ладим; мне нужна жена; тебе нужен муж.

Он перечислял причины для женитьбы, и они вовсе не казались такими уж ужасными. И тем не менее...

— Я выезжаю девять лет, Томми, и все это время ты мог сделать мне предложение.

Томми хватило учтивости принять огорченный вид, но он тут же улыбнулся:

— Это правда. И у меня нет приличного оправдания за то, что я так долго тянул, разве что... ну, счастлив признаться, что я наконец-то взялся за ум, Пен.

Она тоже ему улыбнулась:

— Чушь. Ты никогда не возьмешься за ум. Почему именно я, Томми? — настойчиво повторила Пенелопа. — И почему сейчас?

Он засмеялся в ответ, но это был не его чудесный, громкий, дружеский смех. Э^{то} был нервный смешок. Тот, какой у него вырывался, если он не хотел прямо отвечать на вопрос.

— Пора остепениться, — произнес он, склонил голову набок, широко улыбнулся и добавил: — Да ладно тебе, Пен. Давай ударим по рукам, хорошо?

Пенелопа успела получить четыре предыдущих брачных предложения и воображала себе бессчетное число других, самых разнообразных — от блистательных, драматических, ради которых прерывают бал, до дивных, сделанных без свидетелей в уединенной беседке в разгар суррейского лета. Она воображала признания в любви и неугасающей страсти; изобилие своих любимых цветов (пионов); покрывала, любовно расстеленные на лугу, усыпанном полевыми маргаритками; бодрящий привкус шампанского на языке, когда весь Лондон поднимет бокалы за ее счастье. Руки жениха, привлекающие ее к себе, когда она бросится к нему в объятия и выдохнет: «Да... да!»

Все это, конечно, фантазии, причем одна неправдоподобнее другой, она это знала. В конце концов, двадцативосьмилетней старой деве уже не приходится отбиваться от претендентов на ее руку.

Но уж, наверное, она не настолько устарела, чтобы не надеяться ни на что другое, кроме как «давай ударим по рукам, хорошо?».

Пенелопа легонько вздохнула. Ей не хотелось обижать Томми, совершенно очевидно, что он старается как умеет. Но они и в самом деле дружили сто лет, и сейчас Пенелопе совсем не хотелось портить дружбу враньем.

— Ты меня пожалел, да?

Его глаза округлились.

— Что? Нет! Почему ты такое говоришь?

Пенелопа улыбнулась:

— Потому что это правда. Ты пожалел свою бедненькую подружку, превратившуюся в старую деву. И решил пожертвовать собственным счастьем, лишь бы я вышла замуж.

Он кинул на нее раздраженный взгляд (такие могут позволить себе только старые друзья) и поднес к губам ее руку, поцеловав костяшки пальцев.

— Чепуха. Просто мне пора жениться, Пен. А ты хороший друг. — Он помолчал, на его лице промелькнула досада, но выглядела она так по-дружески, что сердиться на него было просто невозможно. — Наверное, я здорово напортачил, да?

Пенелопа не удержалась и улыбнулась:

— Да, немножко. Я все-таки надеялась, что ты признаешься мне в вечной любви.

У Томми сделался скептический вид.

— Прижать руку ко лбу и все такое?

Пенелопа заулыбалась еще шире:

— Именно! И может быть, еще написать мне сонет.

— О, прекрасная леди Пенелопа... Прошу вас, выходите за меня замуж!

Пенелопа засмеялась. Томми всегда умел ее рассмешить. Кстати, совсем неплохое качество.

— Довольно неубедительная попытка, милорд.

Он скорчил гримасу.

Может быть, вывести для тебя новую породу собак? И назвать ее «леди П.»?

— Весьма романтично, — согласилась Пенелопа, — но на это потребуется довольно много времени, разве не так?

Повисло дружеское молчание, но через некоторое время Томми вдруг очень серьезно сказал:

— Пожалуйста, Пен. Позволь мне защитить тебя.

Очень странное заявление, но поскольку он провалился по всем Пунктам брачного предложения, Пенелопа не стала больше цепляться к словам.

Она обдумывала его предложение. Причем на полном серьезе.

Он ее самый старый друг. Во всяком случае, один из них.

Тот, который ее не бросил.

Он умеет ее рассмешить, и она очень, очень к нему привязана. Он единственный мужчина, кто не оставил ее даже после той губительной разорванной помолвки. Одно это уже говорит в его пользу.

Ей следует сказать «да».

«Так скажи, Пенелопа!»

Она станет леди Томас Оллес, двадцати восьми лет, и будет избавлена (как раз вовремя) от сомнительного статуса старой девы.

«Скажи: да, Томми. Я выйду за тебя. Как мило, что ты это предложил».

Она должна.

Но она так и не сказала.

«Дорогой М.!

Моя гувернантка не любит угрей. Но она, конечно же, достаточно культурный человек, чтобы понять — твое появление с одним из них в руках еще не делает тебя дурным. Питайте отвращение к греху, а не к грешнику.

Твоя П.

Р . S . На прошлой неделе Томми приезжал домой, и мы ходили на рыбалку. Он официально мой самый лучший друг.

Нидэм-Мэнор, сентябрь 1813 года».

«Дорогая П.!

Это звучит подозрительно, похоже на проповедь викария Комптона. Ты так набожна? Я разочарован.

М.

Р . S . Вовсе нет.

Итон-колледж, сентябрь 1813 года».

Звук захлопнувшейся за Томасом тяжелой дубовой двери еще отдавался эхом по Нидэм-Мэнору, когда на площадке второго этажа, одним пролетом выше, чем стояла Пенелопа, появилась ее мать.

— Пенелопа! Что ты наделала?

Леди Нидэм стремительно начала спускаться вниз по широкой центральной лестнице дома. Следом торопились сестры Пенелопы, Оливия и Филиппа, и сразу три отцовские охотничьи собаки.

Пенелопа сделала глубокий вдох и повернулась к матери.

— Вообще-то день был спокойным, — беспечно произнесла она, направившись к столовой и не сомневаясь, что мать идет следом. — Я написала письмо кузине Кэтрин. Ты знаешь, что она до сих пор страдает от той ужасной простуды, что подцепила еще перед Рождеством?

Пиппа хихикнула. Леди Нидэм — нет.

— Да не волнует меня твоя кузина Кэтрин! — воскликнула маркиза пронзительным тревожным голосом.

— Это очень нехорошо; никто не любит простуду. — Пенелопа толкнула дверь в столовую и увидела, что отец, все еще в охотничьих одеждах, уже сидит за столом и спокойно читает «Пост», дожидаясь женскую часть семейства. — Добрый вечер, отец. Славно провел день?

— Там чертовски холодно, — отозвался маркиз Нидэм и Долби, не отрываясь от газеты. — И я готов поужинать. Чего-нибудь горяченького.

Пенелопа подумала, что отец, возможно, не готов к тому, что его ждет за этим самым ужином, но не сказала ни слова — просто оттолкнула от своего стула нетерпеливого бигля и заняла привычное место слева от маркиза, напротив сестер. Те, широко распахнув глаза, с любопытством ждали, что произойдет дальше. Разворачивая салфетку, Пенелопа изображала невинное простодушие.

— Пенелопа! — Леди Нидэм остановилась прямо в дверях столовой, сильно выпрямив спину и стиснув маленькие кулачки. Лакеи недоуменно замерли, не зная, подавать ужин или нет. —

Томас сделал предложение!

— Да. Я при этом присутствовала, — сказала Пенелопа.

На этот раз Пиппа поднесла к губам стакан с водой, пряча усмешку.

— Нидэм! — Леди Нидэм решила, что ей необходима поддержка. — Томас сделал Пенелопе предложение!

Лорд Нидэм опустил газету.

— В самом деле? Мне всегда нравился этот Томми Оллес. — Повернувшись к старшей дочери, он спросил: — Все в порядке, Пенелопа?

Пенелопа глубоко вздохнула:

— Не совсем, отец.

— Она ему отказала! — Высота голоса матери подходила исключительно для душераздирающего рыдания или древнегреческого хора. Хотя возможно, что у него имелась и дополнительная цель — заставить псов оглушительно залаять.

После того как она и собаки прекратили выть, леди Нидэм приблизилась к столу, вся в ужасных красных пятнах, будто только что прошла мимо ядовитого плюща.

— Пенелопа! Брачные предложения от богатых, завидных молодых людей не цветут на деревьях!

В особенности в январе.

Впрочем, Пенелопе хватало ума не произнести это вслух.

Когда лакей шагнул вперед, чтобы подать суп, с которого начиналась их вечерняя трапеза, леди Нидэм рухнула в кресло, и сказала:

— Уберите! Кто может есть в такое время?

— Вообще-то я сильно проголодалась, — заметила Оливия. Пенелопа спрятала усмешку.

— Нидэм!

Маркиз вздохнул и повернулся к Пенелопе.

— Ты ему отказала?

— Не совсем так, — уклончиво ответила Пенелопа.

— Она его не приняла! — воскликнула леди Нидэм.

— Почему?

Вполне справедливый вопрос. И наверняка каждому за этим столом хочется узнать ответ. Даже Пенелопе.

Да только у нее этого ответа нет. Во всяком случае, толкового.

— Я хочу обдумать его предложение.

— Не сходи с ума. Принимай! — отрезал лорд Нидэм, словно это было так просто, и махнул лакею, чтобы подавал суп.

— Может быть, Пенни не хочет принимать предложение Томми, — заметила Пиппа, и Пенелопе захотелось расцеловать свою разумную младшую сестру.

— Речь не идет о хочу или не хочу, — заявила леди Нидэм. — Речь идет о том, чтобы продать, когда это возможно.

— Мне бы хотелось услышать более подходящую метафору, чем купля-продажа, — сказала Пенелопа. — И право же, я думаю, что он хочет жениться на мне не больше, чем я хочу за него выйти. Думаю, он просто проявил доброту. По-дружески.

— Он не просто проявил доброту, — возразил лорд Нидэм, но прежде, чем Пенелопа успела уточнить, что это значит, снова вмешалась леди Нидэм:

— Речь вряд ли идет о твоём желании выйти замуж, Пенелопа. Ты уже давно перешагнула эту черту. Ты должна выйти замуж! А Томас хотел на тебе жениться! Тебе не делали предложений вот уже четыре года! Или ты об этом забыла?

— Забыла, мама. Большое спасибо, что напомнила.

Леди Нидэм вздернула нос.

— Видимо, ты считаешь это остроумным?

— Я не пыталась шутить, мама. Просто... я не уверена, что хочу выйти замуж за Томаса. Да, честно говоря, и за любого другого, кто не уверен, что хочет жениться на мне.

— Пенелопа! — рявкнула мать. — В твоём положении никакие «хочу» не имеют значения!

Конечно, не имеют. Браки заключаются вовсе не так.

— Ну в самом деле. Какая нелепость! — Маркиза помолчала, собираясь с мыслями и подбирая нужные слова. — Пенелопа... ведь больше никого нет! Мы искали! Что с тобой станет? — Она элегантно откинулась на спинку стула, прижав руку ко лбу драматическим жестом, которым могла бы гордиться любая лондонская актриса. — Кто еще тебя возьмет? Кому ты будешь нужна?

Справедливый вопрос. Дело в том, что за последние девять лет у Пенелопы было полным-полно возможностей быть «взятой». Было время, когда только о ней в обществе и говорили — весьма привлекательная, с утонченными манерами, с хорошей речью, очень воспитанная, умная, безупречная. Она даже была обручена. С таким же безупречным джентльменом.

Да, это была безупречная пара, за исключением пустячка — жених страстно любил другую. Благодаря скандалу Пенелопе удалось разорвать помолвку до того, как ее бросили. Во всяком случае, официально.

— Пенелопа! — Маркиза снова выпрямилась, устремив страдальческий взгляд на старшую дочь. — Ответь мне! Если не Томас, то кто? Кому, по-твоему, ты будешь нужна?

— Вероятно, самой себе.

Оливия ахнула. Пиппа замерла, не донеся ложку с супом до рта. А маркиза выглядела так, будто от отчаяния вот-вот свалится со стула.

— Когда-то ты была совсем не такой, как сейчас, Пенелопа! И я чуть не стала матерью герцогини!

Вот оно. Призрак, постоянно маячивший между леди Нидэм и ее старшей дочерью:

Герцогиня. Прекрасно звучит!

Интересно, мать когда-нибудь простит ее за расторжение помолвки? Можно подумать, это была вина Пенелопы. Она сделала глубокий вдох и попыталась говорить рассудительным тоном:

— Мама, герцог Лейтон любил другую женщину...

Даже сейчас, восемь лет спустя, Пенелопа ощущала уколы зависти... не к герцогу, а к его чувству. Она решительно запретила себе об этом думать.

— Но именно та женщина стала герцогиней Лейтон. Должна добавить, что этот титул сохраняется за ней уже восемь лет, и за это время она успела родить своему мужу будущего герцога Лейтона и еще троих детей.

— Это должен был быть твой муж! Твои дети!

Пенелопа вздохнула:

— И что, по-твоему, я должна была сделать?

Маркиза тотчас же встрепенулась.

— Ну как же! Могла бы принять любое другое предложение после герцога! — Она снова обмякла. — Их было целых четыре! Два графа, — начала перечислять она, словно те брачные предложения могли ускользнуть из памяти Пенелопы, — затем Джордж Хейз! А теперь Томас! Будущий виконт! Я готова смириться с будущим виконтом!

— Как это великодушно с твоей стороны, мама.

Пенелопа откинулась на спинку стула. Вероятно, мать права. Господь свидетель, ее учили стараться изо всех сил, чтобы заполучить мужа, — ну, то есть стараться так, чтобы никто не замечал, как она усердствует.

Но в прошедшие несколько лет ее сердце в этом не участвовало. Да, ей несколько раз делали предложение, но каждый претендент имел скрытые мотивы, каждый стремился жениться на дочери маркиза Нидэма и Долби либо ради политической карьеры, либо ради обеспеченного финансового будущего, и маркиз не очень возражал, когда Пенелопа вежливо отклоняла эти предложения.

Для него не имело особого значения, почему она говорит «нет». Ему даже в голову не приходило, что она говорит «нет», потому что успела одним глазком увидеть, каким может быть брак, — она видела, как герцог Лейтон с любовью смотрел в глаза своей герцогини. Пенелопа поняла, что в браке бывает что-то другое, что-то большее, лишь бы ей хватило времени это отыскать.

Но каким-то образом, пока Пенелопа убеждала себя, что хочет большего, она утратила свой шанс. Стала слишком увядшей, слишком простой, слишком тусклой.

И сегодня, когда Томми — старый друг, но не более того — предлагал ей провести остаток жизни с ней, несмотря на свое полное отсутствие интереса к этому браку... она просто не смогла сказать «да».

Не смогла погубить его шанс на что-то большее, несмотря на то что у нее самой этих шансов уже не осталось.

— О! — Завывания начались снова. — Подумай о своих сестрах! Что будет с ними!

Пенелопа посмотрела на своих сестер, наблюдавших за разговором, как за игрой в бадминтон. У сестер все будет хорошо.

— Обществу придется обойтись более юными и миловидными дочерьми Марбери. С учетом того, что две замужние дочери Марбери стали графиней и баронессой, полагаю, с ними все будет в порядке.

— Слава Создателю за превосходные браки близнецов!

«Превосходные» не совсем то слово, которым воспользовалась бы Пенелопа, описывая браки Виктории и Валери, заключенные исключительно ради титулов и наследства, но их мужья оказались относительно безобидными, во всяком случае, они тщательно скрывали свои развлечения за пределами супружеской постели, так что Пенелопа не стала спорить.

Да и какая разница? Мать устремилась дальше:

— А как же твой несчастный отец? Ты как будто забыла, что он обречен на полный дом дочерей! Все было бы по-другому, родись ты мальчиком, Пенелопа! Он просто извелся от беспокойства о тебе!

Пенелопа повернулась и взглянула на отца — тот как раз обмакнул в суп кусок хлеба и скормил его большому черному водолазу, сидевшему слева от него, вывалив наружу длинный розовый язык и преданно глядя на хозяина. Ни человек, ни пес не выглядели особо измученными от беспокойства.

— Мама, я...

— А Филиппа! Лорд Каслтон как раз проявил к ней интерес. Что будет с Филиппой?

Пенелопа пришла в некоторое замешательство.

— А что с Филиппой?

— Вот именно! — Леди Нидэм драматически помахала белой льняной салфеткой. — Что с Филиппой?

Пенелопа вздохнула и повернулась к сестре.

— Пиппа, тебе в самом деле кажется, что мой отказ Томми как-то повлияет на ухаживание со стороны лорда Каслтона?

Пиппа замотала головой, округлив глаза:

— Даже вообразить себе такого не могу. А если и повлияет, не стану уверять, что останусь безутешной. Каслтон слегка... ну, пресный какой-то.

Пенелопа воспользовалась бы словом «неумный», но пусть Пиппа проявляет вежливость.

— Не говори глупостей, Филиппа! — отрезала маркиза. — Лорд Каслтон — граф! А это о многом говорит.

Пенелопа стиснула зубы. Ее снова пронзило чувством вины. Она старалась прогнать его, понимая, что не должна чувствовать себя виноватой. Она тут ни при чем. Ее избранник любил другую.

Но почет он не полюбил ее?

Этот вопрос она задавала себе снова и снова в течение всей той давней зимы, когда пряталась от людей тут, в деревне, читая скандальные газетенки и понимая, что он выбрал другую, более красивую, более обворожительную, более волнующую, чем она сама. Понимая, что он счастлив, а она... нежеланна.

Пенелопа его не любила. Она о нем вообще почти не думала.

И все-таки это причиняло жгучую боль.

— А вот у меня все будет в порядке, — вступила в разговор Оливия. — Это мой второй сезон, я красива, обворожительна, и у меня огромное приданое. Мимо такого не пройдет ни один мужчина.

— О да. Совершенно обворожительна, — пробормотала Пиппа. Пенелопа уставилась в свою тарелку, чтобы скрыть усмешку.

Оливия уловила сарказм.

— Смейся сколько хочешь, но я-то знаю себе цену. И не допущу, чтобы со мной случилось то же, что с Пенелопой. Я выберу себе настоящего аристократа.

— Чудесный план, милая! — Леди Нидэм засияла от гордости.

Оливия улыбнулась:

— Слава Создателю, твой урок не прошел для меня даром, Пенни.

Пенелопа не удержалась, чувствуя, что должна хоть как-то себя защитить:

— Я же не прогоняла Лейтона прочь, Оливия. Помолвку разорвал отец из-за скандала, который устроила сестра Лейтона.

— Чепуха. Если бы Лейтон тебя хотел, он бы за тебя боролся, и к черту скандал! — заявила младшая сестра, поджав губы — ну просто прирожденная наивность. — Но этого не произошло. В смысле он не хотел тебя, вот и не боролся. И я считаю, что так случилось потому, что ты не старалась удержать его внимание.

Будучи самой младшей, Оливия никогда особенно не задумывалась о том, как сильно ее слова, иногда чересчур прямолинейные, могут ранить. Данный случай не был исключением.

Пенелопа горько усмехнулась:

— Я только сегодня получила новое предложение, если ты не забыла.

Оливия пренебрежительно махнула рукой.

— Предложение от Томми. Его нельзя считать удачным. Только безмозглая курица может решить, что он сделал предложение, потому что хочет на тебе жениться.

Всем известно, что Оливия всегда говорит правду. И ничего кроме.

— Если уж на то пошло, почему он сделал предложение? — вмешалась Пиппа, вовсе не собираясь быть жестокой, в этом Пенелопа не сомневалась. В конце концов, она и сама задавала этот вопрос себе (и Томми) всего час назад. В течение всех этих лет ей даже в голову не приходило, что можно выйти замуж за Томми.

Он никогда не был тем, о ком она мечтала.

— Не важно, почему он его сделал, — вмешалась леди Нидэм. — Важно то, что он хотел взять в жены Пенелопу! Хотел дать ей дом и имя и заботиться о ней, как это делал все эти годы ваш отец! — Она смерила Пенелопу недовольным взглядом. — Пенелопа, ты должна хорошенько подумать, милая! Что будет, когда твой отец умрет?

Лорд Нидэм оторвался от фазана.

— Прошу прощения?

Леди Нидэм небрежно отмахнулась, словно у нее нет времени думать о чувствах мужа, и снова завела свое:

— Он же не будет жить вечно, Пенелопа! Что тогда?

Пенелопа не могла понять, каким образом предполагаемая кончина отца имеет отношение к делам сегодняшним.

— Ну, полагаю, это будет очень печально.

Леди Нидэм досадливо покачала головой:

— Пенелопа!

— Мама, я честно не понимаю, на что ты намекаешь.

— Кто будет о тебе заботиться? Когда отец умрет?

— А что, папа собирается в ближайшее время умереть?

— Нет, — ответил отец. — Это не входит в мои планы.

— Этого знать невозможно! — В глазах маркизы набухали слезы.

— О, ради всего... — Лорд Нидэм не выдержал. — Я пока не умираю. И меня даже покорило, что подобное так легко слетело у тебя с языка. — Он повернулся к Пенелопе. — Что до тебя, то ты выйдешь замуж.

Пенелопа расправила плечи.

— Сейчас не Средневековье, отец. Ты не сможешь заставить меня выйти за того, за кого я не хочу.

Права женщин мало интересовали лорда Нидэма.

— У меня пять дочерей и ни одного сына, и будь я проклят, если оставлю хоть одну из вас незамужней и вынужденной самостоятельно о себе заботиться, в то время как этот идиот, мой племянник, будет разорять мои поместья. — Он помотал головой. — Я выдам тебя замуж, Пенелопа, причем выдам удачно. Самое время тебе перестать выкаблучиваться и выбрать себе пару.

У Пенелопы округлились глаза.

— Ты считаешь, что все это время я выкаблучивалась?

— Не знаю, чего ты дожидалась, зато знаю, что потворствовал тебе слишком долго, игнорируя тот факт, что фиаско с Лейтоном набросило тень на всех вас. — Пенелопа взглянула на сестер. Обе сидели, уставившись на свои коленки. Снова зашевелилось чувство вины, а отец продолжал: — С этим покончено. Ты выйдешь замуж в этом сезоне, Пенелопа.

— Но... никто, кроме Томми, не делал мне предложение последние четыре года!

— Томми — это только начало. Дальше предложения посыплются одно за другим.

За свою жизнь она столько раз видела это выражение абсолютной уверенности на лице отца, что сразу поняла — он прав. И тогда Пенелопа посмотрела ему прямо в глаза.

— Почему?

— Потому что я добавил к твоему приданому Фальконвелл.

Он произнес это так, как говорят фразы вроде «сегодня холодновато» или «рыбу недосолили». Словно все за столом просто примут его слова как истину. Словно к нему не повернутся сразу четыре головы с широко распахнутыми глазами и отвисшими челюстями.

— О! Нидэм! — изумленно воскликнула его жена.

Пенелопа не отводила взгляда от отца.

— Прошу прощения?

Вспыхнуло воспоминание. Смеющийся темноволосый мальчик лежит на низкой ветви громадной ивы и, свесившись вниз, уговаривает Пенелопу присоединиться к нему в его потайном укрытии. Третий из троицы.

Фальконвелл принадлежит Майклу.

И пусть фактически он уже десять лет ему не принадлежал, она всегда думала только так. Казалось неправильным, что теперь он каким-то странным образом стал принадлежать ей. Все эти прекрасные, роскошные земли, все, кроме дома и прилегающей к нему территории майората. По праву рождения — наследство Майкла.

Не ее.

— Откуда у тебя Фальконвелл?

— Откуда — не имеет значения, — произнес маркиз, не поднимая глаз от тарелки. — Но я больше не могу рисковать успехом твоих сестер на брачной ярмарке. Ты должна выйти замуж. Ты не останешься старой девой до конца своих дней, это обеспечит Фальконвелл. Похоже, уже обеспечил. Если тебе не нравится Томми, у меня лежит уже полдюжины писем интересующихся мужчинами со всей Британии.

Мужчин, интересующихся Фальконвеллом.

«Позволь мне защитить тебя».

Странные слова Томми обрели смысл.

Он сделал ей предложение, чтобы уберечь от кучи предложений, которые посыплются ради ее приданого. Сделал предложение, потому что он ее друг.

И ради Фальконвелла. На дальнем конце Фальконвелла имеется небольшой участок земли, принадлежащий виконту Лэнгфорду. Однажды он перейдет к Томми, и, если они поженились, он может прибавить Фальконвелл к нему.

— Ну конечно! — воскликнула Оливия. — Это все объясняет!

Он ей не сказал.

Пенелопа знала, что на самом деле Томми вовсе не прельщает женитьба на ней, но доказательство этого не стало приятным открытием. Она снова посмотрела на отца.

— Приданое. Оно обнародовано?

— Разумеется. Какой смысл утраивать ценность приданого дочери, если не открывать этого для публики?

Пенелопа поковыряла вилкой пюре из турнепса, мечтая оказаться где угодно, только не за этим столом, и в это время отец сказал:

— И нечего сидеть с таким несчастным видом. Благодарю звезды за то, что в конце концов найдешь себе мужа. С Фальконвеллом в приданом ты можешь заполучить даже принца.

— Что-то я устала от принцев, отец.

— Пенелопа! Никто не устает от принцев! Это немыслимо! — воскликнула мать.

— А я бы не отказалась встретить принца, — вмешалась Оливия, задумчиво жуя. — Если Пенелопа не хочет Фальконвелл, я буду счастлива включить его в свое приданое.

Пенелопа перевела взгляд на младшую сестру.

— Да, думаю, ты бы не отказалась, Оливия. Но сомневаюсь, что тебе он потребуется.

У Оливии были такие же светлые волосы и светло-голубые глаза, как у Пенелопы, но она совсем не походила на сестру, а была ошеломительно красива — как раз из тех женщин, кому достаточно щелкнуть пальцами, чтобы все мужчины оказались у ее ног.

И что еще хуже, она об этом знача.

— Он нужен тебе. Особенно сейчас, — вполне прагматично заметил лорд Нидэм, вновь поворачиваясь к Пенни, — Когда-то ты была достаточно молодой, чтобы привлечь внимание приличного мужчины, но те времена давно в прошлом.

Пенелопе хотелось, чтобы хоть одна из сестер вмешалась в эту перебранку, чтобы заступиться за нее. Возразить отцу. Сказать, быть может: «Пенелопе это ни к чему. Непременно явится кто-нибудь чудесный и потеряет дар речи от любви к ней. Любви с первого взгляда. Наверняка».

— Как это вышло, что Фальконвелл теперь принадлежит маркизу Нидэму и Долби? — спросила Пенелопа.

— Это не должно тебя волновать.

— Однако волнует, — стояла на своем дочь. — Как ты его получил? А Майкл знает?

— Понятия не имею, — ответил маркиз, взяв бокал с вином. — Но полагаю, это только вопрос времени.

— Ни один человек из приличного общества много лет не видел маркиза Борна, — фыркнула мать.

С тех пор как он исчез после скандала. С тех пор как проиграл все отцу Томми.

Пенелопа покачала головой:

— А ты не попытался вернуть имение ему?

— Пенелопа! Что за неблагодарность! — воскликнула маркиза. — Фальконвелл, присоединенный к твоему приданому, — блестящий пример щедрости и великодушия твоего отца!

Пример желания отца избавиться наконец от причиняющей неудобства дочери.

— Я его не хочу.

Не успев произнести эти слова, она поняла, что лукавит. Конечно, она его хочет. Земли Фальконвелла такие роскошные, живые и полны воспоминаний о ее детстве.

Воспоминаний о Майкле.

Прошли годы с тех пор, как она видела его в последний раз. Когда он покинул Фальконвелл, она еще была ребенком, а когда связанный с ним скандал сделался предметом разговоров лондонских аристократов и слуг в Суррее, только-только начала выезжать. А теперь, если она о нем и слышала, то только отголоски сплетен более опытных женщин общества. Он жил в Лондоне и держал там игорный дом — однажды она услышала это во время разговора нескольких особенно болтливых женщин в дамском салоне, но не стала уточнять, где именно, инстинктивно ощущая, что леди не посещают тех мест, куда угодил Майкл после своего падения.

— У тебя нет выбора, Пенелопа. Он принадлежит мне, а вскоре перейдет к твоему супругу. Мужчины со всей Британии соберутся, чтобы попытать свой шанс и выиграть его. Выходи сейчас за Томми или за любого другого, если хочешь. Но ты выйдешь замуж в этом сезоне. —

Отец откинулся на спинку стула и положил руки на свой широкий ремень. — В один прекрасный день ты еще поблаговаришь меня.

— Почему ты не вернул поместье Майклу?

Нидэм вздохнул, отшвырнул свою салфетку и встал из-за стола. Все, разговор окончен.

— Начать с того, что он обращался с ним чересчур беспечно, — просто ответил отец и вышел из комнаты. Леди Нидэм поспешила за ним следом.

Пусть с их последней встречи прошло шестнадцать лет, какая-то ее часть все еще считала Майкла Лоулера, маркиза Борна, своим близким другом, и Пенелопе не понравилось, как о нем говорил отец — будто тот не представляет собой никакой ценности и еще меньше значения.

Но с другой стороны, она и не знает Майкла, ставшего мужчиной. Когда она позволяла себе о нем думать (куда чаще, чем ей хотелось бы в этом признаться), он не был юношей двадцати одного года, потерявшим все в одной глупой игре на удачу.

Нет, в ее мыслях Майкл оставался другом детства, первым в ее жизни, двенадцатилетним мальчишкой, который вел ее по грязному лугу от одного приключения к другому, заливаясь смехом в самые неподходящие моменты так, что и она не могла удержаться от смеха, пачкая грязью коленки в сырых полях, что тянулись между двумя их домами; мальчишкой, который кидал камешки ей в окно летним утром, а потом они вместе шли на рыбалку на озеро, разделявшее владения Нидэма и Борна.

Пенелопа подняла глаза, посмотрела сначала на Пиппу, моргавшую большими голубыми глазами из-под очков, затем наткнулась на взгляд Оливии, исполненный... облегчения?

На вопросительный взгляд Пенелопы Оливия ответила:

— Нет, ну в самом деле, Пенни, ты должна признать, что твое замужество поможет всем нам. Ты послужила основной причиной того, что Виктории и Валери пришлось удовлетвориться такими скучными старыми мужьями.

Как будто она это специально запланировала.

— Оливия, — спокойно произнесла Пиппа, — это не очень справедливо.

— О, чушь! Пенни знает, что это правда.

А знает ли?

Она взглянула на Пиппу.

— Я и для тебя все усложнила?

Пиппа ответила уклончиво:

— Да вовсе нет. Каслтон только на прошлой неделе сообщил отцу, что намерен ухаживать за мной серьезно, а я вроде бы не самая захудалая дебютантка.

— Его бы следовало назвать лорд Простофиля, — усмехнулась Оливия.

Пиппа фыркнула:

— Стоп! Довольно! Он любит собак. — Она посмотрела на Пенелопу. — Как Томми.

— Вот к чему мы пришли? Выбирать будущих мужей, потому что они любят собак? — спросила Оливия.

Пиппа пожала плечиком.

Но ведь так быть не должно! Молодые женщины с внешностью и воспитанием ее сестер имеют право делать выбор, основываясь на чем-то большем, чем собачье товарищество. Они должны быть баловнями общества, держать его в своих руках, влиять на происходящие события.

Но этого не случилось, и все из-за Пенелопы, которая по иронии судьбы была баловнем из баловней, когда только начала выезжать, — избранная невеста герцога Лейтона, человека благороднейшего происхождения с безукоризненными манерами. После того как сватовство расстроилось, Пенелопа (что стало настоящей трагедией для ее сестер) утратила свое положение баловня общества. Сначала она считалась для многих добрым другом, затем приятной знакомой, а в последнее время гостьей, которая, однако, уже засиделась и злоупотребляет гостеприимством.

Она не была красавицей. Не была умницей. В общем, не была ничем особенным, разве только старшей дочерью очень богатого и очень титулованного аристократа. Рожденная и воспитанная, чтобы стать женой такого же богатого и такого же титулованного аристократа.

И почти стала такой.

Да только все разом изменилось.

В том числе ее ожидания.

Как ни печально, ожидания не помогли заключить удачный брак ни ей, ни ее сестрам. Несправедливо, что ей приходится страдать из-за разорванной помолвки почти десятилетней давности, и точно так же несправедливо, что из-за этого должны страдать ее сестры.

— В мои намерения не входило усложнить для вас возможность выйти замуж, — негромко произнесла Пенелопа.

— Ну значит, тебе повезло, что ты можешь все исправить, — отозвалась Оливия, которую явно не волновали чувства старшей сестры. — В конце концов, пусть твои шансы найти приличного мужа и невелики, но мои очень даже высоки. И станут еще выше, если ты выйдешь замуж за будущего виконта.

Снова вспыхнуло чувство вины. Пенелопа обернулась к Пиппе, внимательно за ней наблюдавшей.

— Ты согласна, Пиппа?

Та склонила голову набок, обдумывая варианты ответа.

— Хуже не будет, Пенни.

«По крайней мере тебе», — подумала Пенелопа, охваченная внезапной печатью — она вдруг поняла, что готова принять предложение Томми.

Ради своих сестер.

В конце концов, она могла составить куда худшую партию. Может быть, со временем она его даже полюбит.

«Дорогой М.!

Сегодня в Колдхарборе сожгли чучело Гая Фокса, и весь клан Марбери ходил на впечатляющее представление. Я просто обязана тебе написать, потому что очень расстроилась, обнаружив, что ни один молодой человек не захотел залезть на деревянный столб, чтобы сорвать оттуда шляпу мистера Фокса.

Может быть, на Рождество ты их научишь паре-другой трюков.

Твой верный друг П.

Нидэм-Мэнор, ноябрь 1813 года».

«Дорогая П.!

Они не нуждаются в моих уроках, если там есть ты, вполне способная сама сорвать эту потрепанную шляпу. Или теперь это для леди чересчур?

Я. приеду домой на Рождество. Если будешь вести себя очень хорошо, привезу тебе подарок.

М.

Итон-колледж, ноябрь 1813 года».

Этой ночью, когда весь дом уснул, Пенелопа надела свой самый теплый плащ, вытащила муфту, взяла с письменного стола фонарь и решила прогуляться по своей земле. Ну, не совсем своей. По земле, которая прикладывалась к ее руке в браке. По земле, которую и Томми, и множество других молодых привлекательных соискателей готовы принять с радостью в обмен на то, чтобы забрать Пенелопу из ее семьи и сделать своей женой.

Как романтично!

Она прожила слишком много лет, надеясь на большее. Веря (хотя убеждала сама себя, что не стоит), что и она тоже может быть счастлива. Что может найти что-то настоящее. Нет. Она не будет об этом думать.

В особенности сейчас, когда она прямоком идет к браку, которого так надеялась избежать. Теперь она не сомневалась, что отец твердо решил выдать свою старшую дочь замуж в этом сезоне — за Томми или любого другого. Пенелопа мысленно перечислила холостых мужчин светского общества, отчаявшихся настолько, что готовы будут жениться на двадцативосьмилетней девице с разорванной помолвкой в прошлом, но ни один из них не показался ей хоть сколько-нибудь годным мужем.

Мужем, которого она сможет полюбить.

Значит, Томми.

Пусть будет Томми.

Пенелопа приготовилась к холоду, опустила лицо в плащ и натянула капюшон пониже на лоб. Хорошо воспитанные леди не гуляют в глухую ночь, она это знала, но весь Суррей спит, до ближайшего соседа много миль, а лютый холод очень подходил к горькой досаде на события дня.

Несправедливо, что разорванная помолвка из далекого прошлого привела к такому сложному и запутанному настоящему. Вроде бы восьми лет должно хватить, чтобы Лондон забыл легендарную осень 1823 года, однако Пенелопу по-прежнему преследовала эта история. В бальных залах не умолкали шепотки: в дамских салонах веера шелестели, как крылышки у колибри, заглушая негромкие разговоры, из которых она улавливала только обрывки — приглушенные рассуждения о том, что же она такое натворила, раз герцог потерял к ней интерес, и почему она считает себя настолько выше других, что отвергает прочие предложения.

Неужели она слишком многого хочет от жизни?

Вероятно.

Пенелопа поднялась вверх по заснеженному склону, на минутку остановилась на вершине холма и посмотрела на черное озеро внизу, отмечавшее границу между землями Нидэма и Борна... точнее, бывшими землями Борна. И пока стояла так, глядя в темноту, думая о своем будущем, она вдруг поняла, что совсем не хочет спокойной жизни в пастельных тонах, кадрилей и тепловатого лимонада.

А чем, собственно, ей не подходит Томми? В конце концов, он добрый, щедрый, у него недурной характер и теплая улыбка. Он не настолько красив, чтобы привлекать внимание, и не настолько умен, чтобы его побаиваться.

Вполне подходящие качества.

Пенелопа представила себе, как берет его за руку, чтобы он сопровождал ее на бал, в театр или на обед. Представила, как танцует с ним. Улыбается ему. Мысленно ощутила его руку в своей.

Она влажная и липкая.

Вообще-то это ерунда. Нет никаких причин думать, что руки у Томми вдруг будут влажными. На самом деле они у него скорее всего теплые и совершенно сухие. И все-таки Пенелопа невольно обтерла свою руку в перчатке о юбку. Разве руки у мужей не должны быть крепкими и сильными? В особенности в фантазиях?

Так почему же не у Томми?

Он хороший друг. С ее стороны некрасиво воображать его с липкими руками. Он заслуживает хорошего отношения. Пенелопа сделала глубокий вдох, наслаждаясь резким морозным воздухом, закрыла глаза и попыталась снова... представить себя леди Томас Оллес.

Она улыбается своему мужу. С любовью.

Он улыбается ей в ответ. «Давай ударим по рукам, хорошо?»

Пенелопа открыла глаза.

Да пропади оно все пропадом!

Она начала спускаться к замерзшему озеру.

Она выйдет за Томми! Именно так поступают старшие дочери из приличных семей.

Они делают так, как им говорят.

Даже если им этого совершенно не хочется.

Даже если они хотят большего.

И тут Пенелопа увидела в отдалении огонек, там, в небольшой роще на дальнем берегу озера.

Она остановилась и прищурилась в темноту, не обращая внимания на ветер, кусающий ее за щеки. Наверное, просто вообразила. Наверное, это лунный свет блестит на снегу. Правда, луны что-то не видно.

Огонек снова мигнул. Пенелопа ахнула, сделала шаг назад и широко распахнула глаза — теперь огонек быстро передвигался между деревьями.

Она всматривалась в темноту, глядя туда, где слабый желтоватый огонек мигал в роще. Пенелопа не сдвинулась с места, но подалась вперед, словно один-два дюйма помогут ей лучше рассмотреть источник света.

Там кто-то есть.

Может быть, кто-то из прислуги, но это маловероятно. Слугам Нидэма нет нужды ходить на озеро в глухую ночь, и прошло много лет с тех пор, как последний слуга покинул Фальконвелл. После этого содержимое особняка увезли, и огромное каменное здание осталось пустым, необитаемым. Долгие годы никто не заходил в тот дом.

Нужно что-то делать.

Это может быть все, что угодно. Пожар. Злоумышленник. Привидение.

Нет, привидение — это вряд ли.

Но вполне возможно, что это злоумышленник, который задумал что-то недоброе в Фальконвелле. В таком случае необходимо что-то предпринять. В конце концов, преступникам запрещается поселяться в особняке маркиза Борна!

Если он сам не намерен обеспечить безопасность своего имения, похоже, этим придется заняться Пенелопе. Ведь теперь она имеет равные права на Фальконвелл, верно? И если особняк захватили пираты или разбойники, это наверняка повлияет на ценность ее приданого, так?

Огонек снова мигнул.

Непохоже, чтобы разбойников было слишком много, разве только источников света у них маловато. А если хорошенько подумать, то вряд ли пиратам или разбойникам захочется выбрать своей резиденцией Фальконвелл, поскольку океан от него очень далеко. Какой смысл?

И все-таки...

Остается вопрос — кто?

И зачем?

Но в одном Пенелопа была уверена. Старшие дочери из приличных семей не выясняют, откуда глухой ночью берутся странные огни.

Вне всякого сомнения, это слишком рискованно и безрассудно.

Здесь кроется большее.

Собственно, именно это и заставило ее принять решение.

Она сказала, что хочет большего, и большее — вот оно.

Мироздание действует удивительным образом, правда?

Пенелопа сделала глубокий вдох, расправила плечи и зашагала вперед. Возбуждение толкало ее к кустам на дальнем берегу озера, мешая подумать о том, как глупо она поступает.

Она одна.

В глухую ночь.

В сильный мороз.

Направляется неизвестно куда и зачем. И никто не знает, где она сейчас находится.

Внезапно брак с Томми показался ей не таким уж и плохим.

Хотя, конечно, вероятность того, что ее убьют какие-то сухопутные пираты, ничтожно мала.

Пенелопа услышала, как хрустит неподалеку снег, и резко остановилась, высоко подняв фонарь и всматриваясь в темноту, в рощу, где чуть раньше увидела огонек.

Сейчас она не видела ничего.

Только падающий снег и тень, которую запросто мог отбрасывать какой-нибудь медведь-шатун.

— Какая чушь, — прошептала она себе под нос. Собственный голос в этой тьме успокаивал. — В Суррее нет никаких медведей.

Но убежденности не почувствовала и совсем не торопилась выяснить, что та черная тень и вправду медведь.

У нее еще полно дел дома, причем самое первое из них — принять предложение Томми.

А затем спокойно проводить время за шитьем.

Да только в ту самую минуту, как она решила повернуться и помчаться домой, из-за деревьев вышел мужчина с фонарем в руках.

Глава 3

«Дорогой М.!

Подарок! Какое сумасбродство! Школа определенно превращает тебя в утонченного мужчину — в прошлом году ты подарил мне недоеденный имбирный пряник. Я буду с волнением ждать, что же ты придумал на этот раз.

Полагаю, это означает, что и я должна приготовить тебе подарок.

До скорой встречи. П.

Нидэм-Мэнор, ноябрь 1813 года».

«Дорогая П.!

Пряник был превосходный. Я мог бы и догадаться, что ты ни в малейшей степени не оценишь моей щедрости. Вот что случается с добрыми намерениями и как мало они значат!

Будет так хорошо снова приехать домой. Я скучаю по Суррею и по тебе, Шестипенсовик (хотя признаваться в этом не очень-то приятно).

М.

Итон-колледж, ноябрь 1813 года».

Беги!

Слово отозвалось в голове, словно его прокричали в ночи, но похоже, руки и ноги Пенелопы были просто не в состоянии выполнить этот приказ. Вместо того чтобы помчаться прочь, она низко пригнулась за кустами в безумной надежде, что мужчина ее не заметит. Услышав его приближающиеся шаги, она крадучись стала передвигаться в сторону озера, готовясь рвануть со всех ног, но наступила на собственный плащ, потеряла равновесие и рухнула в ближайший куст.

Очень колючий.

— Ооой! — Пенелопа вытянула руку, чтобы окончательно не запутаться в злобном растении, но укололась о ветку. Шаги приближались. Пенелопа закусил губу и застыла.

И затаила дыхание.

Может быть, он ее не заметил. В конце концов, тут очень темно.

Если бы не фонарь в руке!

Она отшвырнула его в куст.

Это не помогло, потому что почти мгновенно ее залило другим светом.

От его фонаря.

Он шагнул к ней.

Пенелопа сильнее прижалась спиной к кусту, решив, что острые листья предпочтительнее, чем нависшая над ней тень.

— Привет.

Он остановился, но не ответил. Повисло долгое, невыносимое молчание. Сердце Пенелопы грохотало, ей казалось, что это единственная часть ее тела, которая еще в состоянии двигаться. Поняв, что больше ни секунды не выдержит этого молчания, она заговорила, не меняя своего положения, но стараясь придать голосу необходимую твердость:

— Вы нарушили границу и вторглись на чужую территорию.

— Да неужели?

Для пирата у него был очень приятный голос. Он словно исходил глубоко из груди, невольно заставляя думать о гусяном пухе и теплом бренди. Пенелопа покачала головой, решив, что эта мысль навеяна холодом, играющим шутки с ее сознанием.

— Да. Именно. Вон тот дом вдалеке — это Фальконвелл-Мэнор. Его владелец — маркиз Борн.

Мгновение тишины.

— Впечатляет, — сказал пират, но у Пенелопы возникло отчетливое ощущение, что он ничего не понял.

Она попыталась надменно выпрямиться. И упала. Дважды. После третьей попытки она отряхнула юбку и произнесла:

— Это весьма впечатляет. И заверяю вас, маркиз будет очень недоволен, когда узнает, что вы...
— она повела рукой в воздухе, — ...уж не знаю, что делаете на его земле.

— В самом деле? — Похоже, пират ничуть не обеспокоился. Он опустил фонарь, оставив верхнюю половину тела в темноте и продолжая продвигаться вперед.

— Еще как. — Пенелопа расправила плечи. — И я даже готова дать вам бесплатный совет — с ним шутки плохи.

— Звучит так, словно вы с маркизом очень близки.

Пенелопа подняла свой фонарь и стала незаметно отодвигаться подальше.

— О да. Так и есть. Весьма близки. Уж поверьте.

Вообще это не совсем ложь. Они были очень близки, когда он носил короткие штанишки.

— А я так не думаю, — заявил он низким, угрожающим голосом. — Собственно, я не думаю, что маркиз находится где-нибудь поблизости. И что тут вообще кто-нибудь есть.

Услышав в его голосе угрозу, Пенелопа остановилась, испугавшись, как бы он не выстрелил, и стала думать, что делать дальше.

— Будь я на вашем месте, не пытался бы бежать, — предостерег он, словно прочитав ее мысли.
— Темно, и снег глубокий. Далеко вы не убежите...

Он не договорил, но она и так поняла.

Он ее поймает и убьет.

Пенелопа зажмурилась.

Говоря, что хочет большего, она рассчитывала вовсе не на это. Ей придется умереть здесь. В снегу. И ее не найдут до самой весны. И то, если ее труп не сожрут оголодавшие волки.

Нужно что-то делать.

Пенелопа открыла глаза и обнаружила, что незнакомец заметно приблизился.

— Эй! Не вздумайте подойти ближе! Я... — Она лихорадочно придумывала, чем его напугать. — Я вооружена!

Он остался равнодушен к ее угрозе.

— Собираетесь убить меня своей муфтой?

— Вы, сэр, не джентльмен.

— А-а! Наконец-то правда.

Она сделала еще шаг назад.

— Я ухожу домой.

— Не думаю, Пенелопа.

Она услышала свое имя, и сердце ее остановилось, затем снова заколотилось, да так громко, что она не сомневалась — этот... этот негодяй его слышит.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я много чего знаю.

— Кто вы такой?

Она подняла лампу вверх, словно та могла отогнать опасность, и он шагнул в круг света.

Он не походил на пирата.

Он казался... знакомым.

Было что-то такое в красивых углах и глубоких порочных тенях, во впавших щеках, в прямой линии рта, в резкой линии челюсти, нуждавшейся в бритве...

Да, было что-то такое — шепоток узнавания.

На нем была шапка в тонкую светлую полоску, припорошенная снегом, козырек которой скрывал в глубокой тени глаза. Они и составляли недостающую часть.

Пенелопа так и не поняла, откуда возник этот порыв, возможно, от желания выяснить личность человека, собравшегося оборвать дни ее жизни, но она не удержалась — подняла

руку и отодвинула шапку на затылок, чтобы увидеть его глаза.

Только позже ей пришло в голову, что он даже не попытался ее остановить.

Глаза оказались карими, точнее, мозаикой из коричневых, зеленых и серых оттенков, обрамленными длинными темными ресницами, слипшимися от снега. Она узнала бы их где угодно, пусть даже они оказались намного серьезнее, чем она помнила. Ее пронзило потрясением, тут же сменившимся приливом счастья.

Это вовсе не пират.

— Майкл?

Он застыл, услышав это имя, но Пенелопа не дала себе труда задуматься почему.

Она прижала ладонь к его холодной щеке (жест, которому она потом сильно изумлялась) и засмеялась. Густо падавший снег приглушил ее смех.

— Это ты, правда?

Он убрал ее руку от своего лица. Перчаток на нем не было, но руки все равно оставались такими теплыми.

И совсем не липкими.

Прежде чем Пенелопа успела остановить его, он подтянул ее к себе и откинул назад капюшон плаща, подставив ее лицо снегу и свету. Его взгляд долго блуждал по ее лицу, и она забыла, что чувствует себя неловко.

— Ты выросла.

Пенелопа не удержалась и засмеялась снова, разглядывая его. Когда они виделись в последний раз, он был на несколько дюймов выше ее, долговязым мальчишкой с руками и ногами, слишком длинными для его тела. Но теперь все не так. Этот Майкл был мужчиной, высоким и худощавым.

И очень, очень привлекательным.

Пенелопа все еще не могла поверить, что это он.

— Майкл!

Он прямо посмотрел ей в глаза, и ее охватило удовольствие, словно взгляд был физическим прикосновением.

— Почему ты болтаешься в темноте, глубокой ночью, в этой глухомани? — строго спросил ее старый друг.

— Никакая это не глухомань! Мы всего-то в полумиле от каждого из наших домов.

— Ты могла наткнуться на разбойника с большой дороги, или на грабителя, или похитителя людей, или...

— Пирата. Или медведя. Я уже перебрала все возможные варианты.

Тот Майкл, которого она знавала когда-то, сейчас непременно улыбнулся бы. Этот не улыбался.

— В Суррее нет никаких медведей.

— Пожалуй, пираты тоже оказались бы сюрпризом, тебе не кажется?

Ответом было молчание. А ведь она попыталась разбудить прежнего Майкла! Выманить его наружу.

— Я предпочту старого друга любому пирату или медведю, Майкл.

Он переступил с ноги на ногу, снег заскрипел. В голосе послышалась сталь:

— Борн.

— Прошу прощения?

— Называй меня Борн.

Пенелопу охватило потрясенное замешательство. Да, он маркиз, но ей и в голову никогда не приходило, что он будет так твердо держаться за свой титул... в конце концов, они же друзья детства! Она кашлянула.

— Разумеется, лорд Борн.

— Не титул. Просто имя. Борн.

Пенелопа подавила растерянность.

— Борн?

Он едва заметно кивнул.

— Спрашиваю еще раз. Что ты тут делаешь?

Ей даже в голову не пришло, что можно не ответить.

— Увидела твой фонарь и пришла посмотреть, что происходит.

— Ты пришла глухой ночью, чтобы проверить, что за странный фонарь горит в лесу у дома, необитаемого вот уже шестнадцать лет?

— Он необитаем всего девять лет.

— Не помню, чтобы раньше ты была такой отчаянной.

— Значит, ты вообще плохо меня помнишь. Я всегда считалась несносным ребенком.

— Ничего подобного. Ты была очень серьезной.

Пенелопа улыбнулась:

— Значит, все-таки помнишь. А ты обычно старался меня рассмешить. Я просто пытаюсь отплатить тебе такой же любезностью. Получилось?

— Нет.

Она выше подняла фонарь, и он позволил ей осветить свое лицо теплым золотистым светом. Он очень возмужал, врос в свои длинные конечности и угловатое лицо. Пенелопа всегда считала, что он будет очень привлекательным, но он стал не просто привлекательным... а почти красивым.

Но вряд ли виновата темнота, затаившаяся у его лица, несмотря на свет фонаря, — что-то опасное виделось ей в его челюсти, в напряженном лбе, в глазах, словно навсегда забывших о радости, в губах, кажется, утративших умение улыбаться. В детстве у него на щеке была ямочка, появлявшаяся так часто, и сам он то и дело затевал всякие приключения. Она всмотрелась в левую щеку, пытаясь найти ту предательскую ямочку, но так се и не обнаружила.

Более того, сколько Пенелопа ни всматривалась в это новое суровое лицо, она не могла увидеть в нем мальчика, которого когда-то знала. Если бы не глаза, она бы и вовсе не поверила, что это он.

— Как печально, — негромко прошептала Она.

Он услышал.

— Печально что?

Она покачала головой, глядя ему в глаза, единственное, что осталось в нем знакомым.

— Он исчез.

— Кто?

— Мой друг.

Пенелопа и представить не могла, что такое возможно, но его лицо внезапно сделалось еще жестче, еще суровее, еще опаснее и словно подернулось тенью. У нее мелькнула мысль, что она зашла слишком далеко. Он по-прежнему не двигался, наблюдая за ней мрачным взглядом, похоже, замечавшим все.

Все инстинкты кричали — уходи! Быстро! И никогда не возвращайся. Но она осталась.

— И сколько времени ты пробудешь в Суррее? — Он не ответил. Она шагнула к нему, понимая, что лучше этого не делать. — В доме вообще ничего нет.

Он проигнорировал и это. Пенелопа решительно продолжала:

— А где ты спишь?

Порочная темная бровь взметнулась вверх.

— Что за вопрос? Ты приглашаешь меня к себе в постель?

Слова обожгли неприкрытой грубостью. Пенелопа замерла, словно от физического удара, и немного помолчала, не сомневаясь, что он извинится.

Тишина.

— Ты изменился.

— Вероятно, тебе следует вспомнить это, когда ты в следующий раз помчишься на поиски полуночных приключений.

В нем не осталось ничего от того Майкла, которого она когда-то знала.

Пенелопа повернулась и направилась в черноту, в ту сторону, где стоял Нидэм-Мэнор, но, пройдя всего несколько футов, вернулась назад. Он так и не шелохнулся.

— Я в самом деле была счастлива увидеть тебя.

Она снова повернулась и зашагала в сторону дома, чувствуя, как холод проникает глубоко в кости, но опять вернулась назад, не в силах удержаться от последней язвительной реплики:

— И, Майкл... — Она не видела его глаз, но мгновенно поняла, что он смотрит на нее. Слушает.

— Ты на моей земле.

Она пожалела о своих словах сразу же, как только произнесла их, — они вырвались от досады и раздражения, приправленных желанием обидеть, более подходящим скверному, испорченному ребенку, чем женщине двадцати восьми лет.

И пожалела еще сильнее, когда он метнулся к ней, как волк в ночи.

— Твоя земля? Вот как?

Это прозвучало мрачно и угрожающе. Пенелопа невольно отступила назад.

— Д-да.

— Ты и твой отец думаете, что сможете подцепить для тебя мужа с помощью моей земли?

Он знает.

Пенелопа постаралась подавить грусть, охватившую ее, когда она поняла, что он появился здесь ради Фальконвелла. А не ради нее. Он подходил все ближе и ближе, а Пенелопа пятилась, чувствуя, как перехватило дыхание, и пытаясь двигаться так же быстро, как и он. Бесполезно. Она замотала головой. Нужно отказаться от своих слов. Кинуться к нему и успокоить. Умиротворить дикого зверя, загонявшего ее в глубокий снег. Но ничего этого она делать не стала.

Она слишком разозлилась.

— Это не твоя земля. Ты ее потерял. А я уже нашла себе мужа.

Ему совсем не обязательно знать, что она не приняла предложение.

Он остановился.

— Ты замужем?

Она снова замотала головой, торопливо отодвигаясь от него, пользуясь моментом, чтобы увеличить между ними расстояние.

— Еще нет, но... очень скоро. И мы будем жить долго и счастливо здесь, на нашей земле.

Да что с ней такое? Слова вылетели сами, порывисто и быстро, и забрать их обратно уже невозможно.

Он снова надвинулся на нее, на этот раз очень сосредоточенно.

— Все до единого мужчины в Лондоне мечтают о Фальконвелле — если не ради земли, то просто чтобы взять надо мной верх.

Если она начнет двигаться еще быстрее, то рухнет в снег, но попытка того стоила — Пенелопа внезапно очень занервничала. Что с ней случится, если он ее поймает? Она споткнулась о корень дерева, спрятавшийся под снегом, и, вскрикнув, полетела навзничь, широко раскинув руки в неуклюжей попытке удержаться на ногах.

Он подскочил к ней, схватил своими большими сильными руками, поднял, прижал спиной к стволу большого дуба и прежде, чем Пенелопа смогла убежать, уперся обеими руками в ствол, удерживая, как в клетке.

Мальчик, которого она помнила, исчез навсегда.

А со сменившим его мужчиной шутки определенно плохи.

Он оказался близко. Слишком близко. Наклонился к ней. Его дыхание оведало ей щеку, только усиливая тревогу. Пенелопа перестала дышать, слишком сосредоточившись на исходившем от него жаре, ожидая, что еще он скажет. Он понизил голос до шепота:

— Чтобы заполучить его, они даже готовы жениться на перезрелой старой деве.

И тогда она его возненавидела. Возненавидела его слова, обыденную жестокость, с которой он их произнес. Подступили слезы.

Нет. Нет! Она не заплачет!

Не перед этим животным, ничем не похожим на мальчика, которого она когда-то знала. Того, о возвращении которого так долго мечтала.

Но не о таком возвращении.

Она снова начала вырываться, лягаться, пнула его ногой в икру достаточно сильно, чтобы с удовлетворением услышать стон.

— Пошел к черту! — прокричала Пенелопа, прекрасно понимая, что леди не ругаются, но не зная, как еще достучаться до этого жестокого незнакомца. — Что ты собрался сделать — оставить меня здесь, в снегу, чтобы я замерзла насмерть?

— Нет. — Слово, произнесенное ей прямо в ухо, прозвучало мрачно и чуть слышно. Он легко удерживал ее, прищипленную к стволу.

Но Пенелопа не сдавалась.

— Что тогда? Похитишь меня? Будешь держать заложницей, чтобы обменять на Фальконвелл?

— Нет, хотя мысль не самая плохая. — Он стоял так близко, что она чуяла его запах, бергамот

и можжевельник. Пенелопа замерла на мгновение, снова ощутив его дыхание на своей щеке. — У меня на уме кое-что похуже.

Она застыла. Ведь не убьет же он ее?

В конце концов, когда-то они были друзьями. Давным-давно, до того как он стал красивым, как дьявол, и таким же холодным. Нет, в два раза холоднее. Он ее не убьет. Но что же тогда?

Он погладил кончиком пальца ее стройную шею. Палец словно обжигал. У нее перехватило дыхание от этого прикосновения... такое греховное тепло и почти невыносимое ощущение.

— У тебя моя земля, Пенелопа, — прошептал он ей на ухо голосом низким, мелодичным, сбивающим с толку. Ее охватила тревожная дрожь. — И я хочу получить ее обратно.

Не следовало сегодня вечером уходить из дома. Какая она все-таки дура.

Если только она выживет, то больше вообще никогда не выйдет из дома.

Пенелопа, закрыв глаза, покачала головой, пытаясь справиться с сумбуром эмоций:

— Я не могу ее тебе вернуть.

Он провел ладонью по ее руке долгим ласкательным движением, крепко обхватил запястье.

— Зато я могу ее взять.

Она открыла глаза и наткнулась на его взгляд, черный в этой тьме.

— Что это значит?

— Это значит, моя милая, — с насмешливой нежностью произнес он, — что нам придется пожениться.

Вот теперь Пенелопу пронзило шоком, а Майкл перекинул ее через плечо и направился через рощу к Фальконвелл-Мэнору.

«Дорогой М.!

Просто не верится, что ты не рассказал мне, что тебя назначили старостой класса, и мне пришлось узнать об этом от твоей матери (она тобой очень гордится). Я потрясена и ошеломлена тем, что ты не захотел со мной поделиться... а то, что ты умудряешься не хвалиться этим направо и налево, меня очень впечатлило.

Должно быть, ты кучу всего не рассказываешь мне про школу. Я жду.

Всегда терпеливая П.

Нидэм-Мэнор, февраль 1814 года».

«Дорогая П.!

Боюсь, староста класса — не такое уж высокое звание для первого года обучения. Я все еще вынужден подчиняться прихотям более старших учеников. Но не переживай — когда меня

назначат старостой в следующем году, я буду бесстыдно бахвалиться.

Рассказов и правда куча... но не для девочек.

М.

Итон-колледж, февраль 1814 года».

Борн представлял себе не меньше дюжины сценариев, оканчивающихся тем, что он утаскивает Пенелопу от отца и семьи и женится на ней, чтобы вернуть себе свою землю. Он планировал соблазнение и принуждение и даже (в самом крайнем случае) насильственное похищение.

Но ни один из этих сценариев не включал в себя засыпанную снегом женщину со склонностью к опасным поступкам и почти полным отсутствием здравого смысла, которая сама подойдет к нему глухой морозной январской ночью в Суррее. Она избавила его от многих хлопот.

Естественно, было бы глупо заглядывать в зубы этому дареному коню.

Поэтому он забрал ее с собой.

— Ты скотина!

Борн поморщился. Она колотила его кулаками по спине, размахивала ногами, и только их неудобное положение спасало его от того, чтобы расстаться с наиболее критичными деталями собственной анатомии. Хватило бы и одного удачного пинка.

— Сейчас же поставь меня на землю!

Он проигнорировал ее требование, напротив, перехватил одной рукой ее ноги и подтолкнул ее повыше. Она запищала и крепко вцепилась в его пальто, чтобы удержать равновесие. Борн снова положил ее на плечо, с удовольствием отметив сдавленное «о-о-о-й!», когда плечо врезалось в ее мягкий живот.

Похоже, леди не особенно довольна тем, как разворачиваются события ночи.

— У тебя что, проблемы со слухом? — язвительно осведомилась она.

Он не ответил.

Ему это и не требовалось. Она сама отлично заполняла тишину своим бормотанием.

— Не стоило мне уходить из дома... Господь свидетель, знай я, что наткнулся на тебя, заперла бы все окна и двери и послала бы за констеблем... только подумать... а ведь я и вправду обрадовалась, когда увидела тебя!

Она обрадовалась, увидев его, ее смех походил на солнечный свет, а возбуждение казалось осязаемым. Он запретил себе думать о том, когда в последний раз кто-нибудь радовался встрече с ним. Главное — вернуть свою землю. Землю, где он родился, а до него — его отец, и отец отца, и дальше, дальше, поколение за поколением, слишком много, чтобы сосчитать.

Землю, которую он потерял, но поклялся, что обретет вновь.

Любой ценой.

Даже если эта цена — женитьба.

— Ты не можешь просто тащить меня, как... как... овцу!

Он на долю секунды приостановился.

— Овцу?

Пенелопа замолчала, очевидно, переосмысливая сравнение.

— Иногда фермеры носят своих овец на плечах, — пояснила она.

— Никогда не видел, но ты живешь в деревне дольше, чем я, значит... если ты говоришь, что я обращаюсь с тобой, как с овцой, так оно и есть. Если это тебя хоть как-то утешит, у меня нет намерения тебя стричь.

— Ни малейшего утешения! — колко отрезала она. — И я скажу тебе еще раз! Поставь! Меня! На землю!

Она снова начала изгибаться и едва не выскользнула из его хватки, причем одна пятка оказалась в опасной близости от самой ценной детали его анатомии.

Он закричал и сжал ее крепче.

— Прекрати.

Подняв руку, он чувствительно шлепнул ее по заднице. Пенелопа оцепенела.

— Ты не... я не могу... Ты меня ударил!

Он пинком распахнул заднюю дверь, ведущую в кухню Фальконвелла, и вошел внутрь. Поставив фонарь на ближайший стол, опустил Пенелопу на пол в центре темного помещения.

— Во-первых, мне казалось, мы уже решили, что я не джентльмен. Это судно отплыло давным-давно. Во-вторых, ты будешь сильно удивлена, узнав, что джентльмены делают со своими женами и от чего леди получают удовольствие.

Она негромко ахнула. Борн направился туда, где чуть раньше оставил бутылку виски. Он как следует приложился к выпивке, с наслаждением глядя, как ее шокирует его поведение, вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел ей в глаза. При этом не произнес ни слова, радуясь тому, как его молчание ее бесит.

После длинной паузы она провозгласила:

— Ты не можешь меня похитить!

— Как я уже сказал у озера, в мои намерения не входит тебя похищать. — Он наклонился, чтобы их лица оказались вровень. — Я намерен жениться на тебе, милая.

Она долго смотрела на него.

— Я ухожу.

— Не получится.

— Я же не связана! И могу уйти, если хочу.

— Веревки — это для любителей. — Он прислонился к буфету. — Можешь попытаться.

Она шагнула, собираясь протиснуться мимо него. Он не двинулся с места, и она остановилась, не желая к нему прикасаться.

Мелькнуло воспоминание о ее теплой руке на его холодной щеке. Очевидно, ее поведение там, у озера, было вызвано удивлением.

И удовольствием. Почему нет?

Интересно, что еще она может сделать инстинктивно, в ответ на удовольствие? Мелькнула картинка — белокурые волосы разметались по темным шелковым простыням, холодные голубые глаза зажглись изумлением, а он дает возможность чопорной, правильной Пенелопе мельком познакомиться с темным, пьянящим наслаждением.

Он едва не поцеловал ее там, в темноте. Началось все с попытки запугать ее, начать методично компрометировать тихую, непритязательную Пенелопу Марбери. Но сейчас, стоя в пустой кухне, он гадал, какова она на вкус. Как ее дыхание будет овеять его кожу. Как она будет лежать рядом с ним. Обвинившись вокруг него.

— Это глупо.

Ее слова вернули его в настоящее.

— Ты уверена, что не хочешь выпить?

Ее глаза широко распахнулись.

— Я... нет!

Она раздраженно фыркнула.

— Майкл...

Отвратительно слышать свое имя из ее уст.

Нет, это неправда.

— Борн.

Она посмотрела ему в глаза.

— Борн... ты уже доказал мне все, что хотел. — Он с любопытством молчал, и она настойчиво продолжила: — Я поняла, что глупо бродить по лесу по ночам, что на меня могли напасть, могли меня похитить или даже еще хуже. И я готова признать, что ты преподавал мне заслуженный урок.

— Как великодушно с твоей стороны.

Она продолжила, будто он ее и не прерывал, обходя его по кругу. Он передвинулся, по-прежнему закрывая ей выход. Пенелопа остановилась, и в ее голубых глазах мелькнуло что-то, что он определил как бессильную досаду.

— Кроме того, я готова закрыть глаза на вопиющее нарушение этикета — на то, что ты физически вынудил меня покинуть общественное место и оказаться в совершенно неподобающем... и к тому же слишком уединенном.

— Еще не забудь, что я тебя отшлепал.

— И это тоже. Абсолютно... совершенно... сверх всякой меры неприлично.

— Похоже, с правилами приличия ты продвинулась недалеко.

Она замерла, и Борн мгновенно понял, что задел за живое. В глубине души шевельнулось что-то неприятное, но он подавил это.

Пусть он собирается жениться на ней, но уж волноваться за нее он не намерен.

— Боюсь, у меня на тебя большие планы, Пенелопа, и сегодня ночью ты никуда не уйдешь. — Он протянул ей бутылку виски и заговорил со всей серьезностью: — Выпей. Это поможет тебе продержаться до завтра.

— А что случится завтра?

— Завтра мы поженимся.

Глава 4

Пенелопа выхватила у него из руки бутылку виски, подумав, что не помешает к ней как следует приложиться. Похоже, нет более удачной минуты, чтобы начать вести жизнь пьяницы.

— Я за тебя не выйду!

— Боюсь, это дело решенное.

Вспыхнуло негодование.

— Ну уж нет, никакое не решенное!

Она прижала бутылку к груди и стала протискиваться мимо него к двери. Он не шелохнулся. Пенелопа остановилась почти вплотную к нему, задев его плащом, и посмотрела прямо в серьезные карие глаза, отказываясь подчиняться этому смехотворному требованию.

— Отойдите, лорд Борн. Я возвращаюсь домой. Вы сумасшедший.

Он приподнял раздражающую ее темную бровь и насмешливо произнес:

— Какой тон. Боюсь, я не в настроении двигаться. Тебе придется найти другой выход.

— Не заставляй меня делать то, о чем я потом пожалею.

— А зачем сожалеть? — Он поднял руку и одним теплым пальцем приподнял ее подбородок. — Бедная Пенелопа. Так боится риска.

— Я не боюсь риска. И тебя не боюсь.

Темная бровь изогнулась.

— Нет?

— Нет.

Он склонился к ней. Близко. Слишком близко. Настолько, что ее обволокло ароматом бергамота и можжевельника. Настолько, что она заметила очаровательный коричневый оттенок его глаз.

— Докажи.

Голос его прозвучал низко и хрипло, и по ее спине пробежала дрожь возбуждения.

Он подошел еще ближе, достаточно близко, чтобы прикоснуться — достаточно близко для того, чтобы жар его тела согрел ее в промерзшей комнате. Пальцы его зарылись в волосы у нее на затылке, удерживая Пенелопу на месте, он навис над ней, угрожая. Обещая.

Словно он ее хочет.

Словно он пришел специально за ней.

Что, безусловно, не так.

Если бы не Фальконвелл, он бы здесь не появился.

И ей пойдет только на пользу, если она будет об этом помнить.

Он хочет ее не больше, чем хотели все прочие мужчины, встретившиеся на ее пути. Он такой же, как и остальные.

Но будь она проклята, если он лишит ее единственного шанса. Пенелопа подняла руки (в левой она крепко держала бутылку виски) и толкнула его изо всей силы — пусть недостаточно, чтобы сдвинуть с места мужчину такого роста и сложения, но на ее стороне был элемент неожиданности. Он отшатнулся назад, она проскочила мимо и почти добежала до кухонной двери, но Борн уже восстановил равновесие, метнулся за ней, схватил за руку со словами:

— Ну нет, ничего у тебя не выйдет! — И резко повернул к себе.

Пенелопу захлестнула досада.

— Отпусти меня!

— Не могу, — просто сказал он. — Ты мне нужна.

— Ради Фальконвелла?

Он ничего не ответил. Это и не требовалось.

Пенелопа сделала глубокий вдох. Он ее компрометирует. Словно сейчас Средневековье. Словно она всего лишь движимое имущество. Словно сама по себе она ничего не стоит, а важна лишь земля, прилегающая к ее руке в браке.

При этой мысли Пенелопа замерла, испытывая горькое разочарование.

Он хуже всех остальных.

— Что ж, тебе не повезло, — произнесла она, — так как я уже сговорена.

— Не после сегодняшней ночи! — отрезал он. — Никто не женится на тебе после того, как ты проведешь ночь со мной наедине.

Вроде бы следовало ожидать от этих слов чего-то зловещего. Намек на опасность. Но они прозвучали как простая констатация факта. Он был худшим из распутников. Завтра ее репутация разлетится в клочки.

Он отнял у нее право выбора.

В точности как чуть раньше сделал отец.

Или как герцог Лейтон много лет назад.

Мужчина снова загнал ее в западню.

— Ты его любишь?

Вопрос помешал разгореться раздражению.

— Прощу прощения?

— Своего жениха. Воображаешь, что влюблена в него? — Слова прозвучали насмешливо, словно любовь и Пенелопа представляли собой совершенно смехотворное сочетание. — Витаешь в облаках от счастья?

— Это имеет какое-то значение?

Она его удивила. Изумление мелькнуло в его глазах, но он тут же скрестил на груди руки и поднял бровь.

— Ни в малейшей степени.

По кухне пролетел порыв холодного ветра. Пенелопа поплотнее закуталась в плащ. Майкл заметил это и пробормотал что-то резкое себе под нос — Пенелопа предположила, что подобные слова не используются в приличном обществе. Он снял пальто, сюртук, аккуратно сложил их и положил на край большой раковины, затем подошел к громадному дубовому столу, расположенному посреди кухни. У стола не хватало одной ножки, а в изрубленную столешницу был воткнут топор. В нормальной обстановке Пенелопа удивилась бы испорченному предмету мебели, но в этот вечер мало что можно было назвать нормальным. Прежде чем она придумала, что сказать, Борн выдернул топор и обернулся к ней. В свете фонаря его лицо казалось сплошными углами.

— Отойди подальше.

Этот человек привык, чтобы ему повиновались. Он не стал дожидаться и проверять, послушалась ли она его, просто поднял топор над головой. Пенелопа вжалась в угол темного помещения, а он с силой обрушился на несчастный стол. От удивления она не могла отвести от него взгляда. У Пенелопы расширились глаза, когда свет фонаря выхватил его ноги и то, как шерстяные брюки плотно облегают мощные бедра. Она не должна замечать... не должна обращать внимания на такую очевидную... мужественность.

Но она в жизни не видела подобных ног. В жизни не думала, что они могут быть такими... неотразимыми.

Последний удар завершился фонтаном разлетающихся щепок, ножка подвернулась, массивный стол накренился, и один его конец рухнул на пол. Майкл отбросил топор в сторону, взял голыми руками ножку стола и вырвал ее.

Затем повернулся к Пенелопе, похлопывая ножкой по левой ладони.

— Получилось, — объявил он.

Как будто ожидал чего-то другого.

— Браво, — отозвалась она, не зная, что еще сказать.

Борн положил деревяшку на широкое плечо.

— Ты не воспользовалась шансом сбежать.

Пенелопа застыла.

— Нет. Не воспользовалась. Но это не имеет значения. Я за тебя не выйду.

Он расправил манжеты, аккуратно застегнул пуговицы и стряхнул с рукава влажное пятно.

— Это не обсуждается.

Пенелопа попыталась урезонить его:

— Из тебя получится ужасный муж.

— Я никогда и не говорил, что буду хорошим.

— Значит, ты готов обречь меня на несчастливое замужество?

— Если придется. Хотя твоя несчастливая жизнь не является моей прямой целью, если это тебя утешит.

Пенелопа моргнула. А ведь он говорит серьезно. Этот разговор происходит на самом деле.

— И предполагается, что это убедит меня принять твои ухаживания?

Он небрежно пожал плечом:

— Я не собираюсь дурачить самого себя и думать, будто целью брака является счастье одного или обоих супругов. Мой план состоит в том, чтобы снова присоединить земли Фальконвелла к имению. К несчастью для тебя, для этого нам требуется пожениться. Из меня не получится хороший муж, но при этом я не испытываю ни малейшего желания держать тебя в ежовых рукавицах.

У Пенелопы просто челюсть отвалилась. Он даже не пытается изобразить доброту. Интерес. Заботу. Она захлопнула рот.

— Понятно.

Борн продолжал:

— Ты можешь делать все, что поделаешь и когда пожелаешь. У меня достаточно денег, чтобы оплачивать то, чем любят заниматься женщины твоего типа, и не важно, чем именно.

— Женщины моего типа?

— Старые девы, мечтающие о большем.

В комнате словно не осталось воздуха. Какое ужасное, неприятное и абсолютно точное описание! Старая дева, мечтающая о большем... Словно сегодня вечером он стоял в ее гостиной и слушал, как Томми предлагает ей руку и сердце. И видел, как ее душа наполняется разочарованием и надеждами на что-то большее.

На что-то другое.

Ну что ж, это определенно совершенно другое.

Он протянул к ней руку, провел пальцем по щеке, и она вздрогнула от этого прикосновения.

— Не надо.

— Ты выйдешь за меня замуж, Пенелопа.

Она резко отдернула голову, подальше от него, не желая, чтобы он к ней прикасался.

— Это почему же?

— Потому, милая, — и в его голосе прозвучало темное обещание, когда он склонился еще ближе, ведя сильным, теплым пальцем по ее шее, по обнаженной коже над платьем, и сердце ее заколотилось еще быстрее, а дыхание сделалось прерывистым, — что никто никогда не поверит, будто я не скомпрометировал тебя целиком и полностью.

Он сжал край платья и одним мощным рывком разорвал его вместе с сорочкой пополам, обнажив ее до самой талии. Пенелопа ахнула, уронила бутылку и вцепилась в края платья. Виски расплескалось по ее груди.

— Ты... ты...

— Можешь не спешить, милая, — лениво протянул он, отступив назад и любуясь делом своих рук. — Я подожду, пока ты не подыщешь нужное слово.

Пенелопа прищурилась. Слово ей не требовалось, ей требовался хлыст.

И она сделала то единственное, до чего смогла додуматься. Рука взлетела вверх сама по себе и соприкоснулась с его щекой с громким хлопком — этот звук показался бы ей весьма удовлетворительным, не будь она так жестоко унижена.

Его голова от удара дернулась, ладонь тотчас же прижалась к щеке, где уже расцветало красное пятно. Пенелопа снова отступила назад, к двери. Голос ее дрожал:

— Я никогда... никогда... не выйду за человека вроде тебя. Неужели ты забыл, каким был? Забыл, каким мог стать? Можно подумать, тебя вырастили волки!

Она повернулась и сделала то, что должна была сделать сразу же, как только увидела, что он идет ей навстречу.

Побежала.

Рывком распахнув дверь, Пенелопа слепо помчалась по снегу в сторону Нидэм-Мэнора, но успела пробежать всего несколько ярдов, когда он схватил ее сзади одной словно стальной рукой и легко оторвал от земли. Только тут она закричала:

— Отпусти меня! Животное! Помогите!

Она отчаянно лягалась и даже сумела пнуть его в бедро. Он грязно выругался у нее над ухом.

— Прекрати драться, гарпия!

Ни за что на свете, даже ради спасения собственной жизни! Пенелопа удвоила усилия.

— Помогите! Кто-нибудь!

— Здесь на целую милю нет ни одной живой души. А дальше все спят.

Эти слова только подстегнули ее. Он уже притащил ее назад в кухню, но невольно застонал, потому что Пенелопа локтем угодила ему под ребра.

— Поставь меня сейчас же! — изо всех сил завопила она прямо ему в ухо.

Борн не остановился, только подхватил со стола фонарь и отрубленную от стола ножку.

— Нет.

Пенелопа продолжала сопротивляться, но он держал ее крепко.

— И как ты намерен это осуществить? — едко спросила она. — Изнасилуешь меня здесь, в моем пустом доме, а потом вернешь к родителям слегка попорченную?

Он нес ее по длинному коридору, с одной стороны которого виднелись деревянные перила, отмечавшие площадку черной лестницы для слуг. В них Пенелопа и вцепилась изо всех своих сил. Он остановился, дожидаясь, когда она отцепится, и заговорил поразительно терпеливым тоном:

— Я не насиую женщин. Во всяком случае, если они не попросят меня об этом сами.

Услышав это, Пенелопа призадумалась. Ее сердце заныло. Ему на нее наплевать. Он ее не хочет. И ставит ее настолько низко, что даже и притвориться не желает. Изобразить интерес. Попытаться ее соблазнить.

Использует ее ради Фальконвелла.

А Томми разве нет?

Конечно, да. Томми заглянул ей в глаза, но увидел не их голубизну, а всего лишь синеву суррейского неба над Фальконвеллом. Конечно, он еще увидел в ней своего друга, но сделал свое предложение не поэтому.

По крайней мере Майкл повел себя честно.

— Это лучшее предложение, какое ты можешь получить, Пенелопа, — негромко произнес он, и она услышала в его голосе настойчивость. И поверь, это не самое ужасное, что я в своей жизни сделал.

Этим словам следовало бы прозвучать надменно. Или хотя бы бесстрастно. Но они прозвучали просто честно. И еще в них промелькнуло что-то такое... Пенелопа даже не была уверена, что расслышала это. Точнее, она просто не позволила себе это уловить.

Но перила все-таки отпустила, и Борн поставил ее на ступеньки.

Она в самом деле обдумывает это. Как сумасшедшая.

В самом деле представляет себе, каково это — выйти замуж за нового, странного Майкла. Да только не может она себе этого представлять. Не может даже начать думать о том, каково оно — выйти замуж за мужчину, который, не задумываясь, хватается топор и рубит на кусочки кухонный стол. И утаскивает вопящих женщин в заброшенный дом.

Одно тут несомненно — это никак нельзя назвать нормальным браком для светской женщины.

Пенелопа посмотрела ему прямо в глаза (благодаря тому, что он поставил ее на несколько ступенек выше себя).

— Если я за тебя выйду, моя репутация будет погублена.

— Главная тайна общества в том, что эта «гибель» не так ужасна, как ее пытаются представить. Ты получишь свободу, которая прилагается к погубленной репутации, а это не так уж мало.

Пенелопа помотала головой:

— Дело же не только во мне. Репутация моих сестер тоже пострадает. Если мы с тобой поженимся, им уже никогда не найти удачную партию. Общество будет думать, что их... так же просто втянуть в скандал... как и меня.

— Твой сестры — не моя забота.

— Зато моя!

Он вскинул бровь.

— Ты уверена, что в твоём положении можешь выдвигать требования?

Она уверена не была. никоим образом. Но все равно расправила плечи, не желая отступить.

— Ты забыл, что ни один викарий в Британии не сочетает нас браком, если у алтаря я скажу «нет»!

— И ты думаешь, будто в этом случае я не сообщу всему Лондону, что обесчестил тебя сегодня вечером?

— Да!

— Ты ошибаешься. История, которую я состряпаю, заставит покраснеть даже самых бывалых проституток.

Пока покраснела только Пенелопа, но все равно решила не сдаваться. Она сделала глубокий вдох и выложила свою козырную карту:

— В этом я как раз не сомневаюсь, но, обесчестив меня, ты лишишься последнего шанса на обретение Фальконвелла.

Он застыл. Ожидая его ответа, Пенелопа затаила дыхание.

— Назови свою цену.

Она выиграла!

Ей хотелось во все горло закричать о своем успехе, о том, что она победила этого непреклонного, непоколебимого мужчину — нет, настоящего скота. Но она удержалась благодаря остаткам инстинкта самосохранения.

— Эта ночь не должна повлиять на репутацию моих сестер.

Он кивнул:

— Даю слово.

Пенелопа плотнее сжала разорванные края платья.

— Слово печально известного негодяя?

Он поднялся на ступеньку выше и оказался совсем рядом, возвышаясь над ней в темноте. Усилием воли она сумела не отшатнуться, слушая его голос, полный опасности и обещания.

— Среди воров тоже существует понятие о чести, Пенелопа. А среди игроков — тем более.

Она сглотнула; его близость лишала ее мужества.

— Я... я не то и не другое.

— Чушь, — шепнул он, и ей показалось, что она чувствует его губы на своем виске. — Похоже, ты прирожденный игрок. Тебя просто требуется немного обучить.

Наверняка он может научить ее куда большему, чем она в состоянии вообразить.

Пенелопа выкинула эту мысль (и картинки, которые при этом возникали) из головы, едва он добавил:

— Мы пришли к соглашению?

Триумф улетучился, сменившись тревогой.

Жаль, что она не видит его глаз.

— А у меня есть выбор?

— Нет. — В этом слове не было никаких эмоций, даже намек на сожаление или чувство вины.

Только холодная честность.

Он снова протянул ей руку. Широкая, плоская ладонь словно манила.

Если она его руку примет, все изменится. Все станет по-другому.

И пути назад не будет. Хотя где-то в глубине души Пенелопа знала, что пути назад в любом случае нет.

Удерживая разорванное платье, она вложила свою руку в его.

Он повел ее вверх по лестнице. Только фонарь слегка разгонял чернильную тьму, и Пенелопа невольно крепче цеплялась за Борна, жалея, что ей не хватает отваги отпустить его руку, идти за ним самостоятельно, не поддаться ему хотя бы в этой мелочи, но было что-то в этом их продвижении, нечто мистическое и темное, не имеющее ничего общего со светом, от чего она не могла заставить себя разжать руки.

На площадке он остановился и повернулся к ней. Глаза его оставались в тени.

— Все еще боишься темноты?

Напоминание о детстве выбило ее из колеи. Он отпустил ее руку, и Пенелопе не понравилось возникшее при этом ощущение пустоты. Ей словно не хватало его прикосновения. Он повернул ручку ближайшей двери и толкнул ее. Та открылась с долгим зловещим скрипом. Он заговорил прямо ей в ухо:

— Должен сказать, Пенелопа, что темноты тебе бояться ни к чему, но ты совершенно права, опасаясь того, что в ней может скрываться.

Пенелопа прищурилась, пытаясь разглядеть темную комнату. Нервозность все нарастала. Она медлила на пороге, часто, прерывисто дыша. То, что может в ней скрываться... например, он.

Борн медленно протиснулся мимо, и в движении этом ощущались одновременно ласка и угроза. Он прошептал:

— Ты здорово умеешь блефовать.

Она едва расслышала эти слова, а его теплое дыхание, овевающее ее кожу, сгладило оскорбление.

Свет фонаря мелькал на стенах небольшой незнакомой комнаты, отбрасывал золотистые отблески на когда-то элегантные, но теперь безнадежно выцветшие обои вроде бы в прелестные когда-то розочки. В комнате едва хватало места для них двоих; камин почти полностью занимал одну стену, а два маленьких окна на противоположной выходили на рощу.

Майкл наклонился, чтобы разжечь огонь, а Пенелопа подошла к окнам и посмотрела на полоску лунного света, прорезавшую заснеженный ландшафт внизу.

— Что это за комната? Я ее не помню.

— Скорее всего ты ее никогда и не видела. Это бывший кабинет моей матери.

Вспыхнуло воспоминание — маркиза, высокая и красивая, с приветливой улыбкой и добрыми глазами. Разумеется, именно эта комната, спокойная и безмятежная, принадлежала ей.

Известие о гибели маркиза и маркизы Борн потрясло ее. В отличие от ее собственных родителей, которых не связывало ничего, кроме спокойной вежливости, родители Майкла очень любили друг друга, своего сына и саму Пенелопу.

Услышав о том, что их карета разбилась, Пенелопа искренне горевала. Ее переполняла печаль о том, что утеряно, и о том, что еще могло бы случиться.

Она писала ему письма, несколько дюжин за несколько лет, пока наконец отец не отказался отправлять их. Но и после этого она писала в надежде, что он как-нибудь поймет, что она о нем думает. Что у него всегда есть друзья в Суррее... в Фальконвелле... каким бы одиноким он себя ни чувствовал. Она воображала, что однажды он вернется домой.

Но он так и не вернулся. Никогда.

И в конце концов Пенелопа перестала его ждать.

— Мне так жаль.

Мелькнула искра. Солома вспыхнула.

Он выпрямился и повернулся к ней.

— Тебе придется обойтись огнем в камине. Твой фонарь остался лежать в снегу.

Подавив грусть, она кивнула:

— Этого достаточно.

— Не выходи из этой комнаты. Дом очень ветхий, а я на тебе еще не женился.

Он повернулся и вышел.

Глава 5

Она проснулась от того, что нос невыносимо замерз, а всему остальному телу было невыносимо жарко. Огонь в камине тускло освещал комнату. Пенелопа поморгала, толком не соображая, где находится, и оглядела незнакомое помещение. Тлеющие угли в камине осветили розочки на стенах, в голове слегка прояснилось. Она лежала на спине в гнездышке из одеял, которое соорудила себе перед сном, укрытая самым большим и теплым одеялом, которое к тому же восхитительно пахло. Пенелопа уткнулась замерзшим носом в одеяло и сделала глубокий вдох, пытаясь определить, что же это за запах... сочетание бергамота и цветов табака.

Она повернула голову.

Майкл.

Охвативший ее шок мгновенно перерос в панику.

Майкл спит рядом с ней.

Точнее, не рядом. А почти вплотную. А кажется, будто он вообще вокруг нее.

Он лежал на боку, подложив согнутую руку под голову, а другую положив на Пенелопу, причем крепко сжимал ее талию. Она резко втянула в себя воздух, сообразив, как близко его рука находится к некоторым... частям ее тела... к которым нельзя прикасаться!

Не то чтобы слишком многие части ее тела были открыты для прикосновений, но дело ведь не в этом. И не только в его руке. Он слишком плотно прижался к ней — грудью, рукой, ногами... и другими местами тоже. Пенелопа никак не могла решить, должна ли она ужаснуться или прийти в восторг.

Или и то, и другое?

Лучше всего об этом вообще не задумываться.

Пенелопа повернулась к нему, стараясь избегать лишних движений и звуков, но не в силах не обращать внимания на то, как его рука настойчиво поглаживает ее талию. Оказавшись к нему лицом, она осторожно выдохнула и стала обдумывать, что делать дальше. В конце концов, не каждый день она просыпается в объятиях... ну ладно, под рукой джентльмена.

Хотя какой из него теперь джентльмен?

Бодрствующий Майкл состоял из сплошных углов и напряжения — с челюстью натянутой, как тетива, словно он постоянно пытался сдержать себя. Но сейчас, расслабившись, при тусклом свете тлеющих углей он был...

Прекрасен.

Углы остались на месте, острые и безупречные, словно к их созданию приложил руку гениальный скульптор, — четкие линии подбородка, впадинка на нем, длинный прямой нос, безукоризненно изогнутые брови, а ресницы в точности такие, какие были у него в детстве, невероятно длинные и роскошные, иссиня-черные.

А губы! Пока не сжатые в твердую мрачную линию, а полные, мягкие и прелестные. Когда-то они так быстро складывались в улыбку, но... сделались опасными и искушающими, каких никогда не было у Майкла-мальчика.

Пенелопа рассматривала изгиб его верхней губы и гадала, сколько женщин его целовали. Гадала, каков он, его рот — мягкий или жесткий, легки поцелуи или порочны?

Она выдохнула. Искушение делало ее вдохи долгими и прерывистыми.

Она хочет к нему прикоснуться.

Пенелопа застыла. Эта мысль такая чуждая, но такая естественная!

Она не должна хотеть к нему прикасаться. Он настоящая скотина. Холодный и грубый и эгоистичный, абсолютно непохожий на мальчика, которого она когда-то знала. И на мужа, которого себе представляла. Мысли метнулись назад, к началу вечера, к нарисованному ее воображением простому, скучному, старому мужу.

Нет. Майкл совсем на него не похож.

Может быть, поэтому она и хочет к нему прикоснуться.

Рука по собственной воле приподнялась и потянулась к темным кудрям.

— Майкл, — прошептала Пенелопа, а кончики пальцев уже прикоснулись к шелковистым прядкам, не дав ей времени подумать.

Его глаза резко распахнулись, словно он только и ждал, когда она заговорит. Рука метнулась, как молния, и стальным захватом стиснула ее запястье.

Пенелопа невольно ахнула.

— Прошу прощения... я не хотела...

Она дернула руку раз, другой, и он ее отпустил.

И снова положил свою руку туда, где она самым неподобающим образом лежала раньше, прямо на талию, и это мгновенно напомнило Пенелопе обо всех тех местах, где они соприкасались. Его нога, приводя ее в смятение, прижималась к ее ноге, а глаза превосходно скрывали мысли.

Пенелопа неуверенно сглотнула и произнесла то единственное, что пришло ей в голову:

— Ты лежишь в моей постели.

— Это не твоя постель, Пенелопа, а моя.

Повисло молчание. Пенелопа занервничала. Что нужно на это отвечать? Кажется совсем неприличным обсуждать в подробностях его постель. Или ее, если уж на то пошло.

Он перекатился на спину, вытащил из-под щеки длинную руку, сладко, со вкусом потянулся и отвернулся от Пенелопы.

Она попыталась уснуть. Но мысли одолевали.

Затем глубоко вздохнула, изучая линию его плеч, туго обтянутых рубашкой. Она в постели. С мужчиной. С мужчиной, который, хотя скоро и станет ее мужем, пока еще им не является. Положение катастрофически скандальное. Порочное. И все-таки — и не имеет значения, что подумает ее мать, когда обо всем узнает, — Пенелопе все это скандальным не казалось. Право же, это даже слегка разочаровывало. Похоже, стоит ей лицом к лицу столкнуться с приключением, она не в состоянии воспринять его правильно.

Не важно, насколько скандальной считается личность ее будущего мужа... не она принудила его к этому скандалу. Уж это ей предельно понятно.

Пенелопа громко выдохнула. Он слегка повернул в ее сторону голову, продемонстрировав ей безупречной формы ухо. Никогда раньше она не обращала внимания на чьи-либо уши.

— В чем дело? — спросил он хриловатым голосом.

— Дело? — повторила она.

Он снова перекатился на спину, откинув одеяло. Одна обнаженная рука Пенелопы оказалась снаружи и сразу замерзла. Он заговорил, обращаясь к потолку:

— Я разбираюсь в женщинах достаточно, чтобы знать — их вздохи никогда не бывают просто вздохами. Они обозначают одно из двух. Данный конкретный вздох означает женское недовольство. Ты напугана?

Пенелопа подумала.

— Нет. А должна?

Он искоса глянул на нее.

— Я не обижаю женщин.

— Похищение и порка не считаются?

— Тебе больно?

— Нет.

Он снова повернулся к ней спиной, определенно закончив разговор. Пенелопа долго смотрела на него, а потом (то ли от усталости, то ли от раздражения) выпалила:

— Просто... если женщину похищают и принуждают к замужеству, она вправе рассчитывать на... чуть больше душевных переживаний. Вот и все!

Он раздражающе медленно повернулся к ней лицом, и воздух между ними словно сгустился, и Пенелопа внезапно сообразила, что лежит всего в каких-нибудь нескольких дюймах от него на теплом тюфяке в пустом доме, под одним одеялом, точнее даже — под его пальто. И еще она сообразила, что, пожалуй, не следовало намекать на недостаток волнений сегодняшней ночью.

Потому что она вовсе не была уверена, что готова к дополнительному возбуждению.

— Я не имела в виду... — торопливо произнесла она, стремясь все исправить.

— О! Я думаю, ты прекрасно выразила все, что имела в виду. — Слова срывались с его губ негромко и мрачно, и Пенелопа вдруг засомневалась, что ей не страшно. — Или я кажусь тебе недостаточно возбуждающим? Как я могу сделать эту ночь более удовлетворяющей вас, миледи?

От негромкого вопроса ее пронзило дрожью... то, как слово «удовлетворяющей» гладко соскользнуло с его языка, заставило сердце заколотиться, а желудок сжаться. Похоже, ночь становится весьма волнующей, причем на удивление быстро.

На вкус Пенелопы, вообще все происходило слишком быстро.

— Ни к чему, — произнесла она на тревожно высокой ноте. — Все прекрасно.

— Прекрасно?

И тут он к ней прикоснулся. Рука соскользнула с запястья на бедро, и в этот же самый миг все ее чувства сосредоточились в одном месте, под плащом и юбками, где, вне всякого сомнения, ощущался обжигающий жар его крупной ладони. Он не сжимал ее сильнее, не делал ничего, чтобы прижать ее к себе, ничего, чтобы хоть как-то сдвинуть ее с места, и Пенелопа понимала, что еще может отпрянуть... что должна отпрянуть... и все-таки...

Не хотела.

Вместо этого она словно парила там, на краю чего-то нового и неизведанного... и волнующего.

Она посмотрела ему в глаза, темные в этом тусклом свете, безмолвно умоляя сделать что-нибудь.

Но он ничего не сделал, а только сказал:

— Выкладывай свою карту, Пенелопа.

У нее невольно приоткрылся рот, когда она услышала эти слова, такую власть он отдавал ей в эту минуту. И Пенелопа поняла, что впервые в жизни мужчина дал ей возможность самой сделать выбор. Ирония заключалась в том, кто был этот мужчина. Тот самый, что за каких-то несколько часов лишил ее вообще любого выбора. Но сейчас он предоставлял ей ту свободу, о которой говорил раньше. Приключение, которое обещал. Власть была опьяняющей. Неотразимой.

Опасной.

Но Пенелопе стало вдруг все равно. Эта порочная, восхитительная власть подтолкнула ее.

— Поцелуй меня.

Он уже метнулся вперед, и его губы не дали ей договорить.

«Дорогой М.!

Здесь просто ужасно — жарко, как в аду, даже сейчас, среди ночи. Я уверена, что только я одна не сплю, но как можно спать в самый разгар суррейского лета? Будь ты здесь, мы бы сейчас наверняка озорничали на озере.

Признаюсь, я бы с удовольствием прогулялась... но полагаю, что это из тех поступков, которые юные леди делать не должны, правда?

С сердечным приветом — П.

Нидэм-Мэнор, июль 1815 года».

«Дорогая П.!

Чушь. Будь я там, я бы уж точно озорничал. А ты бы перечисляла способы, которыми нас вот-вот поймают, и брала бы меня за непослушание.

Я не очень хорошо знаю, что должны или не должны делать юные леди, но твои секреты буду хранить надежно, даже если твоя гувернантка этого не одобряет. В особенности если она не одобряет.

М.

Итон-колледж, июль 1815 года».

Следует сказать, что у Пенелопы Марбери имелся секрет. Не так чтобы великий, не из тех, что может низложить парламент или свергнуть с трона короля... ничего такого, что могло бы погубить ее семью или чью-нибудь еще... но лично для нее этот секрет был весьма пагубным, и

она изо всех сил старалась о нем забыть.

Вряд ли для кого-то окажется сюрпризом, что до сегодняшнего вечера Пенелопа вела образцовую жизнь — исключительно благопристойную. Послушная девочка выросла во взрослую девушку, ставшую образцом превосходного поведения для младших сестер, и вела она себя именно так, как ожидается от молодых женщин хорошего воспитания.

А постыдная правда заключалась вот в чем. Несмотря на то что за ней ухаживали несколько мужчин и она даже была помолвлена с одним из самых могущественных людей в Англии, который ничуть не стеснялся демонстрировать страсть, когда та охватила его, Пенелопа Марбери ни разу в жизни не целовалась.

До этого вечера.

В самом деле смехотворно. И она понимала это.

На дворе 1831 год, ради всего святого! Молодые леди смачивают нижние юбки и обнажают кожу, а от своих четырех сестер она знала, что нет ничего плохого в том, чтобы время от времени целомудренно соприкоснуться губами с жаждущим поклонником.

За исключением того, что этого никогда не случалось раньше и поцелуй показался ей вовсе не целомудренным.

Она полностью отдалась этому новому, необычному ощущению поцелуя. Его губы были одновременно твердыми и мягкими, его дыхание жестко оведало ее щеку. Пальцы нежно, как шепоток, гладили ее шею, поворачивали подбородок, облегчая доступ к губам.

— Так намного лучше.

Она ахнула, когда он снова прильнул к ее губам, лишив ее способности мыслить единственной, шокирующей... греховой... восхитительной лаской.

Это что, его язык?

Он... дивно поглаживал ее сомкнутые губы, уговаривая их открыться, а потом будто пожирал их, и Пенелопа с готовностью позволяла это. Он медленно лизнул ее нижнюю губу, и она запылала. Возможно ли обезуметь от наслаждения?

Наверняка не все мужчины целуются вот так... иначе женщины просто ничем другим не занимались бы.

Ее руки двигались сами по себе, поднялись вверх, погладили его по волосам, притянули его ближе, так, чтобы их губы снова соприкоснулись, и на этот раз... на этот раз она перестала сдерживаться.

Она целовала его в ответ, наслаждаясь низким хриплым стоном, зародившимся в его горле, — стоном, проникшим в самую ее суть и сказавшим без слов, что она все делает правильно, хотя и не обладает никаким опытом.

Теперь задвигались его руки, все вверх, вверх, и ей показалось, что она умрет, если он не прикоснется к ней... там, на груди, они греховно скользнули под разорванное платье, то самое, которое он сам разорвал, чтобы это не мешало ему соблазнять ее.

Впрочем, непохоже, чтобы у него вообще возникли с этим какие-то сложности.

Пенелопа провела ладонью по его предплечью, прижимая к себе его руку еще сильнее, еще крепче, и выдохнула его имя.

Он опять чуть отодвинулся и откинул пальто так, чтобы их освещал тлеющий огонь камина. Затем раздвинул разорванные края платья, открывая ее своему взору, начал ласкать и поглаживать, пока она не изогнулась ему навстречу.

— Тебе это нравится? — Пенелопа услышала в вопросе ответ. Он знал, что она в жизни своей не испытывала ничего похожего. Ничего настолько соблазнительного.

— Мне не должно... — Она снова положила ладонь на его руку, удерживая ее на месте, прижимая к себе.

— Но тебе нравится. — Он запечатлел нежный поцелуй на ее горле, а опытные пальцы уже нашли то местечко, что томилось по его прикосновению. Пенелопа выдохнула его имя. Он прикусил мочку ее уха, и она затрепетала в его объятиях. — Скажи мне.

— Это невероятно, — произнесла Пенелопа, не желая все испортить, не желая, чтобы он останавливался.

— Продолжай, — прошептал он, отодвигая ткань платья, обнажая изнывающий сосок.

А потом посмотрел на нее, на бугорок, сморщившийся то ли от холода, то ли от его взгляда, и Пенелопа внезапно ужасно смутилась, возненавидев свое несовершенство, желая оказаться где угодно, только не здесь, не с ним, этим безупречным образчиком мужчины. Она потянулась за пальто, боясь, что он ее разглядит. Что осудит. Что передумает.

Он оказался быстрее и остановил ее, схватив за запястье.

— Не надо! — прорычал он, вложив в эти слова всю свою силу. — Никогда не прячься от меня.

— Не могу. Я не хочу... ты не должен смотреть.

— Если ты думаешь, что я собираюсь отвернуться, ты просто сошла с ума. — Он откинул пальто в сторону, так, чтобы она до него не дотянулась, и распахнул разорванные края платья.

А затем уставился на нее непереносимо долгим взглядом, и Пенелопе показалось, что больше она этого не выдержит, потому что сейчас он ее скорее всего отвергнет. Она слишком привыкла к неприятию, когда дело касалось мужчин. Неприятие, отказ, отсутствие интереса. И понимала, что не вынесет всего этого сейчас. От него. Сегодня ночью.

Она зажмурилась и глубоко вздохнула, готовясь к тому, что сейчас он отвернется, увидев, что она слишком проста. Несовершенна. Пенелопа не сомневалась, что он отвернется, и когда его губы прикоснулись к ней, она едва не разрыдалась.

И тут он завладел ее губами в долгом поцелуе, и все смущение испарилось, сменившись вожделением. И только когда она вцепилась в лацканы его сюртука, он прекратил эту губительную ласку.

Один грешный палец лениво очертил круг вокруг ее груди, словно они располагали всем временем в мире, и Пенелопа следила за этим его движением, едва заметным в оранжевом

свечении гаснувшего огня. Там, в упругом бугорке, зарождалось наслаждение... и в других, уж совсем постыдных местах тоже.

— Тебе нравится? — произнес он негромко и мрачно. Пенелопа закусила губу и кивнула. — Так скажи это.

— Да... да, это восхитительно. — Она понимала, что это прозвучало слишком просто и неискuschenно, но не могла избавиться от восторга в голосе.

Его пальцы не останавливались.

— Оно и должно быть восхитительным. Если не так, скажи мне, и я все исправлю. — Он поцеловал ее в шею, чуть прихватил зубами нежную кожу и приподнял голову. — А это тоже восхитительно?

— Да.

Он вознаградил ее новыми поцелуями, по шее все вниз, вниз, слегка пососал нежную кожу плеча, лизнул грудь, обвел языком вокруг твердого, торчащего вверх бугорка, нарочно избегая прикасаться к тому месту, где она хотела ощутить его сильнее всего.

— Я намерен развратить тебя, — пообещал он ее груди и скользнул рукой по животу, ощутив, как затрепетали напрягшиеся мышцы. — Я намерен обратить тебя от света к тьме, от добра к худу. Я намерен погубить тебя. — Пенелопе было уже все равно. Она принадлежала ему. Он завладел ею одним своим прикосновением. — Знаешь ли ты, как будешь себя при этом чувствовать?

На этот раз она с трудом выдохнула слово:

— Восхитительно.

Он посмотрел ей в глаза и, не отрывая взгляда, втянул сосок в теплый рот, потрогал его зубами и языком и начал посасывать его. Это было так дивно, что Пенелопа простонала его имя и запустила пальцы ему в волосы.

— Майкл... — шепнула она, испугавшись, что он нарушит чары наслаждения, и закрыла глаза.

Он поднял голову, и она мгновенно возненавидела его за то, что он остановился.

— Посмотри на меня. — Это прозвучало приказом.

Их взгляды снова встретились, и тогда его рука скользнула под платье, пальцы слегка задели завитки... Пенелопа, негромко вскрикнув от ужаса, крепко сжала бедра. Он не может... только не там...

Но он уже снова перенес внимание на грудь, целуя, посасывая, и все запреты исчезли, и бедра ее раздвинулись, позволив его пальцам скользнуть между ними и прижаться, не шевелясь, — порочное, восхитительное искушение. Пенелопа снова застыла, но на этот раз не отказана ему.

— Обещаю, что тебе это понравится. Доверься мне.

Его пальцы двинулись дальше, шире раздвигая бедра, подбираясь к самой сути, и Пенелопа выдавила дрожащий смешок:

— Сказал лев ягненку.

Он прикоснулся языком к нежной коже под одной грудью, затем под другой, жаждущей такого же внимания, а Пенелопа извивалась под ним, выдохнув его имя. Его пальцы вели себя по-настоящему порочно, раздвигали потайные складки и гладили нежно, неторопливо, подбираясь к теплому влажному входу.

Он поднял голову, поймал ее взгляд и медленно ввел длинный палец в самое ее сокровенное. Пенелопу пронзило внезапным неожиданным удовольствием. Он поцеловал ее между грудями и повторил движение пальца, прошептав:

— Ты уже влажная для меня. Восхитительно влажная.

Было невозможно противиться стыду.

— Прости.

Он поцеловал ее долгим, медленным поцелуем, скользнув языком глубоко в рот (палец зеркально повторял это внизу), затем отодвинулся, прижался лбом к ее лбу и произнес:

— Это значит, что ты хочешь меня. Это значит, что даже после всех этих лег, после всего, что я натворил, после всего, чем я стал, я еще могу пробудить в тебе желание.

И снова погладил ее, ощущая, как пульсирует вокруг пальцев плоть, наслаждаясь тем, как Пенелопа изгибается, подаваясь к нему бедрами, пока его большой палец описывает круги по напрягшемуся бутону удовольствия.

— У меня от тебя просто слюнки текут.

Пенелопа широко распахнула глаза, услышав это, но он не дал ей времени подумать. Его рука заскользила вниз, приподняв ее бедра и стягивая через ноги платье. Он откинул остатки платья в сторону, и Пенелопа уже лежала перед ним голая, а он оказался у нее между ног и неторопливо раздвинул их, приговаривая при этом самые порочные, самые греховные слова, поглаживая ее бедра. Он положил ее ноги к себе на колени и начал долго, страстно целовать внутреннюю сторону бедер сразу над чулками.

— Вообще-то... — он замолчал, неторопливо, ошеломительно проводя по нежной коже языком, — ...не думаю, что я выдержу еще хоть мгновение...

Внезапно он прижался к ней ртом, его язык неторопливо, почти невыносимо лизал и кружил по тому самому месту, где копилось наслаждение, моля о разрядке. Пенелопа вскрикнула и резко села, но он поднял голову и нажал большой ладонью на ее мягкий живот.

— Ляг... позволь мне попробовать тебя на вкус. Позволь показать, как сладко это бывает. Смотри. Говори, что тебе нравится. Чего ты хочешь?

И да поможет ей Господь, она так и сделала. Он лизал и сосал своим безупречным языком и порочными губами, а она шепотом поощряла его, постепенно понимая, чего хочет, хотя до сих пор не знала, каким должен быть конечный результат.

Его язык двигался все быстрее, описывая круги там, где она его так хотела, и она шевельнулась, и все запреты исчезли, пропали, уступив место нарастающему наслаждению... и теперь она жаждала узнать, что же произойдет в конце...

— Прошу, только не останавливайся, — шептала она.

Он и не собирался.

Выкрикнув его имя, Пенелопа перешагнула грань, качнулась к нему, прижалась, моля о большем, пока он дарил ей это языком и губами и пальцами, и она забыла обо всем, кроме дерзкого, ослепительного наслаждения.

И пока она приходила в себя после пика восторга, он нежно, долго целовал ее бедра. Она выдохнула его имя и потянулась к мягким каштановым кудрям, желая только одного — лежать рядом с ним час... день... всю жизнь.

Он замер, едва ее пальцы прикоснулись к его волосам, и какое-то время они просто лежали неподвижно. Она обмякла после полученного наслаждения, и целый мир свелся для нее к ощущению шелковистых кудрей в руках, к царапанию его бороды по нежной коже бедер.

Майкл.

Она лежала молча, ожидая, когда заговорит он. Ожидая, когда он вслух скажет то, о чем она думает... что это было по-настоящему потрясающе и что если эта ночь хоть о чем-то говорит, то их брак станет для нее куда большим, чем она могла надеяться.

Все будет хорошо. Не может не быть. Подобные переживания не случаются ежедневно.

Наконец он шевельнулся, и Пенелопа почувствовала его отчужденность в том, как он потянулся за пальто, укутал ее в свой аромат и тепло, откатился в сторону, встал на ноги одним плавным движением и взял свой аккуратно сложенный шерстяной сюртук оттуда, куда положил его чуть раньше. Надел его, быстрый, как молния.

— Теперь ты по-настоящему и полностью обеспечена, — произнес он ледяным тоном.

Пенелопа села, прижимая пальто к груди и глядя, как он открывает дверь и поворачивается к ней спиной. Широкие плечи, сливались с темнотой в коридоре.

— Наш брак больше не подвергается сомнениям.

Сказав это, он вышел и решительно захлопнул за собой дверь, подчеркивая свои слова, оставив Пенелопу сидеть, уставившись на дверь. Она не сомневалась, что сейчас он вернется, что она просто не расслышала, что неправильно его поняла.

Что все будет хорошо.

После долгого ожидания она дрожащими руками натянула разорванное платье и вернулась на свой тюфяк, запретив себе плакать.

Глава 6

«Дорогой М.!

Может быть, ты думаешь, что после твоего отъезда в школу я постоянно пребываю в состоянии епнии[3] (отметь мое знание французского), но ты сильно ошибаешься.

Волнений мне хватает выше головы.

Два дня назад бык сорвался с привязи на пастбище лорда Лэнгфорда, и он (бык, а не виконт) отлично поразвлекся, ломая заборы и знакомясь со скотом по всей округе, пока сегодня утром мистер. Буллворт его не поймал.

Держу пари, тебе хотелось бы оказаться сейчас дома, правда?

Всегда... П.

Нидэм-Мэнор, сентябрь 1815 года».

«Дорогая П.!

Я верил тебе ровно до того места, где мистер Буллворт поймал разбушевавшегося быка, а теперь уверен, что ты просто пытаешься заманить меня домой своими экстравагантными животноводческими байками. И хотя на твоём месте я бы тоже врал и сочинял, это не сработало. Хотелось бы мне оказаться там, чтобы увидеть выражение лица Лэнгфорда. И улыбку на твоём.

М.

Р . S . Я счастлив узнать, что твоя гувернантка хоть чему-то тебя учит. Tres bon .

Итон-колледж, сентябрь 1815 года».

Рассвет едва занялся, когда Борн остановился у двери комнаты, где оставил ночью Пенелопу. Холод и собственные мысли объединились, не давая ему отдохнуть. Он бродил по дому; его терзали воспоминания о ныне пустых комнатах, ждущих восхода солнца того дня, когда он сможет увидеть Фальконвелл, возрожденный и вернувшийся к своему законному владельцу.

Борн ни минуты не сомневался, что маркиз Нидэм и Долби уступит ему Фальконвелл. Этот человек вовсе не дурак. У него три незамужних дочери, и тот факт, что старшая провела ночь в заброшенном доме с мужчиной — с Борном! — не привлечет вероятных женихов к оставшимся незамужним барышням Марбери.

Единственный выход — брак. Причем быстрый. А с этим браком передача мужу Фальконвелла. Фальконвелла и Пенелопы.

Другой человек мучился бы угрызениями совести по поводу печальной роли Пенелопы, вынужденной принять участие в этом спектакле, но только не Борн. Разумеется, он использует леди, но разве не так происходит в любом браке? Разве не все супружеские отношения основаны на этом самом условии — взаимной выгоде?

Она получит его деньги, свободу и все, что только пожелает.

Он получит Фальконвелл.

Вот и все. Они не первые, кто поженится ради земли, и, безусловно, не последние. Предложение, которое он ей сделал, просто превосходное. Он богат, у него прекрасные связи, и он предлагает ей поменять будущее старой Девы на жизнь маркизы. Она будет иметь все, что захочет, он с радостью ей это предоставит. В конце концов, она дает ему то единственное, чего

он по-настоящему хочет.

Не совсем так. Никто ничего Борну не дает. Он это берет.

Берет ее.

Перед ним мелькнула картинка — большие голубые глаза на простом личике, в них пылает наслаждение и что-то еще. Что-то, чересчур близкое к чувству. Чересчур близкое к любви. Вот почему он оставил ее одну. Холодно. Расчетливо.

Чтобы доказать — их брак будет всего лишь деловым соглашением.

А не потому, что хотел остаться.

Не потому, что оторваться от ее губ и рук оказалось едва ли не самым сложным поступком в его жизни. Не потому, что он испытывал невероятное искушение сделать как раз наоборот — погрузиться в нее, блаженствовать в ней, мягкой там, где женщина должна быть мягкой, и сладкой там, где она должна быть сладкой. Не потому, что те гортанные вздохи, зарождавшиеся в глубине ее горла, когда он ее целовал, были самыми чувственными звуками из всех, что ему доводилось слышать, и не потому, что у нее был вкус невинности.

Он заставил себя отойти от ее двери. Нет никаких причин стучаться. Он появится здесь еще до того, как она проснется, отведет ее к ближайшему викарию, предъявит специальную лицензию, за которую выложил кругленькую сумму, и обвенчается с ней.

А потом они вернутся в Лондон и будут жить каждый своей жизнью.

Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь тем, как холодный воздух обжигает легкие. План просто превосходный.

И тут она пронзительно закричала. К душераздирающему воплю присоединился звон бьющегося стекла.

Борн отреагировал инстинктивно — отпер дверь, распахнул ее с такой силой, что чуть не сорвал с петель, и ворвался в комнату, чувствуя, как колотится сердце.

Она, целая и невредимая, стояла сбоку от разбитого окна, прижавшись к стене, босиком, но закутавшись в его пальто. Пальто распахнулось, из-под него виднелось разорванное платье, обнажая персикового цвета кожу.

На один краткий миг взгляд Борна приковался к этой коже, к упавшему на нее белокурому локону, к Прелестному розовому соску, гордо и вызывающе торчавшему вверх в этой холодной комнате.

Во рту пересохло. Он заставил себя снова посмотреть ей в лицо, в широко распахнутые голубые глаза. Она потрясенно и недоверчиво моргала, глядя на окно с вывалившимся из него куском стекла. Разбитым...

Пулей.

В долю секунды он пересек комнату, загородив Пенелопу своим телом и вытолкнув в коридор.

— Стой здесь.

Она кивнула. Очевидно, шок сделал ее куда более покладистой, чем можно было ожидать. Борн вернулся в комнату, но прежде чем он успел оценить повреждение, второй выстрел выбил еще кусок стекла, миновав Борна на пару дюймов, что заставило его почувствовать себя крайне неудобно.

Что за чертовщина?

Он грубо выругался и прижался к стене рядом с окном.

Кто-то в него стреляет.

Весь вопрос — кто?

— Осторожнее...

Пенелопа просунула голову в комнату, и Борн тут же метнулся к ней, кинув на нее взгляд, которым обычно испепелял своих противников.

— Убирайся отсюда!

Она не шелохнулась.

— Тебе небезопасно тут оставаться. Тебя могут...

С улицы раздался еще один выстрел, не дав ей договорить, и Борн прыгнул, молясь про себя, чтобы успеть раньше пули. Он врезался в Пенелопу, выталкивая ее в коридор, и оба они оказались прижаты к противоположной стене.

Минуту постояли молча, но затем она договорила голосом, приглушенным из-за того, что она уткнулась лицом в его грудь:

— Тебя могут ранить!

Она что, рехнулась?

Он схватил Пенелопу за плечи, не обращая внимания на то, что его вспыльчивость, которую он обычно крепко держал в узде, готова вырваться на свободу.

— Идиотка! Что я тебе сказал? — И подождал ответа. Не дождавшись, Борн понял, что больше сдерживаться не может. Еще раз тряхнув ее хорошенько, он повторил: — Что я сказал?

Он ее оскорбил, но все равно плевать.

— Оставайся. Черт бы тебя побрал. Тут.

Не обращая внимания на то, что она вздрогнула, Борн вернулся в комнату и медленно приблизился к окну.

Он только собрался рискнуть и выглянуть, чтобы понять, кто вознамерился его убить, как снизу послышалось:

— Ты сдаешься?

Сдаешься?

Может быть, Пенелопа была права? Может, в Суррее и в самом деле водятся пираты?

Но ему не хватило времени обдумать это как следует, потому что Пенелопа выкрикнула из коридора:

— О, ради всего святого! — влетела в комнату, сжимая на себе пальто, и направилась прямо к окну.

— Стой! — Борн метнулся, чтобы остановить ее, схватил за запястье и потащил назад. — Если подойдешь к этому окну, я тебя выпорю. Слышишь меня?

— Это мой отец!

Голова закружилась, перед глазами поплыл туман.

Не может такого быть.

— Я пришел за своей дочерью, бандит! И уйду только с ней!

Раздался еще один выстрел, и Борн понял, что его терпение кончилось. Он быстро подошел к окну, уже не думая о том, что его могут застрелить.

— Черт тебя побери, Нидэм! Ты мог убить ее!

Маркиз Нидэм и Долби даже не поднял головы. Он старательно целился из ружья, а лакей рядом заряжал второе.

— А мог убить тебя. Вероятность достаточно велика!

Сзади подошла Пенелопа.

— Если тебя это утешит, я очень сомневаюсь, что он мог тебя убить. Он отвратительный стрелок.

Майкл смерил ее взглядом.

— Отойди от окна. Сейчас же.

Чудо из чудес — она послушалась.

— Мне следовало догадаться, что ты придешь за ней, бандит! Следовало догадаться, что ты непременно сделаешь что-нибудь, достойное своей грязной репутации.

Борн заставил себя принять хладнокровный вид.

— Успокойся, Нидэм. Разве так принято разговаривать со своим будущим зятем?

— Только через мой труп! — дрогнувшим голосом взревел тот.

— Это легко устроить! — крикнул в ответ Борн.

— Ты отправишь девушку вниз. Немедленно! Она за тебя не выйдет.

— После этой ночи вряд ли есть сомнения, что выйдет, Нидэм.

Внизу щелкнул затвор ружья, и Борн отскочил от окна, притиснув Пенелопу в дальний угол. Пуля, разбив еще одно стекло, пролетела мимо.

— Негодяй!

Ему хотелось наорать на ее отца за то, что тот ничуть не боится попасть в собственную дочь. Но вместо этого он повернулся к окну и тоном, лишенным всякого интереса, произнес:

— Я ее нашел, и она останется со мной.

Последовала долгая пауза. Настолько долгая, что Майкл не выдержал и слегка приподнял голову над подоконником, проверяя, не ушел ли маркиз.

Тот оставался на месте.

Пуля ударилась во внешнюю стену в нескольких дюймах от головы Майкла.

— Ты не получишь Фальконвелл, Борн. И дочь мою тоже!

— Ну, буду честен, Нидэм. Твою дочь я уже получил...

Рев Нидэма не дал ему договорить.

— Мерзавец!

Пенелопа ахнула. А Борн сделал долгий глубокий вдох, набираясь терпения.

— Пенелопа, мы оказались заперты внутри этого дома, а твой ненормальный отец разряжает одно ружье за другим в мою голову. Мне кажется, ты могла бы простить меня за то, что я делаю все возможное, лишь бы мы с тобой выжили.

— А наша репутация? Она тоже выживет?

— Моя репутация уже давно полетела ко всем чертям! — отрезал он, снова прижимая ее к стене.

— Зато моя нет! — вскричала Пенелопа. — Ты что, помутился рассудком? — Она помолчала. — И выражаешься ты просто чудовищно.

— Придется привыкать к моим выражениям, милая. Что до всего прочего, то когда мы поженимся, твоя репутация тоже будет погублена. Твоему отцу это прекрасно известно.

— Зачем ты это делаешь?

Существовала только одна причина — то единственное, что всегда руководило его поступками. То единственное, что превратило его в холодного, расчетливого человека.

— Неужели Фальконвелл так много для тебя значит?

На улице все смолкло, и что-то мрачное и неприятное возникло у него в животе — слишком знакомое чувство. В течение девяти лет он делал все возможное, чтобы вернуть свою землю. Восстановить историю. Обеспечить свое будущее. И не собирался останавливаться сейчас.

— Разумеется, — сказала Пенелопа с коротким презрительным смешком. — А я всего лишь

средство для достижения цели.

— Иди сюда, — сказал он и в глубине души удивился, что она послушалась.

Пенелопа пересекла комнату, и Борна поглотили исходящие от нее звуки — шуршание юбки, легкие шаги, короткое, прерывистое дыхание, выдававшее ее нервозность и волнение.

Она в нерешительности остановилась у него за спиной. Борн мысленно прокручивал следующие несколько ходов своей шахматной партии и вдруг мимолетно подумал, не отпустить ли ее.

Нет.

Что сделано, то сделано.

— Выходи за меня замуж, Пенелопа.

— Ты не даешь мне возможности выбора.

Ему захотелось улыбнуться, так раздраженно это прозвучало, но он сдержался. Она посмотрела на него долгим, внимательным взглядом, и он, человек, сумевший сколотить состояние, читая правду на лицах окружающих, не мог сказать, о чем она думает. На какой-то миг ему вдруг показалось, что она откажет, и он уже приготовился к ее сопротивлению, перечисляя в уме всех церковников, кто задолжал ему и «Ангелу» сумму достаточно кругленькую, чтобы обвенчать их против воли невесты; приготовился исполнить все необходимое, чтобы получить ее руку.

Это будет всего лишь еще один грех в дополнение к бесконечному списку.

— А ты сдержишь слово, данное вчера ночью? Этот брак не должен затронуть моих сестер.

Даже сейчас, даже находясь перед угрозой прожить с ним всю жизнь, она думает о своих сестрах.

Она слишком, чересчур хороша для него.

Он отмахнулся от этой мысли.

— Я сдержу слово.

— Мне нужно подтверждение.

Умница. Конечно, никаких подтверждений нет. И она абсолютно права, сомневаясь в нем.

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда гинею, почти стершуюся за эти девять лет, что он с ней не расстается. И протянул ей.

— Мой залог.

Пенелопа взяла монету.

— И что я должна с ней делать?

— Вернешь, когда твои сестры выйдут замуж.

— Одна гинея?

— Ее хватит на всех мужчин по всей Британии, милая.

Пенелопа вскинула брови.

— А еще говорят, что мужчины — более умный пол. — Она глубоко вздохнула и сунула монету в карман. Борну тут же стало не хватать ее веса. — Я выйду за тебя.

Он кивнул.

— А жених?

Пенелопа помедлила, обдумывая. Взгляд ее метнулся куда-то поверх его плеча.

— Найдет другую невесту, — произнесла она нежно и ласково. Слишком ласково. Борна мгновенно охватил какой-то извращенный, гнев на мужчину, не сумевшего ее защитить. Оставившего ее в этом мире одну. Упростившего ему, Борну, возможность вмешаться и самому заявить на нее права.

За ее спиной в дверях что-то мелькнуло. Ее отец. Очевидно, Нидэму надоело ждать, когда они выйдут из дома, и он пришел сам.

Борн решил, что это знак забить последний гвоздь в крышку семейного гроба. И все же он понимал, что использует ее. Что не заслуживает ее.

Это не имеет значения.

Он вздернул подбородок и запечатлел единственный нежный поцелуй на ее губах, стараясь не замечать, как она к нему потянулась, как негромко выдохнула...

В дверях щелкнул затвор ружья, подчеркивая слова маркиза Нидэма и Долби:

— Черт побери, Пенелопа, посмотри, что ты натворила!

«Дорогой М.!

Отец считает, что мы должны прекратить переписку. Он уверен, что у «мальчишек вроде него» (имея в виду тебя) нет времени на «дурацкие письма» от «глупых девчонок» (имея в виду меня). Он говорит, что ты отвечаешь мне только потому, что хорошо воспитан и чувствуешь себя обязанным это делать. Я понимаю, что тебе уже почти шестнадцать и, наверное, у тебя есть более интересные занятия, чем писать мне, но помни: у меня таких интересных занятий нет. Мне придется обходиться твоей жалостью.

Глупая П.

Р . S . Он не прав, верно?

Нидэм-Мэнор, январь 1816 года».

«Дорогая П.!

Чего твой отец не знает, так это того, что единственная вещь, нарушающая монотонность латыни, Шекспира и нудятины про ответственность, которую юноши вроде меня однажды будут нести в палате лордов, — это дурацкие письма от глупых девочек. И уж из всех людей на свете ты точно знаешь, что воспитан я очень плохо и редко чувствую себя обязанным что-то делать.

М.

Р . S . Он не прав.

Итон-колледж, январь 1816 года».

— Ты ублюдок!

Борн поднял глаза от своего стакана с виски в «Гончей и курице» и наткнулся на разгневанный взгляд своего будущего тестя. Откинувшись на спинку стула, он напустил на себя выражение рассеянного удивления, отпугивавшего куда более грозных противников, чем маркиз Нидэм и Долби, и взмахнул рукой, показывая на пустой стул за своим столом.

— Отец, — насмешливо позвал он, — прошу, присоединяйся ко мне.

Борн уже несколько часов сидел в темном углу таверны, дожидаясь, когда Нидэм явится с бумагами, возвращающими ему Фальконвелл. Вечер перешел в ночь, таверна наполнилась смехом и разговорами, а он все ждал, и пальцы зудели от желания подписать документы, а он мечтал о том, что произойдет дальше.

О мести.

Изо всех сил стараясь не думать о том, что он обручен.

И еще сильнее стараясь не думать о женщине, с которой обручился, — такой серьезной и невинной, совершенно не подходящей ему в жены.

Не то чтобы он имел какое-то представление о подходящей жене.

Это к делу не относится. У него не было выбора.

Единственная возможность вновь обрести Фальконвелл — Пенелопа. Что сделало ее самой что ни на есть подходящей женой.

И Нидэм это знает.

Тучный маркиз уселся и помахал огромной лапищей, подзывая служанку. Ей хватило соображения сразу захватить бутылку виски и стакан, быстренько все поставить и упорхнуть к более веселым и дружелюбным клиентам.

Нидэм хорошенько приложился к виски и грохнул стаканом о дубовый стол.

— Ты ублюдок. Это шантаж.

Майкл принял скучающий вид.

— Чепуха. Я отлично с тобой расплачиваюсь — ты сбываешь с рук самую старшую

незамужнюю дочь.

— Ты сделаешь ее несчастной.

— Возможно.

— Она недостаточно сильна для тебя. Ты ее погубишь.

Борн сдержался и не стал указывать, что Пенелопа сильнее духом, чем большинство известных ему женщин.

— Следовало подумать об этом раньше, до того как ты присоединил ее к моей земле. — Он постучал пальцами по обшарпанной столешнице. — Сделка, Нидэм. Я не склонен жениться на девушке без моей земли. И хочу получить ее сейчас. Хочу подписать бумаги до того, как Пенелопа предстанет перед викарием.

— Или?

Борн повернулся на стуле, вытянул ноги в сапогах и скрестил их.

— Или Пенелопа вообще не предстанет перед викарием.

Взгляд Нидэма метнулся к нему.

— Ты не посмеешь. Это ее уничтожит. И ее мать. И сестер.

— В таком случае советую тебе очень тщательно обдумать следующие шаги. Прошло девять лет, Нидэм. Девять долгих лет, в течение которых я ждал этого мига.

Ждал Фальконвелла. И если ты думаешь, что я позволю тебе встать у меня на пути к обретению прав на эти земли и маркизат, то очень ошибаешься. Так случилось, что я на дружеской ноге с издателем «Скандального листка». Одно мое слово, и ни один человек из общества близко не подойдет к юным леди Марбери. — Он помолчал, налил себе еще виски, давая Нидэму время проникнуться холодной угрозой. — Так что действуй. Испытай меня.

Маркиз прищурился.

— Ты просто скотина! — Выругавшись, он сунул руку в карман сюртука и вытащил большой сложенный лист бумаги.

Борн прочел документ, и его охватило головокружительное ликование. Фальконвелл переходил к нему после заключения брака, назначенного на завтра. Он сожалел только о том, что викарий Комптон не служит по ночам.

Борн аккуратно сложил документ и убрал к себе в карман. Ему показалось, что он буквально ощущает его вес у себя на груди. Нидэм снова заговорил:

— Я не допущу, чтобы ее сестры пострадали из-за этого.

Они все тревожатся только о ее сестрах.

А как насчет Пенелопы?

— Я женюсь на Пенелопе. Фальконвелл завтра станет моим. Скажи, почему меня должна

волновать репутация еще двух твоих дочерей? Они твоя забота, разве нет? — Он одним глотком выпил скотч и поставил пустой стакан на стол.

Нидэм перегнулся через стол и заговорил, вложив в свои слова силу:

— Ты скотина, и твоего отца сокрушило бы то, во что ты превратился.

— В таком случае нам повезло, что он умер.

Похоже, Нидэм понял, что едва не перешагнул черту.

Он отодвинулся от стола.

— Подробности твоего обручения никогда не должны быть обнародованы. У меня есть еще две дочери, которых нужно выдать замуж. Никто не должен знать, что Пенелопа досталась охотнику за приданым.

— У меня владений в три раза больше, чем у тебя, Нидэм.

Глаза Нидэма почернели.

— Но среди них нет того, чего ты хочешь, так?

— Теперь есть. — Борн оттолкнул стул от стола. — Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования. Если твои дочери переживут мое вступление в вашу семью, то только потому, что я снизойду до этого, и ни по какой другой причине.

Нидэм проследил за ним взглядом и сжал челюсти.

— Нет, потому, что у меня есть одна вещь, которую ты хочешь получить даже сильнее, чем землю.

Борн посмотрел на маркиза долгим взглядом. Сказанное эхом отдалось в самых темных уголках его души, но он отмахнулся.

— Ты не можешь дать мне то единственное, чего я хочу даже больше Фальконвелла.

— Крах Лэнгфорда.

Отмщение. Это дорогого стоило.

Борн медленно подался вперед.

— Ты лжешь.

За это мне бы следовало вызвать тебя на дуэль.

— Она будет не первой. — Он подождал. Нидэм не клюнул на наживку, и тогда Борн произнес:
— Я искал. Нет ничего, что могло бы его уничтожить.

— Ты не искал в нужном месте.

— И ты думаешь, что с моими возможностями, с возможностями «Ангела» я не перевернул весь Лондон вверх ногами в поисках хотя бы намека на компромат против Лэнгфорда?

— Все равно у тебя нет вот этого.

Нидэм снова сунул руку в карман. Вытащил еще один документ, меньше размером. Более старый.

— Это случилось намного раньше, чем девять лет назад.

Борн прищурился, глядя на бумагу, запечатанную печатью Лэнгфорда. И поднял взгляд на будущего тестя. Сердце бешено заколотилось, в груди зародилось что-то похожее на надежду.

— Думаешь, ты можешь соблазнить меня каким-то старым письмишком?

— Тебе нужно это письмишко, Борн. Оно стоит дюжины твоих знаменитых досье. И оно твое, если ты избавишь имена моих дочерей от своей грязи.

Маркиз никогда не бросался словами понапрасну. Он говорил именно то, что думал, именно тогда, когда думал (результат владения двумя почтенными титулами), и Борн невольно восхищался прямоотой этого человека. Он знал, чего хочет, и шел прямо к цели.

Маркиз не знал только одного — что его старшая дочь уже выторговала эти условия вчера ночью. Этот документ, чем бы он ни был, не требовал дополнительных платежей.

Но Нидэм заслуживает наказания — наказания зато, что все эти годы игнорировал поведение Лэнгфорда. Наказания зато, что использовал Фальконвелл как брачную приманку. Наказания, которое Борн с радостью отмерит ему сам.

— Ты глупец, если думаешь, будто я соглашусь, не зная, что находится внутри. И я буду судить, стоит ли этот документ моих усилий.

Нидэм развернул письмо и медленно положил его на стол. Развернул лицом к Борну, придерживая одним пальцем. Борн не удержался, подался вперед быстрее, чем хотел, и торопливо зашарил глазами по строчкам. Боже милостивый.

Он поднял глаза и наткнулся на понимающий взгляд Нидэма.

— Оно подлинное?

Тот кивнул.

Борн перечитал документ. Всмотрелся в подпись, нацарапанную в конце страницы, — вне сомнения, принадлежащую Лэнгфорду, хотя бумаге уже тридцать лет.

Двадцать девять.

— Почему ты решил этим поделиться? Почему отдаешь его мне?

— Ты не оставил мне выбора, — уклончиво ответил Нидэм. — Мне нравится этот мальчик... я всегда придерживал эту бумагу, потому что надеялся, что в конце концов Пенелопа за него выйдет и ему потребуются защита. Теперь защита требуется моим девочкам. Отец делает то, что должен. Ты позаботишься о том, чтобы репутация Пенелопы осталась незапятнанной этим браком, что две ее сестры найдут достойную пару, и документ твой.

Борн медленно покрутил свой стакан, глядя, как он ловит пламя свечей, горящих в пабе, и поднял глаза на Нидэма.

— Я не буду ждать их свадеб.

Нидэм наклонил голову внезапно грациозным движением.

— Я удовольствуюсь помолвками.

— Нет. Я слышал, что помолвки — опасная штука, когда дело касается твоих дочерей.

— Вот тут мне следовало бы уйти прочь, — пригрозил Нидэм.

— Но ты не уйдешь. Мы странные компаньоны, ты и я. — Борн снова откинулся на спинку стула, пробуя победу на вкус. — Пусть остальные твои дочери приедут в город как можно быстрее. Я устрою так, что за ними начнут ухаживать. И они не будут запятнаны браком своей сестры.

— Ухаживать должны достойные мужчины, — предупредил Нидэм. — А не те, у кого половина поместья заложена в «Ангеле».

— Привези их в город. Похоже, я не намерен долго ждать отмщения.

Нидэм прищурился.

— Я еще пожалею, что она вышла за тебя.

Борн одним глотком выпил виски и поставил перевернутый стакан на деревянный стол.

— Боюсь, что выбора у тебя нет.

Глава 7

«Дорогой М.!

Я только что тебя проводила, вошла в дом и сразу же села за письмо.

На самом деле мне нечего сказать, ничего такого, чего не сказали бы уже все прочие жители Суррея. Мне кажется, глупо говорить «мне очень жать», правда? Конечно, всем жаль. То, что случилось, ужасно.

Да только я не просто сочувствую твоей утрате; мне очень жаль, что нам так и не удалось поговорить, пока ты был дома. Жаль, что я не побывала на похоронах... это дурацкое правило, хотелось бы мне родиться мальчиком, чтобы я смогла там; быть (я собираюсь поговорить с викарием Комптоном по поводу этого идиотизма). Жаль, что я не могу быть... другом большим, чем есть.

Сейчас я здесь, на листе бумаги, куша девочки допускаются. Пожалуйста, напиши мне, когда у тебя будет время. Или желание.

Твой друг П.

Нидэм-Мэнор, апрель 1816 года».

Ответа нет.

Не бывало еще поездки дольше, чем эта, — четыре бесконечных часа из Суррея в Лондон, проведенных в мертвом молчании. Пенелопа предпочла бы провести их в почтовом дилижансе наедине с Оливией и кучей дамских журналов.

Она исподтишка окинула взглядом большую темную карету, задержавшись на своем новоиспеченном супруге — тот сидел, откинувшись на спинку сиденья, вытянув длинные ноги, с закрытыми глазами, неподвижный, как труп, и попыталась унять мятущиеся мысли, сосредоточенные на нескольких тревожных моментах.

Она замужем. Она — маркиза Борн.

Она путешествует в карете, под завязку набитой ее вещами, и скоро окажется в Лондоне, где будет жить со своим мужем.

Сегодня ее ждет первая брачная ночь с Майклом.

Может быть, он снова ее поцелует. И прикоснется к ней.

И даже больше.

В общем-то он даже должен, правда? Раз уж они женаты. В конце концов, именно этим и занимаются жены с мужьями.

Так она надеялась.

Ой, мамочки.

Этой мысли оказалось достаточно, чтобы Пенелопа пожелала себе мужества распахнуть дверцу кареты и выброситься из нее.

Они обвенчались так быстро и формально, что она толком не запомнила церемонию — обещание любить, утешать, почитать и повиноваться. Может, оно и к лучшему, потому что слова про любовь в некотором роде были враньем.

Он женился на ней ради земли, и только.

И не имеет никакого значения то, что он прикасался к ней и заставил ее чувствовать такое, что она и вообразить себе не могла! В конце концов, это именно тот брак, к которому ее готовили всю жизнь, — брак из соображений удобства. Брак из соображений долга. Брак из соображений собственности.

И он дал ей это понять более чем ясно.

Карета подскочила на особенно неровном участке дороги, и Пенелопа негромко вскрикнула, едва не соскользнув с шикарно обитого сиденья. Снова обретя равновесие, она села удобнее, плотно упершись ногами в пол карсты, и кинула взгляд на Майкла. Тот не шелохнулся, только слегка приоткрыл глаза — вероятно, чтобы убедиться, не поранилась ли она.

Удостоверившись, что хирург ей пока не нужен, он снова закрыл глаза.

Он просто игнорирует ее! Не желает даже изобразить интерес к ней!

Возможно, не будь Пенелопа так охвачена беспокойством из-за событий дня, она бы и сама сумела сохранить хладнокровие и отвечать молчанием на молчание.

Возможно.

Но она этого так и не узнала, потому что была не в силах оставаться в тишине еще хоть мгновение.

Пенелопа откашлялась, словно собиралась сделать публичное заявление. Он открыл глаза и глянул на нее, но не шевельнулся при этом.

— Думаю, нам следует воспользоваться этим временем и обсудить наш план.

— Наш план?

— План, как обеспечить моим сестрам успешный сезон. Ты припоминаешь свое обещание? — Ее рука дернулась к карману дорожного платья, где на бедро тяжело давила монета, отданная им две ночи назад.

Он потянулся, вытянув ноги еще дальше.

— Я планирую найти твоим сестрам мужей.

Пенелопа моргнула.

— Ты имеешь в виду — кавалеров?

— Если тебе так больше нравится. Я уже подобрал двоих мужчин.

Вспыхнуло любопытство.

— И какие они?

— С титулами.

— И? — подтолкнула она.

— И вышли на брачный рынок. Ищут жен.

Нет, он просто невыносим.

— Обладают они подходящими для мужей качествами?

— Безусловно, в том смысле, что оба холостые и мужчины.

Глаза Пенелопы широко распахнулись. Он говорил серьезно.

— Это вовсе не те качества, о которых я говорю!

— Качества?

— Откуда известно, что они будут хорошими мужьями!

— Вижу, ты настоящий эксперт в данном вопросе. — Он насмешливо склонил голову. — Будь добра. Просвети меня.

Пенелопа выпрямилась и начала перечислять, загибая пальцы:

— Доброта. Щедрость. Внимательность. Забота. Обладают они этими качествами? — настойчиво повторила Пенелопа. Он не ответил. — А моим сестрам они понравятся?

— Представления не имею.

— А тебе они нравятся?

— Не особенно.

— Ты очень твердолобый.

— Считаю это одним из моих качеств.

Он отвернулся. Пенелопа вскинула бровь, просто не удержалась. В жизни никто не раздражал ее так, как этот человек. Ее муж. Муж, который без малейших угрызений совести вырвал ее из привычной жизни. Муж, за которого она согласилась выйти, чтобы не нанести сестрам еще один удар по репутации. Муж, согласившийся оказать ей услугу. Но только сейчас Она поняла, что под обещанием помочь он понимал устройство еще одного брака без любви. Или даже двух.

Ну уж нет, этого она не потерпит.

Многого она не может, зато может сделать так, чтобы у Оливии и Пиппы появился шанс на счастливое замужество.

— Прежде всего ты даже не знаешь, захотят ли эти мужчины взять моих сестер в жены.

— Захотят. — Он откинулся на спинку сиденья и снова закрыл глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что они должны мне кучу денег, ноя прощу им долги в обмен на брак.

У Пенелопы отпала челюсть.

— Ты купишь их супружескую верность?!

— Не уверен, что супружеская верность является частью сделки.

— Ты дал мне слово, что наш брак не погубит моих сестер.

— Он и не погубит. Напротив, если они выйдут замуж за этих мужчин, в обществе их будут весьма почитать.

— Брак с мужчинами, которые должны тебе деньги и вряд ли останутся верными женам, погубит их во всех прочих смыслах. Мои сестры не будут заключать браки, основанные на лицемерных соглашениях, связанных с игрой на деньги. Отвратительно уже то, что мне пришлось пойти на такой. А они сами выберут себе мужей. Их замужества будут основаны на большем.

— На чем же это?

Она промолчала. Ни за что не подарит ему удовольствия услышать ответ. Пусть пораскинет своим умом. Если он у него остался.

Он вскинул бровь.

— В твое приданое входит моя земля. Думаешь, в свете не поймут, что я принудил тебя к замужеству?

Пенелопа покусала губу. Ей совсем не понравилась его логика. И она выпалила первое, что пришло ей в голову. Первую, нелепую, совершенно безумную мысль:

— Мы должны изображать брак по любви.

— В самом деле? Ты думаешь, люди поверят в это, в то время как на самом деле я обесчестил тебя в заброшенном доме до того, как твой отец ворвался к нам с ружьем?

Пенелопа замялась.

— Я бы не назвала это «ворвался».

— Он несколько раз выстрелил в мой дом. Уж если это не называется «ворвался», то я даже не знаю, что так называется.

Это было скользкое место.

— Ладно. Он ворвался. Но об этом мы рассказывать никому не будем. — Она понадеялась, что у нее получилось достаточно решительно.

Тем временем Борн снова откинулся на спинку сиденья и насмешливо произнес:

— Сделай одолжение! Сочиняй свою волшебную сказку. Я весь внимание.

Он закрыл глаза, словно отгородившись от нее.

Пенелопа отдала бы все на свете за возможность ответить ему колко и едко. Сказать что-нибудь такое, что ранило бы его так же быстро и больно, как эти его слова ее. Но конечно, в голову ничего не приходило. Так что она сделала вид, что ничего не услышала, и ринулась вперед, придумывая историю:

— Поскольку мы знали друг друга всю жизнь, мы могли заново встретиться на День святого Стефана.

Он чуть-чуть приоткрыл глаза.

— Святого Стефана?

— Лучше всего, если наша история начнется до того, как было объявлено, что Фальконвелл стал... частью моего приданого. — Пенелопа сделала вид, что изучает пятно на своем дорожном плаще. Горло перехватило, едва она вспомнила о том, чего стоит на самом деле. — Я всегда любила Рождество, а День святого Стефана в Колдхарборе очень... праздничный.

— Инжирный пудинг и все такое прочее, полагаю? Звучит в точности как вечеринка, на которую я непременно бы пошел.

Пенелопа не пропустила прозвучавший в словах сарказм, но решила, что этим он ее не запугает. Она твердо посмотрела на Борна и, не удержавшись, произнесла:

— Если бы ты хоть раз приехал в Фальконвелл на Рождество, думаю, тебе бы очень понравилось.

Ей показалось, что он хотел ответить, но промолчал, и Пенелопу охватило ликование — ей все-таки удалось пробить брешь в его ледяном поведении. Пусть крохотная, но победа. Он закрыл глаза и снова откинулся назад.

— Ну хорошо, допустим, я явился туда праздновать День святого Стефана и тут увидел тебя, мою детскую любовь.

— В детстве между нами не было никакой любви!

— Правда не имеет значения. Важно только одно — поверят нам или нет. Впрочем, неужели ты думаешь, кто-нибудь захочет искать подтверждение той части байки, которая касается нашего детства?

— Наверное, нет, — буркнула она.

— Никто и не будет. Кроме того, во всей истории это ближе всего к правде.

В самом деле?

Она бы соврала, если бы сказала, что никогда не воображала, как выходит за него замуж — за первого мальчика, с которым познакомилась, за того, кто умел заставить ее улыбаться и смеяться в детстве. Но ведь он-то ничего такого не воображал, верно? Впрочем, не важно. Сейчас, глядя на этого мужчину, она не могла найти в нем и следа от мальчика, которого когда-то знала... мальчика, который, возможно, считал ее милой.

Борн шевельнулся, вырвав ее из размышлений.

— Значит, ты была там, вся такая голубоглазая и прелестная, по-настоящему сияющая в отблесках пламени, которым пылал инжирный пудинг, и я понял, что больше не вынесу ни единого мгновения моей невзнузданной, неоседланной, внезапно ставшей такой нежеланной холостяцкой жизни. В тебе я увидел мое сердце, цель в жизни и самую большую любовь.

Пенелопа понимала, что это нелепо, но не смогла остановить теплую волну, окрасившую ей щеки при этих словах, прозвучавших так негромко и спокойно в тесном пространстве кареты.

— Это... это довольно неплохо.

Он издал какой-то звук, но она не поняла, что это значит.

— На мне было платье из зеленого бархата.

— Тебе очень идет.

Она проигнорировала это.

— А у тебя за лацкан была заткнута веточка падубы.

— Дань праздничному духу.

— Мы танцевали.

— Джигу?

Насмешливый тон вырвал ее из этой невинной фантазии, напомнив о суровой правде.

— Может быть.

Тут он выпрямился.

— Но скажи мне, почему я оказался там, в Колдхарборе, на праздновании Дня святого Стефана?

Ей все меньше нравился этот разговор.

— Понятия не имею.

— Ты знаешь, что я заткнул за лацкан веточку падуба... уж, наверное, ты обдумала и причину моего там появления?

Ее разозлило то, как он выдавливал из себя слова — снисходительно, на грани с издевкой. Вероятно, поэтому она и ляпнула:

— Приехал на могилы родителей. Ты приезжаешь туда каждое Рождество. И оставляешь розы на могиле матери и георгины у отца.

— Правда? — Он отвернулась к окну. — Должно быть, у меня превосходные связи с ближайшей оранжереей.

— Правда. Моя младшая сестра — Филиппа — круглый год выращивает самые чудесные цветы в Нидэм-Мэноре.

Он подался вперед и произнес насмешливым шепотом:

— Первое правило вымысла — мы должны рассказывать только о себе, милая.

Пенелопа смотрела на тонкие березы у дороги, замеченные снегом.

— Это не вымысел. Пиппа настоящий садовод.

Повисло долгое молчание. Пенелопа воспользовалась этой возможностью, чтобы как следует изучить его черты — решительную челюсть, суровый взгляд, то, как его губы (которые, как она знала по собственному опыту, очень полные, нежные и чудесные) сжались в строгую линию.

А ведь когда-то он был таким подвижным, исполненным неукротимого движения. Но глядя на него сейчас, было просто невозможно поверить, что это один и тот же человек. Пенелопа отдала бы все на свете, лишь бы понять, о чем он в эту минуту думает.

Он заговорил, не глядя на нее:

— Ну похоже, ты подумала обо всем. Сделаю все возможное, чтобы запомнить историю нашей любви с первого взгляда. Полагаю, нам придется часто ее рассказывать.

Пенелопа немного помялась и произнесла:

— Спасибо, милорд.

Он резко повернул голову.

— Милорд? Ну и ну, Пенелопа! Ты вознамерилась стать своего рода официальной супругой?

— Обычно жена проявляет уважение к своему мужу.

Брови Майкла сошлись вместе.

— Полагаю, тебя учили именно такому поведению.

— Ты забываешь, что я готовилась стать герцогиней.

— Прости, что тебе пришлось ограничиться бесчестным маркизом.

— Я буду стараться изо всех сил, — ответила Пенелопа голосом сухим, как песок. Они долго ехали молча, но потом она произнесла: — Тебе придется вернуться в общество. Ради моих сестер.

— Смотрю, тебе понравилось выдвигать мне требования.

— Я вышла за тебя замуж. Полагаю, ты тоже мог бы пожертвовать чем-нибудь, учитывая, что я отказалась от всего, чтобы ты смог получить свою землю.

Они долго ехали молча, затем Борн сказал:

— Я буду посещать все необходимые приемы. — Он со скучающим видом смотрел в окно. — Начнем с Тоттенхема. Его, пожалуй, можно назвать почти моим другом.

Виконт Тоттенхем считался одним из самых завидных холостяков общества и имел безукоризненную мать.

— Хороший выбор. Он должен тебе денег?

— Нет. — Снова молчание. — Мы сходим к ним на обед на этой же неделе.

— У тебя есть приглашение?

— Пока нет.

— Тогда как...

Он вздохнул:

— Видишь ли... Я владею одним из самых прибыльных игорных домов в Лондоне. В Британии можно по пальцам перечесть тех, кто не найдет времени поговорить со мной.

— А как же их жены?

— А что с ними такое?

— Думаешь, они не будут тебя осуждать?

— Полагаю, все они мечтают заполучить меня в свои постели, так что в гостиных они для меня место найдут.

Пенелопа резко повернула к нему голову, услышав столь бестактные слова. Разве можно говорить такие вещи своей жене? При мысли, что он может проводить время в постелях чужих жен, ее передернуло.

— Мне кажется, ты переоцениваешь значение своего присутствия в чужих спальнях.

Он вскинул бровь.

— Полагаю, после сегодняшней ночи, ты изменишь свое мнение.

Тут перед ней замаячил призрак первой брачной ночи. Пульс у Пенелопы участился, хотя ей захотелось чем-нибудь проткнуть Майкла насквозь.

— Гм. Ну, даже если ты и обладаешь способностью околдовывать светских женщин, ручаюсь, что на людях они куда более разборчивы, чем наедине. А ты недостаточно хорош.

— Я счастлив, что ты все же распознала правду, жена. Лучше всего сразу оставить любые надежды на то, что я могу оказаться порядочным человеком или порядочным мужем. — Он помолчал, счищая с рукава какое-то пятнышко. — Женщины мне не нужны.

— Женщины — привратники светского общества. Так что на самом деле они тебе нужны.

— Вот поэтому у меня есть ты.

— Одной меня недостаточно.

— Почему нет? Разве ты не безупречная английская леди? Теперь ты маркиза Борн. Не сомневаюсь, что очень скоро ты вызовешь самый пристальный интерес, милая. Вспомни День святого Стефана.

Пенелопа прищурилась. Если бы он сейчас вывалился из кареты и скатился в канаву, Пенелопа не расстроилась бы ни капли. Она бы даже не остановилась, чтобы подобрать его останки.

И ей плевать, вернется к нему когда-нибудь Фальконвелл или нет.

Но вот сестры ей не безразличны, и она не допустит, чтобы их репутацию омрачила репутация мужа. Пенелопа глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Тебе придется снова доказывать свою ценность. Они захотят это увидеть. И поверить, что я это увидела.

Он кинул на нее недовольный взгляд.

— Я стою в три раза дороже, чем большинство уважаемых членов общества.

Пенелопа помотала головой.

— Я имею в виду твои человеческие достоинства.

Он застыл.

— Любой, кто знает мою историю, скажет, что таких достоинств у меня нет. Я их утратил десять лет назад. Может быть, ты не слышала?

Пенелопа понимала, что вопрос он задал скорее риторический, но решила не сдаваться.

— Слышала. — Она вздернула подбородок и уверенно встретила его взгляд. — И ты готов позволить единственному глупому, по молодости грешку довлеть над тобой всю жизнь? И надо мной заодно, поскольку я теперь твоя жена.

— Я потерял все. Сотни тысяч фунтов. Из-за одной карты. Потеря была колоссальной, достойной занесения в учебники истории. И ты называешь это грешком?

Она сглотнула.

— Сотни тысяч?

— Чудь больше, чуть меньше.

— Из-за одной карты?

— Из-за одной.

— Тебе крупно не повезло. Но это уже в прошлом. Теперь ты должен показать себя настоящим джентльменом. Если мы хотим убедить общество, что мои сестры достойны хороших мужей, ты должен как мой муж быть на высоте положения.

Он молчал очень долго. Так долго, что она испугалась, не зашла ли чересчур далеко. Затем пристально взглянул на нее.

— Давай выложим карты на стол, хорошо? Ты хочешь успешного сезона для своих сестер и хороших мужей для них. Хочешь моего возвращения в общество. Что еще, Пенелопа? Проси сейчас — или уже никогда.

Чего она хочет от него?

Большого.

Словно кто-то прошептал это слово — не просто эхо того вечера, когда все казалось таким далеким... того вечера, что изменил все, кроме одного. Возможности быть чем-то большим, чем марионеткой для него, ее семьи и всего общества. Возможности получить удивительный опыт. Удивительную жизнь.

— Я хочу больше, чем простую правильную жизнь в качестве простой правильной жены.

Похоже, он растерялся.

— И что это значит?

— До сих пор я жила, как образцовая молодая леди... и превращалась в образцовую старую деву. И это было... ужасно. — Собственные слова удивили ее. Никогда раньше она не думала, что это ужасно. Никогда не представляла себе ничего другого. До сих пор. До него. А он предлагает ей шанс изменить это. — Я хочу другого супружества. Такого, где мне будет позволено быть чем-то большим, чем просто леди, проводящей свою жизнь за вышиванием и благотворительностью и не знающей ничего, кроме любимого пудинга мужа.

— Мне все равно, будешь ты вышивать или нет. К тому же я припоминаю, что шитье и ты не очень сочетаетесь.

Пенелопа улыбнулась:

— Отличное начало.

— И если ты не подаришь благотворительности ни единой минуты времени... честное слово, не представляю, чтобы это меня хоть чуть-чуть беспокоило.

Улыбка стала шире.

— Тоже многообещающе. Полагаю, любимого пудинга у тебя нет?

— Нет, ни один не стоит упоминания. — Он помолчал, глядя на нее. — Похоже, есть и еще что-то?

Пенелопа понравилось, как это прозвучало. Мелодично. Обещанием.

— Надеюсь, что да. И мне бы очень хотелось, чтобы ты мне это показал.

Его глаза мгновенно потемнели, сделавшись прелестного болотистого цвета.

— Не уверен, что я тебя понял.

— На самом деле это очень просто. Я хочу приключения.

— Какого именно?

— Того, что ты пообещал мне в Фальконвелле.

Он откинулся на спинку сиденья, и в его глазах мелькнула искорка веселья — искорка, которую она помнила с детства.

— Что ты имеешь в виду, леди Пенелопа?

Она его поправила:

— Леди Борн, пожалуйста.

Его глаза на мгновение расширились. Достаточно, чтобы она успела заметить в них удивление до того, как он наклонил голову.

— Значит, леди Борн.

Пенелопе понравилось, как звучит ее новое имя. Хотя и не должно бы. Ведь он не дал ей никаких оснований для этого.

— Я хочу посмотреть твой игорный дом. Его еще называют адом.

Он выгнул бровь.

— Зачем?

— Мне кажется, это и будет настоящее приключение.

— Вне всякого сомнения.

— Полагаю, женщины не часто туда заходят?

— Такие женщины, как ты, — нет.

Женщины как ты.

Намек ей не понравился. Намек на то, что она простая и скучная и не склонна к авантюрам... никогда. Пенелопа не отступила.

— И все равно я хочу туда сходить. — Немножко подумала и добавила: — Ночью.

— Какое значение имеет время?

— Вечерние события всегда более безрассудны. В них так много недозволенного.

— Что ты знаешь о недозволенном?

— Не так уж много. Но я уверена, что обучусь быстро. — Сердце ее заколотилось при воспоминании об их первой ночи вместе, о наслаждении, дарованном Борном, но она тут же вспомнила, что он покинул ее, едва обеспечив заключение брака. Пенелопа откашлялась, внезапно почувствовав себя неуверенно. — Какая удача иметь мужа, который может устроить мне турне по всем этим безнравственным удовольствиям.

— И вправду удача, — протянул он. — Если бы твоя страсть к приключениям не вступала в прямое противоречие с респектабельностью, которой я, по твоему настоянию, должен прикрыться, я бы с радостью повиновался. К сожалению, теперь вынужден отказать.

Вспыхнул гнев.

Значит, его предложение было ненастоящим! Он готов удовлетворять ее капризы, готов заплатить цену за их брак, за Фальконвелл, но только ту, которую назначит сам. Он ничем не отличается от других. От отца, от жениха, от всех тех джентльменов, что пытались ухаживать за ней в последующие годы.

Так вот, она этого не потерпит.

Ее принудили выйти замуж чередой событий, которыми она не могла управлять. Она согласилась выйти замуж за негодея. Но делать, из себя пешку она не позволит!

— Как же так? Ты пообещал мне той ночью, когда я согласилась выйти за тебя замуж, что я смогу вести такую жизнь, какую захочу, иметь те приключения, какие пожелаю. Пообещал, что разрешишь мне экспериментировать, потому что запятнанный титул маркизы Борн может погубить мою репутацию, но зато подарит мне целый мир.

— Это было до того, как ты начала настаивать на респектабельности. — Он подался вперед. — Ты хочешь, чтобы твои сестры респектабельно вышли замуж. Не делай ставку на то, что не готова потерять, милая. Третье правило игроков.

— И негодяев, — буркнула она раздраженно.

— Их тоже. — Он долго смотрел на нее, словно испытывая ее гнев. — Твоя главная проблема в том, что ты не знаешь, чего по-настоящему хочешь. Ты знаешь, чего должна хотеть. Но это не то же самое, что настоящее желание, верно?

Этот человек просто бесит!

Пенелопа подалась вперед и потребовала:

— По крайней мере Расскажи мне об этом заведении. Если бы ты сводил меня туда, рассказывать бы не пришлось. — Уголок его губ слегка приподнялся. Пенелопа это заметила. — Вижу, ты со мной согласен.

Он выгнул бровь.

— Не совсем.

— Но все равно сводишь меня туда?

— А ты упорная. — Он долго смотрел на Пенелопу, обдумывая ответ, но все-таки произнес: — Я тебя отведу. — Она широко улыбнулась, и Борн поспешно добавил: — Один раз.

— Это очень захватывающе?

— Если любишь азартные игры, — просто ответил он.

Пенелопа наморщила носик.

— Я никогда не играла.

— Неправда. Ты делала ставки каждую минуту, что мы провели вместе. Сначала ради сестер, а сегодня и ради себя.

Пенелопа подумала.

— Наверное, да. И выиграла!

— Это потому, что я позволил тебе выиграть.

— Полагаю, в твоём вертепе подобного не случается?

Борн фыркнул.

— Нет. Мы предпочитаем позволять игрокам проигрывать.

— Почему?

Он резко взглянул на нее.

— Потому что их проигрыши — это наши выигрыши.

— Ты имеешь в виду деньги?

— Деньги, земли, драгоценности... все, на что им хватает глупости делать ставки.

Звучало захватывающе.

— Это заведение называется «Ангел»?

— «Падший ангел». Так мы именуем его между собой.

Пенелопа немного подумала.

— Это ты его так назвал?

— Нет.

— Тебе очень подходит.

— Думаю, именно поэтому Чейз и выбрал такое название. Оно подходит всем нам.

— Всем вам?

— Нас четверо.

— И все... падшие? — Последнее слово она произнесла шепотом.

Карие глаза отыскивали ее в полумраке кареты.

— В определенном смысле.

Пенелопа обдумывала его ответ. В сказанном им не слышалось ни стыда, ни гордости. Простая, неукротимая искренность. И она вдруг поняла, что есть нечто соблазнительное в его падении... в том, что он стал негодяем. В том, что он потерял все — сотни тысяч фунтов! — и за короткое время вернул обратно. Каким-то образом восстановил. Без помощи общества. Не имея ничего, кроме неослабевающей воли и свирепой решимости.

Не только соблазнительное.

Героическое. В известном смысле, конечно.

Она посмотрела ему в глаза, внезапно увидев его в новом свете. Но он опять прочитал ее мысли.

— Я вижу, ты все романтизируешь. Превращаешь «Ангела» в то, чем он не является. А вместе с ним и меня заодно.

Пенелопа замотала головой. То, что он с легкостью прочитал ее мысли, тревожило.

— Не совершай того, что приведет только к разочарованию.

Наступило молчание. Он скрестил обутые в сапоги ноги, положив щиколотку на щиколотку, и снова закрыл глаза. Отгородился от нее.

Она молча наблюдала за ним, поражаясь такому спокойствию, словно они всего лишь дорожные попутчики в обычной поездке. А может быть, он и прав, ведь в этом мужчине нет ничего, похожего на мужа, да и сама она никакие чувствует себя женой.

Эта мысль дала толчок другой. Он ничем не отличается от герцога, этот новый, повзрослевший Майкл, вообще непохожий на мальчика, которого она знала когда-то. Теперь она всматривалась в его лицо в поисках хоть чего-нибудь, напоминающего старого друга, — глубоких ямочек на щеках, непринужденной дружеской улыбки, смеха во все горло, постоянно навлекавшего на него неприятности.

Его там не было.

Вместо него появился холодный, жесткий, непреклонный мужчина, шагающий напролом через жизни окружающих и, не задумываясь, берущий то, чего хочет.

Ее муж.

Внезапно Пенелопа почувствовала себя очень одинокой — куда более одинокой, чем раньше, здесь, с этим странным человеком, далеко от родителей и сестер, от Томми и всего, что было ей знакомо и близко. Да, пожалуй, это самый странный день в ее жизни.

Все изменилось сегодня утром. Все.

И теперь на веки вечные ее жизнь поделилась на две части — до замужества и после.

До были Долби-Хаус и Нидэм-Мэнор... и семья. А теперь есть... Майкл.

Майкл, и больше никого.

Майкл, и кто знает, что еще.

Майкл, незнакомец, ставший мужем.

Глубоко в груди возникла боль. Может быть, печаль?

Нет. Тоска.

Она сделала глубокий вдох, а потом прерывисто выдохнула. В тесном пространстве кареты звук показался ей особенно громким.

Он открыл глаза и поймал ее взгляд до того, как она успела притвориться спящей.

— Что такое?

Пенелопа подумала, что вопрос должен бы ее тронуть, но, по правде сказать, она почувствовала только раздражение на этот равнодушный тон. Неужели он не понимает, каким сложным оказался для нее этот день?

— Вы можете предъявить права на мою жизнь, мое наследство и на меня лично, милорд. Но я по-прежнему хозяйка своим мыслям, разве нет?

Он посмотрел на нее долгим взглядом, и у Пенелопы возникло отчетливое неприятное ощущение, что он легко читает ее мысли.

— Почему тебе потребовалось такое большое приданое?

— Прошу прощения?

— Почему ты так долго не выходила замуж?

Она рассмеялась. Просто не смогла удержаться.

— Наверное, ты единственный человек во всей Британии, кому неизвестна эта история. — Он не ответил, и она решила заполнить паузу правдой. — Я оказалась жертвой разрыва помолвки. Шепотки потом долго заполняли светские гостиные.

— А о чем, собственно, могли шептаться люди?

— В основном о том, почему я, образцовая английская невеста, изнеженная, с наследством, с титулом и все такое, оказалась не способна хотя бы месяц удержать при себе герцога.

— И почему же?

Пенелопа отвернулась, не в силах произнести это ему в лицо.

— Он был безумно влюблен в другую. Похоже, любовь и в самом деле побеждает все. Но и в том браке меня поджидал скандал, только и ждущий разоблачения. — На вопросительный взгляд она пояснила: — Сестра герцога. Она не была замужем, еще даже выезжать не начала, а уже ждала ребенка. Он хотел, чтобы наш брак подтвердил — в доме Лейтонов имеются не только скандалы.

— Хотел использовать тебя, чтобы прикрыть позор? Даже не сказав тебе об этом?

— А что, есть какая-то разница с тем, чтобы использовать меня ради денег? Или земли?

— Разумеется, есть. Я по крайней мере не лгал.

Это правда, и почему-то это имело значение. Настолько, что Пенелопа вдруг поняла — она бы не променяла этот брак на тот, давний.

В карете похолодало. Она поправила юбки, стремясь сохранить остаток тепла, исходившего от теплого кирпича у нее под ногами. Заодно выиграла немного времени, чтобы подумать.

— Мои сестры, Виктория и Валери. — Подождала, пока он вспомнит близнецов. Когда Борн кивнула, она продолжила: — Их первый сезон начался сразу же после моего скандала. И они от этого пострадали. Мать так боялась, что моя неудача их запятнает, что заставила принять первое же брачное предложение. Виктория вышла за стареющего графа, отчаянно мечтавшего о наследнике, а Валери за виконта, красивого, но денег у него больше, чем здравого смысла. Я не уверена, что они счастливы... но не думаю, что они на это когда-либо рассчитывали, и уж точно не после того, как их супружество стало реальностью. — Пенелопа помолчала. — Мы все всё понимали. Нас воспитывали в убеждении, что брак — это всего лишь деловое соглашение, но я сделала невозможной даже надежду на лучшее.

Она продолжала, не совсем понимая, почему ей кажется, что нужно рассказать ему всю историю:

— Мой брак должен был стать самым, расчетливым, самым деловым из всех. Я собиралась стать герцогиней Лейтон. Вести себя покладисто, выполнять требования мужа и родить следующего герцога Лейтона. Я бы так и поступила. Причем с радостью. — Она пожала плечом. — Но у герцога... имелись другие планы.

— Ты этого избежала.

— Не уверена, что большинство женщин сказали бы про случившееся «избежала». Забавно, как мелочь вроде разорванной помолвки может изменить все.

— Не такая уж и мелочь, мне кажется. Но скажи, как разорванная помолвка изменила тебя, Пенелопа?

Вопрос заставил ее задуматься. За годы, прошедшие после того, как герцог Лейтон вызвал скандал всех времен и народов и уничтожил все шансы на то, чтобы Пенелопа стала герцогиней, она никогда не спрашивала себя, как это ее изменило.

Но теперь, когда она смотрела на сидевшего напротив новоиспеченного мужа — человека, к которому подошла глухой ночью и с которым обвенчалась всего через несколько дней, в голове внезапно прошелестела правда.

Счастье стало возможным.

Пенелопа сглотнула, прогоняя эту мысль, а Борн вдруг подался вперед быстро, почти жадно.

— Вот! Ты ответила на вопрос!

Пенелопа тщательно обдумала свои дальнейшие слова.

— Это заставило меня осознать, что супружество не обязательно должно быть соглашением. Герцог... он любит свою жену просто безумно. Их брак... в нем нет ничего спокойного и уравновешенного.

— И ты хотела этого для себя?

Пенелопа слегка пожала плечами.

— Какая разница, чего я хотела? Теперь я замужем.

Зубы ее застучали. Борн проворчал что-то неодобрительное и пересел на ее сиденье.

— Ты замерзла. — Он обнял ее длинной рукой за плечи, притянул к себе, и от него волной пошло тепло. — Вот так, — добавил он, укутывая их обоих дорожным одеялом. — Это поможет.

Она прижалась к нему, стараясь не вспоминать прошлый раз, когда оказалась так же близко.

— Похоже, ты постоянно делишься со мной одеялами, милорд.

— Борн, — поправил он, плотно укутывая обоих в грубую шерсть, и пророкотал прямо в ухо: — Тут или делиться с тобой одеялом, или позволить тебе стащить его. Пенелопа не сдержалась и рассмеялась.

Они долго ехали молча, и он первым нарушил тишину:

— Значит, все эти годы ты ждала счастливого замужества?

— Не знаю, подходит ли сюда слово «ждала». Скорее надеялась.

— А твой жених, тот, у которого я тебя похитил, — обеспечил бы он его тебе?

Следовало бы рассказать ему правду про Томми. Что они даже не обручились. Но что-то ей помешало.

— Какой смысл думать об этом теперь? Зато я не буду виновата еще в двух несчастливых супружествах. Я не обманываю себя мыслями о том, что мои сестры смогут встретить любовь, но счастливыми они могут быть, правда? Найти кого-нибудь подходящего... или я слишком о многом прошу?

— Честное слово, не знаю, — произнес он, обнимая ее и привлекая к себе. Карета с грохотом въехала на мост через Темзу, ведущий в Лондон. — Я не из тех, кто понимает, как люди подходят друг другу.

Не следовало бы блаженствовать, чувствуя, как обнимает ее его рука, но Пенелопа не могла удержаться. Она прижалась к нему, притворившись на минутку, что этот спокойный разговор просто один из многих, ждущих их впереди. Его рука медленно скользила вверх и вниз по ее предплечью, согревая и даруя еще более чудесные ощущения с каждым ласковым, теплым поглаживанием.

— Пиппа практически уже обручена с лордом Каслтоном. Мы думаем, что он сделает ей предложение через несколько дней после ее приезда в Лондон.

Рука на мгновение застыла, затем снова начала медленно поглаживать.

— Как она познакомилась с лордом Каслтоном?

Пенелопа подумала о заурядном, скучном графе.

— Да так же, как это происходит со всеми остальными. Балы, обеды, танцы. Он кажется довольно славным, но... мне не нравится мысль о его женитьбе на Пиппе.

— Почему?

— Некоторые говорят, что она своеобразная, но это не так. Она книжная девочка, любит науку. Обожают выяснять, как действует то или другое. Он просто не удержится вровень с ней. Но если честно, я не думаю, что ее вообще волнует, выйдет ли она замуж и за кого. До тех пор, пока у нее есть библиотека и несколько собак, она будет счастлива. Мне бы только хотелось, чтобы она нашла себе кого-нибудь... не хочу показаться жестокой, но... более умного.

— Ммм, — неопределенно протянул Майкл. — А другая сестра?

— Оливия, — отозвалась Пенелопа, — очень красивая.

— Похоже, она просто восхитительна.

Пенелопа сделала вид, что не услышала столь восторженной оценки.

— И ей нужен мужчина, который хорошо будет к ней относиться. У кого есть много денег и кто не против тратить их, чтобы побаловать ее.

Снова повисло молчание, но Пенелопа не возражала. Она словно закуталась в его тепло, ей так нравилось чувствовать его рядом. В карете как будто стало намного уютнее. И когда ритмичное раскачивание кареты почти убаюкало ее, он вдруг снова заговорил:

— А тебе?

Глаза Пенелопы резко распахнулись.

— Мне?

— Да. Какой мужчина подойдет тебе?

Она смотрела, как одеяло на его груди вздымалось и опускалось, и эти долгие ровные

колыхания странным образом успокаивали.

«Я бы хотела, чтобы мне подошел ты».

В конце концов, он ее муж. Больше, чем просто знакомый. Он мог бы стать для нее другом. Чем-то большим, чем этот холодный, жесткий человек, каким она уже привыкала его считать. Вот если бы этот, другой Майкл, сидящий сейчас рядом, согревал ее, разговаривал с ней, она бы не возражала.

Разумеется, ничего этого она вслух не сказала, а произнесла только:

— Но ведь это больше не имеет значения, правильно?

— А если бы имело? — Он не даст ей уклониться от ответа.

То ли ее разморило тепло, то ли спокойствие, то ли этот мужчина, но она сказала:

— Полагаю, я бы выбрала кого-то интересного, доброго. С кем можно потанцевать... посмеяться... о ком можно заботиться.

«Кому я буду небезразлична».

— Кого-нибудь вроде твоего жениха?

Она подумала о Томми: уж не рассказать ли Майклу, что неизвестный ему мужчина — это друг, которого оба они знали всю жизнь. Сын человека, отнявшего у него все. Но ей не хотелось его расстраивать, только не сейчас, когда им так спокойно и тепло и она может притворяться, что им нравится общество друг друга. Поэтому Пенелопа прошептала:

— Я бы предпочла кого-нибудь вроде моего мужа.

Он молчал так долго, что Пенелопа засомневалась, расслышал ли он. А когда решилась посмотреть на него сквозь ресницы, обнаружила, что он уставился на нее с таким напряжением, что это нервировало, а карие глаза в тусклом свете казались почти золотыми.

На какой-то миг ей показалось, что сейчас он ее поцелует.

Она хочет, чтобы он ее поцеловал.

В лицо бросилась краска, и Пенелопа торопливо отвернулась, снова положив голову ему на грудь, крепко зажмурившись и желая, чтобы эта минута прошла... и ее глупость тоже.

Но было бы неплохо, если бы они подошли друг другу.

Глава 8

«Дорогой М.!

Сегодня просто короткая записка, только сказать, что все мы думаем о тебе, особенно я. Я спрашивала папу, нельзя ли нам съездить в Итон, чтобы навестить тебя, и он, конечно же, ответил, что это неприлично, поскольку мы не одна семья. Это глупо на самом-то деле. Ты всегда казался мне более близким членом семьи, чем кое-кто из моих сестер. И уж конечно,

ближе, чем тетя Эстер.

Томми придет домой на летние каникулы. Я держу пальцы крестиком, чтобы ты тоже к нам присоединился.

Всегда твоя — П.

Нидэм-Мэнор, май 1816 года».

Ответа нет.

Вечером в день своей свадьбы Борн вышел из городского дома и направился в «Падший ангел» почти сразу же после того, как впустил жену внутрь.

Он бы соврал, сказав, что не чувствует себя в некотором роде скотиной из-за того, что бросил ее так внезапно в новом доме, с незнакомой прислугой, где все для нее чужое. Но у него имелась единственная непоколебимая цель, и чем быстрее он ее достигнет, тем лучше будет всем.

Он пошлет объявления об их женитьбе в «Таймс», подберет пары девицам Марбери и тогда отомстит.

На новобрачную у него времени нет.

Вне всякого сомнения, у него нет времени на ее спокойные улыбки, острый язычок и на то, как она напоминает ему обо всем утраченном. Обо всем, что он вычеркнул из жизни.

В его жизни нет места их беседам. Нет места интересу к тому, что она может сказать. Нет места для того, чтобы искать ей развлечения или спрашивать, как она волнуется за своих сестер или как она справилась с тем разрывом помолвки столько лет назад.

И уж конечно, нет места его желанию убить человека, разорвавшего помолвку и заставившего ее сомневаться в себе и в своей ценности.

И не важно, что она каждое Рождество кладет цветы на могилы его родителей.

Самое важное — сразу создать дистанцию между ними, дистанцию, определяющую их брак. Он будет вести прежнюю жизнь, а она строить свою собственную, и пусть им обоим хочется скорее найти пары ее сестрам, причины у обоих разные.

Поэтому он оставил ее, с сонными глазами, в помятом дорожном плаще, и отправился в «Ангел», изо всех сил стараясь не думать о том, что она оказалась одна в свою первую брачную ночь и что за это ему скорее всего придется принять дополнительную порцию мучений в преисподней. Четыре часа в карете, и он уже растаял.

Борн глубоко дышал, наслаждаясь сырым вечерним воздухом и густым желтым январским туманом. Пройдя через Мейфэр, он свернул на Риджент-стрит, где еще попадались отдельные торговцы соблазном, возникали из тумана, только оказавшись на расстоянии руки от него. Они не заговаривали с ним; их отлично отточенные инстинкты подсказывали, что он не интересуется тем, что они предлагают. Напротив, они старались как можно скорее снова скрыться в тумане, и Борн спокойно шел дальше, в сторону большого каменного здания около Сент-Джеймс-сквер. Клуб еще не открылся, и, пройдя сквозь вход для владельцев в игорный

зал, Борн порадовался отсутствию людей в огромном помещении. Вокруг уже горели фонари, несколько горничных заканчивали свои дневные труды — чистка ковра, полировка канделябров, стирание пыли с картин, украшавших стены.

Борн прошел в центр шорного зала и надолго остановился, впитывая атмосферу этого места, служившего ему домом последние пять лет.

В большинстве случаев он приходил сюда первым из владельцев, и это ему нравилось. Он любил тишину игорного зала в этот час, безмолвные минуты перед тем, как появятся крупные, чтобы проверить вес костей, смазку на рулетке, гладкость карт, чтобы подготовиться к толпе народа, которая скоро обрушится сюда, как саранча, и наполнит помещение криками, смехом и разговорами.

Он любил клуб пустым, лишенным всего, кроме призрачной надежды.

Всего, кроме соблазна.

Борн сунул руку в карман, нащупывая талисман, всегда лежавший там — монету, напоминающую о том, что лишь соблазн, и больше ничего, приводит к этим столам людей.

Что лишь соблазн губит.

Что нельзя рисковать чем, что не готов потерять.

Монета исчезла. Еще одно напоминание о нежеланной жене.

Борн подошел к столу с рулеткой, провел пальцами по тяжелой серебряной ручке колеса, крутанул его, и все цвета слились воедино — скорость и роскошь, — а он взял шарик из слоновой кости, на который столько надежд возлагалось... и утрачивалось. Привычным движением руки он бросил шарик на колесо, наслаждаясь стуком кости о металл, тем, как он подрагивает на колесе.

Борн отвернулся от колеса до того, как оно замедлило бег, до того, как сила тяжести и провидение остановят шарик.

— Ты вернулся.

В другом конце помещения, силуэтом в открытой двери в комнаты бухгалтера, стоял Кросс, четвертый партнер «Падшего ангела». Кросс занимался финансами клуба, гарантировал, что каждое пенни прошедшее сквозь врата в это заведение, будет учтено. Он был гением цифр, хотя внешне ничем особым не выделялся. Высокий, на полфута выше Майкла, выше даже Темпла. Но если Темпл был размерами с небольшой домик, то Кросс — высоким и худым, сплошные углы и сухожилия. Борн редко видел, чтобы тот ел, а если темные круги под глазами о чем-то говорили, то он и не спал уже пару дней.

— Ты сегодня рано.

Кросс потер небритую щеку.

— Точнее сказать, поздно.

Он отошел в сторону, и в комнату вошла красивая женщина, стоявшая у него за спиной. Она послала Борну робкую улыбку и надвинула пониже большой капюшон плаща, пряча лицо.

Борн посмотрел вслед женщине, молча торопливо идущей к выходу из клуба, и глянул в глаза Кросса.

— Смотрю, ты тут трудился в поте лица.

Уголки губ Кросса приподнялись в усмешке.

— Она отлично управляет с книгами.

— Даже не сомневаюсь.

— Мы не ожидали тебя назад так скоро.

Он и сам не предполагал, что вернется столь быстро.

— Произошел некоторый поворот в делах.

— К лучшему или к худшему?

Эхо брачных обетов, данных Пенелопе, вызвало раздражение.

— Зависит от того, как смотреть на ситуацию.

— Понимаю.

— Сомневаюсь.

— Фальконвелл?

— Мой.

— Ты женился на барышне?

— Да.

Кросс негромко присвистнул.

— Признаюсь, мне не терпится познакомиться с женщиной, согласившейся на брак с холодным суровым Борном и не сбежавшей прочь.

У нее не было выбора.

Она бы ни под каким видом не вышла бы за него замуж, если бы он не вынудил ее пойти к приходскому викарию. Или если бы у нее было время подумать. Борн был всем тем, чем не являлась она, — грубый и злой, без надежды когда-либо вернуться в мир, в котором родился. В котором родилась она.

Пенелопа... она безупречно воспитана для подобающей жизни в этом мире. Его мир, наполненный азартными играми, выпивкой, похотью и еще худшими вещами, напугает ее до смерти.

Но она захотела увидеть его мир.

И он ей покажет.

Потому что не может удержаться от искушения развратить ее. Это слишком заманчиво. Слишком сладко.

Она не знала, о чем просила. Думала, приключение — это ночная прогулка по лесу, окружающему дом ее детства. Игорный зал «Ангела» в любую ночь вгонит ее в истерику.

— Ты сказал, дела пошли не так, как планировались, — произнес Кросс, прислонясь к стене и скрестив на груди руки.

— Я согласился устроить браки и ее сестер гоже.

Брови Кросс поползли вверх.

— И сколько их?

— Две. Полагаю, дело достаточно простое. — Он посмотрел в серьезные серые глаза Кросса. — Имей в виду, наш брак по любви. Мы обвенчались сегодня утром. Я просто не мог жить в разлуке с ней ни минутой дольше.

Прошло несколько секунд. Кросс услышал ложь и разобрался в ее значении.

— Потому что ты так сильно влюблен.

— Именно.

— Сегодня утром. — Кросс словно пробовал слова на вкус. Борн отвернулся и прижал ладони к рулетке, к плюшевому зеленому сукну, точно зная, что последует сейчас, еще до того, как это произнесли.

— И ты оставил ее одну в первую брачную ночь.

— Да.

— У нее что, лошадиное лицо?

— Я бы так не сказал.

А в порыве страсти она ошеломительно хороша. Он хотел уложить ее в постель и сделать своей. При воспоминании о том, как она извивалась под ним в Фальконвелл-Мэноре, ему пришлось переступить с ноги на ногу, чтобы поправить бриджи, внезапно ставшие тесными.

Борн провел рукой по лицу.

— Мне нужно встретиться с Темплом на ринге.

— А может, тебе стоит вернуться домой и подтвердить свой брак с женщиной, которую ты так страстно любишь? Господь свидетель, это куда более приятное занятие, чем позволить Темплу надрать тебе на ринге задницу.

«Даже если ты заслуживаешь взбучки».

Какое-то время Борн обдумывал это предложение. Проигрывал варианты того, что произойдет, если он вернется домой и придет к своей невинной жене. Воображал, каково это будет — уложить ее в свою постель и предъявить супружеские права, назвать ее своей. Показать

приключение, о котором она просила, даже не догадываясь об этом. Ее шелковистые волосы прилипнут к грубой щетине у него на подбородке, ее полные губы со вздохом раскроются, когда он будет гладить ее нежную кожу, она закричит от наслаждения, которое он ей подарит.

Порочное, чудесное искушение.

Но она не остановится на этом. Она потребует большего. Больше, чем он готов ей дать.

Его взгляд вернулся к колесу рулетки, приковавшись к месту, куда упал маленький белый шарик.

Он снова повернулся к Кроссу.

— Есть еще кое-что.

— Не сомневаюсь.

— Я согласился вернуться в общество.

— Боже правый! Зачем?

— Ее сестрам нужно найти пару.

Кросс выругался, вложив все свое изумление в единственное грязное слово.

— Это Нидэм тебя убедил вернуться? Блестяще!

Борн не стал рассказывать правду — что такие условия выговорила его жена. Весьма успешно. Зато сказал:

— У него имеется информация, которая погубит Лэнгфорда.

У Кросса расширились глаза.

— Как такое возможно?

— Мы не посмотрели в нужном месте.

— Ты уверен, что...

— Это его уничтожит.

— И Нидэм отдаст ее тебе, когда сестры будут пристроены?

— Это не займет много времени; похоже, одна из них уже на полпути к алтарю с Каслтоном.

Брови Кросса взлетели вверх.

— Каслтон — болван.

Борн неопределенно пожал плечом:

— Он не первый аристократ, кто женится на женщине, превосходящей его в умственном отношении. Да и не последний.

— Ты бы позволил своей незамужней сестре выйти за него?

— У меня нет незамужних сестер.

— Похоже, теперь у тебя их две.

Борн прекрасно расслышал неодобрение в словах Кросса... понял, что тот ему говорит. Он и сам знал, что Каслтон обречет любую женщину с мозгами на пожизненную скуку.

А Пенелопа будет страдать, зная, что еще одна ее сестра сделала неудачную партию.

Он отмахнулся от воспоминания.

— Это практически решено. И на шаг приближает меня к Лэнгфорду. Я не собираюсь их останавливать. Кроме того, большинство светских женщин страдают от своих мужей.

Кросс выгнул бровь.

— Ты должен представить ее кому-нибудь другому. Кому-нибудь с парой извилин в голове.

Теперь бровь выгнул Борн.

— Ты предлагаешь свои услуги?

Кросс сердито глянул на него.

— Наверняка кто-нибудь да есть.

— Зачем искать еще кого-нибудь, если Каслтон уже тут и готов жениться?

— Ты равнодушный ублюдок.

— Я делаю то, что требуется. Может, это ты слишком размягчился?

— А ты такой же жесткий, каким был всегда. — Борн не ответил, и Кросс настойчиво продолжил: — Для истинного возвращения в общество придется обратиться к Чейзу. Это единственный способ отпереть все нужные тебе двери.

Борн кивнул, выпрямился, сделал глубокий вдох и аккуратно поправил рукава сюртука.

— Значит, нужно найти Чейза. — Он посмотрел прямо в серые глаза Кросса. — Ты начнешь распространять слух...

Кросс кивнул:

— О том, как тебя сразила любовь.

Борн мгновение помедлил и кивнул.

Кросс заметил:

— Если хочешь, чтобы тебе поверили, придется постараться получше. — Проигнорировав сказанное, Борн повернулся и собрался уходить, но Кросс добавил ему в спину: — И еще одно. Если отмщение зависит от брака и незапятнанной репутации, рекомендую обеспечить и то, и другое как можно быстрее.

Брови Борна резко сошлись вместе.

— Это ты о чем?

Кросс самодовольно усмехнулся:

— Просто предлагаю тебе обеспечить невозможность твоей жене аннулировать брак. Уложи ее в постель, Борн. И поскорее.

Борн не успел ответить — у главного входа в клуб, за полуоткрытыми дубовыми дверями внезапно началась какая-то суматоха.

— Да я плевать хотел на то, что не член клуба! Вы меня впустите, или моей жизненной целью станет уничтожение этого места... и вас вместе с ним.

Борн с Кроссом переглянулись. Кросс небрежно произнес:

— Ты заметил, они обещают всегда одно и то же, но им никогда не хватает силы выполнить обещание?

Борн кивнул и направился к двери, толкнул ее и обнаружил Бруно и Эзриела, двух привратников, удерживающих лицом к стене мужчину среднего роста и среднего сложения.

— Джентльмены, — протянул он. — Что здесь происходит?

Эзриел повернулся к нему.

— Это к тебе.

Тут человек начал вырываться по-настоящему.

— Борн! Или ты поговоришь со мной сейчас, или встретимся на рассвете!

Он узнал голос.

Томми.

Прошло девять лет с тех пор, как он в последний раз видел Томми Оллеса, с той самой ночи, как его отец с наслаждением отнял все, принадлежавшее Борну. С тех пор как Томми предпочел другу наследство — его наследство.

Девять лет, и все же то предательство снова пронзило его насквозь. То, как друг повернулся к нему спиной. То, как он смирился с поступком отца.

— Ну что ж, я не откажусь встретиться с тобой на рассвете, — произнес он. — Сказать по правде, на твоём месте я бы хорошенько подумал, прежде чем делать такое предложение.

Томми повернул к Борну голову, прижатую к обитой бархатом стене.

— Отзови своих псов.

Эзриел зарычал, Бруно ткнул Томми так, что тот ударился о стену. Услышав его стон, Борн предостерег:

— Ты поосторожнее, они не любят дурных манер.

Бруно высоко завернул Томми руку. Тот поморщился.

Должно быть, Нидэм рассказал Томми про планы Борна и их соглашение. Больше ничто не могло привести сына Лэнгфорда на встречу с Борном и его гневом.

— Того, что ты ищешь, тут нет.

— Чертовски надеюсь, что она не тут.

Она.

Одно это слово, и все встало на свои места.

Томми явился не за документом Нидэма. Скорее всего он даже не знает о его существовании.

Он явился за Пенелопой.

Он явился за Фальконвеллом.

— Отпустите его.

Отпущенный Томми поправил скортук и кинул ненавидящий взгляд на привратников.

— Благодарю.

Бруно и Эзриел отступили назад, но не покинули маленькое помещение, готовые кинуться на помощь боссу, если она вдруг понадобится.

Первым заговорил Борн:

— Я выражусь очень ясно. Я женился на Пенелопе сегодня утром и таким образом закрепил Фальконвелл за собой. Ни ты, ни твой отец к нему не прикоснетесь. Более того, если я обнаружу, что ты хоть ногой ступил на мою землю, то прикажу тебя арестовать за нарушение границ частной собственности.

Томми вытер ладонью распухшую губу и расхохотался безрадостно и глухо.

— Думаешь, я не знал, что ты за ним прибежишь? Я знал, ты пойдешь на все, что угодно, причем в ту же секунду, как он ускользнет из рук отца. Почему, как ты думаешь, я попытался первым на ней жениться?

Слова словно громом прогремели в маленьком помещеньице, и Борн искренне порадовался полумраку, скрывшему его изумление.

Женихом был Томми.

Разумеется, мог бы и догадаться. Мог бы сообразить, что Томми Оллес по-прежнему является частью мира Пенелопы. Ее жизни. Мог бы предположить, что он нацелится на Фальконвелл сразу же, как только тот перестал быть его наследством.

Значит, он сделал ей предложение, а она согласилась, глупая девчонка. Наверное, решила, что любит его — юношу, с которым так давно дружит. Разве не об этом грезят глупые девчонки?

Выйти замуж за мальчика, которого знают с детства?

Простой дружелюбный товарищ, надежный друг, никогда не требовавший ничего, кроме как вместе посмеяться.

— Что, все еще привязан к папочкиному кошельку, Том? Или появилось желание жениться на девушке, чтобы заполнить поместье? Мое поместье?

— Оно не твое уже десять лет! — выплюнул в ответ Томми. — И ты его не заслуживаешь! И ее не заслуживаешь!

Вспыхнуло воспоминание. Он, Томми и Пенелопа в маленькой лодчонке посреди озера в Фальконвелле. Томми стоит на носу, изображая из себя великого морского капитана, Пенелопа хохочет, ее светлые волосы отливают золотом под полуденным солнцем, но все ее внимание обращено на второго мальчика.

Глядя на нее, Борн хватается за борта лодки, раскачивает ее раз, другой, третий, Томми теряет равновесие и с воплем падает в озеро.

— Томми! — кричит Пенелопа и кидается к борту. Томми выныривает на поверхность, смеясь и хватая ртом воздух. Она неодобрительно оглядывается и смотрит на Борна с укоризной.

Он прогнал воспоминание, вернулся в сегодняшний день, чтобы еще раз опрокинуть Томми.

— Как бы там ни было, теперь и земля, и леди мои. Вы с отцом опоздали.

Томми шагнул вперед и выпрямился во весь рост.

— К Лэнгфорду это не имеет никакого отношения!

— Не обманывай себя. Это имеет прямое отношение к Лэнгфорду. Думаешь, он не ожидал, что я приду за Фальконвеллом сразу же, как только Нидэм его выиграл? И еще он должен знать, что я не успокоюсь, пока не уничтожу его. — Борн помолчал, глядя на человека, когда-то бывшего его другом. — И тебя заодно.

Что-то мелькнуло во взгляде Томми, очень близкое к пониманию.

— Не сомневаюсь, что ты получишь от этого наслаждение. А заодно насладишься тем, что погубишь ее.

Борн скрестил на груди руки.

— У меня ясные цели — Фальконвелл и месть твоему отцу. То, что вы с Пенелопой оказались на моем пути, всего лишь неудачное стечение обстоятельств.

— Я не позволю тебе обидеть ее!

— Как благородно! И что ты сделаешь? Интересно бы знать.

Томми застыл.

— Так вот в чем твой план — уничтожить моего отца, уничтожив меня.

Борн вскинул бровь.

— Его наследство за мое. Его сын за сына моего отца.

— У тебя что-то с памятью, если думаешь, будто он когда-либо считал меня сыном своего сердца. — Это было чистой правдой; за все время их детства и юности Лэнгфорд не сказал Томми ни единого доброго слова. Он был человеком холодным и черствым.

Но Борну было плевать.

— Не имеет значения, что он там считал. Значение имеет только то, что думает свет. Без тебя у него ничего не останется.

Томми качнулся на каблуках, челюсть его сделалась квадратной, и чем-то он вдруг напомнил мальчика, каким когда-то был.

— Ты мерзавец. Я джентльмен. Тебе никто не поверит!

— Поверят, когда я предъявлю доказательства.

Брови Томми сошлись в ниточку.

— Никаких доказательств не существует.

— Посмотрим.

Томми стиснул зубы и сделал шаг вперед, к Борну, движимый гневом. Тот уклонился от летящего кулака еще до того, как Бруно вышел из темноты, чтобы блокировать удар. Оба уставились друг на друга поверх массивных ручищ телохранителя:

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Томми.

— У тебя нет ничего, что мне нужно! — отрезал Борн и помолчал. — Я получил Фальконвелл возможность отомстить и Пенелопу. У тебя нет ничего, еще раз повторяю.

— Она была моей до того, как стала твоей! — с яростью воскликнул Томми. — Все эти годы без тебя... я всегда оставался рядом. А когда она увидит, кто ты такой... кем стал... она снова вернется ко мне.

Борн с ненавистью воспринимал Мысль, что Томми с Пенелопой оставались друзьями даже после того, как он потерял все, даже после того, как лишился возможности вернуться в Суррей, на свое место — третьей вершиной их треугольника.

— Ты отважный человек, раз угрожаешь мне. — Он посмотрел на Бруно. — Выпроводи его.

Томми вырвался из хватки великана.

— Я и сам отлично могу уйти. — Он подошел к выходу, на мгновение задержался там и повернулся, глядя Борну в глаза. — Верни ее в Суррей, Майкл. Оставь в покое, пока не погубил своим гневом и мстительностью.

Борну хотелось возразить, но он не был глупцом. Разумеется, он ее погубит. Разумеется, потому что именно это он и делает.

— Будь я на твоём месте, я бы волновался не о том, как защитить мою жену, а о том, как сохранить свое доброе имя. Потому что когда я разберусь с твоим отцом, ты уже не сможешь

показать свою физиономию в Лондоне.

Томми ответил, и в голосе его прозвучала сталь, убеждая Майкла в том, что это уже не тот мальчик, которого он когда-то знал:

— Я не собираюсь дурачить себя и верить, что могу защититься от скандала, который ты намерен развязать. Но я сделаю все возможное, чтобы бороться с тобой, — все, лишь бы уберечь Пенелопу. Напомнить ей, что когда-то ее друзья сделали бы все, что в их силах, лишь бы она не пострадала.

Борн вскинул бровь.

— Успокойся, Томми, по крайней мере ей не придется расхлебывать последствия твоего скандала, когда я сообщу обо всем в газеты.

Томми повернулся. Его понимающий взгляд отыскал в темноте глаза Борна, и он сказал:

— Нет, этот скандал ее не замарает... но она сильно пожалеет, что вышла за тебя. Даже не сомневайся.

А он и не сомневался.

Тяжелая дверь за Томми закрылась, и Борн пошел обратно, охваченный гневом и раздражением и чем-то еще, что никак не мог определить.

Глава 9

«Дорогой М.!

Пишу тебе из кареты, где провела последние шесть дней со своими четырьмя сестрами и матерью. Мы протащились через весь Север, чтобы навестить тетю Эстер (ты ее должен помнить из моего последнего письма). Вообразить не могу, что двигало римлянами, когда они решили продолжить свой поход на север, чтобы построить Вал Адриана. Должно быть, у них не было сестер, иначе они и Тоскану бы не пересекли.

Твоя стойкая П.

Где-то посреди Великого Северного Пути, июнь 1816 года».

Ответа нет.

Он ее бросил.

Пенелопе потребовалось около четверти часа, чтобы прийти в себя. Она стояла в холле лондонского дома Майкла посреди своих вещей. Коротко говоря, он просто оставил ее и ушел, бросив на прощание: «Пока».

Она смотрела на массивную дубовую дверь, в которую он вышел, дольше, чем ей хотелось бы в этом признаться, отказываясь верить в горькую правду.

Он ее бросил.

В ее первый вечер в этом лондонском доме.

Даже не представив слугам.

В первую брачную ночь.

Правда, об этом ей хотелось думать меньше всего. Поэтому Пенелопа сосредоточилась на том, что стоит, как дура, в холле городского дома мужа, одна-одинешенька, а рядом топчутся двое очень юных на вид лакеев, не совсем понимающих свою роль в происходящем.

Она вымученно улыбнулась и обратилась к более старшему из двоих (но уж точно не старше пятнадцати лет), отчаянно желая хоть как-нибудь сдвинуться с места:

— Полагаю, в этом доме есть экономка?

Увидев, какое облегчение охватило юношу, она ему слегка позавидовала. Хотелось бы ей знать, как вести себя в подобной ситуации.

— Да, миледи.

— Превосходно. Ты можешь ее пригласить?

Лакей поклонился раз, потом еще раз, стремясь показать себя с лучшей стороны.

— Да, миледи. Как пожелаете, миледи. — Он исчез молниеносно, а его напарник с каждой минутой чувствовал себя все неуютнее.

И Пенелопа его понимала. Второй лакей (если честно, слишком юный, чтобы работать лакеем) что-то пробормотал и исчез почти мгновенно. Пенелопа выдохнула и стала рассматривать холл — сплошные мрамор и позолота, последний писк моды и огромные деньги. Слишком экстравагантно, на ее взгляд, но она мгновенно сообразила, в чем суть.

Пусть Майкл и потерял все в той печально знаменитой игре, но вернул утраченное стократ, и всякий, кто входил в этот дом, сразу это понимал.

При мысли о юном маркизе, вынужденном так тяжело трудиться, чтобы восстановить состояние, что-то в ее груди сжалось. Каких сил это ему стоило... какого упорства.

Пенелопа отогнала эту мысль, наткнувшись на массивный сундук, приехавший с ней в карете. Ну, раз никто не собирается проводить ее в гостиную, она все равно может устроиться поудобнее. Пенелопа расстегнула дорожный плащ и уселась на свой багаж. Интересно, может, ей так и придется жить тут... в холле?

Где-то в дальней части дома началась суматоха... послышался лихорадочный шепот, торопливые шаги, и Пенелопа невольно улыбнулась. Похоже, никого из слуг не оповестили о прибытии новобрачной. Вероятно, удивляться тут нечему, поскольку она и сама не ожидала ничего подобного два дня назад.

Но досада на мужа не проходила.

Мог бы по крайней мере потратить минутку на то, чтобы представить ее экономке, прежде чем устремляться к якобы неотложным делам, призывающим его именно в это время суток.

В день их бракосочетания.

Она вздохнула и услышала в собственном вздохе нетерпение и раздражение. Хотя и знала, что леди не показывают своего раздражения. Оставалось только надеяться, что это правило не так уж непреклонно, если ты выходишь замуж за павшего аристократа.

Наверняка есть возможность слегка его изменить, если сидишь в одиночестве в своем же новом доме и ждешь, когда тебя проводят в комнату. Хоть в какую-нибудь.

Она поерзала, стараясь не обращать внимания на боль в спине. Маркизы ни в коем случае не должны думать о том, что у них может болеть спина.

— Миледи?

Пенелопа вскочила на ноги, повернулась на звук раздавшегося за спиной голоса; одновременно осторожного и любопытствующего, и увидела самую красивую женщину из всех, кого когда-либо встречала. Экономка шагнула вперед и присела в реверансе.

— Приношу свои извинения за то, что не встретила вас сразу же по прибытии. Но мы не...

Теперь замолчала она.

«Мы вас не ждали». Пенелопа услышала эти слова, хотя экономка их не произнесла.

Та попыталась опять:

— Борн не...

Борн.

Не лорд Борн. Просто Борн.

Вспыхнуло какое-то чувство, жаркое и незнакомое. Ревность.

— Я понимаю. В последние несколько дней лорд Борн был очень занят. — Она нарочно подчеркнула титул и заметила во взгляде красавицы понимание. — Полагаю, вы экономка?

Красавица сверкнула улыбкой и снова сделала реверанс.

— Миссис Уорт.

Пенелопа задумалась, замужем ли миссис Уорт или просто ей так полагается называться в связи с занимаемым положением. Мысль о Майкле рядом с ошеломительной незамужней экономкой ей не понравилась.

— Хотите осмотреть дом? Или познакомиться с прислугой?

Миссис Уорт, похоже, не знала, чего ей ждать.

— Для начала я хотела бы увидеть свои комнаты, — пожалела ее Пенелопа. Экономка определенно так же удивилась женитьбе хозяина, как и сама новобрачная. — Мы провели в дороге почти весь день.

— Разумеется. — Миссис Уорт кивнула и направилась к широкой лестнице, которая, видимо,

вела в личные апартаменты. — Я прикажу мальчикам сейчас же доставить туда ваши сундуки.

Поднимаясь по лестнице, Пенелопа не удержалась:

— Ваш муж тоже работает на лорда Борна?

После долгого молчания экономка ответила:

— Нет, миледи.

Пенелопа поняла, что настаивать не следует.

— Вероятно, где-то по соседству?

Еще одна пауза.

— У меня нет мужа.

Пенелопа с трудом подавила вспыхнувшее при этих словах неприятное чувство... и желание задать красавице экономке еще кучу вопросов.

Миссис Уорт уже отвернулась и спокойно открыла дверь в тускло освещенную спальню.

— Разумеется, мы тотчас же разожжем огонь, миледи. — Она целеустремленно зашагала по комнате, зажигая свечи, и перед Пенелопой медленно проступила уютная, хорошо обставленная спальня в очаровательных зеленых и голубых тонах. — И я прикажу подать вам ужин. Должно быть, вы проголодались. — Запалив последнюю свечу, она снова повернулась к Пенелопе: — У нас нет камеристки для леди, но я буду счастлива... — Она не договорила.

Пенелопа покачала головой:

— Моя горничная вряд ли сильно отстала.

На лице экономки отразилось облегчение, она согласно склонила голову. Пенелопа внимательно наблюдала за ней, замороженная красотой женщины, казавшейся весьма сведущей служанкой и одновременно не прислужгой вовсе.

— Как давно вы тут работаете?

Миссис Уорт резко подняла голову, мгновенно отыскав взглядом Пенелопу.

— С Бо... — Она спохватилась и поправилась: — С лордом Борном? — Пенелопа кивнула. — Два года.

— Вы очень молоды для экономки.

Миссис Уорт насторожилась.

— Мне очень повезло, что лорд Борн предоставил мне место здесь.

В голове Пенелопы возникли дюжины вопросов, и ей пришлось приложить массу усилий, чтобы не задать их все... чтобы выяснить правду об этой красивой женщине и о том, каким образом она стала жить с Майклом.

Но сейчас не время, несмотря на все любопытство.

Вместо этого она вытащила шпильки из шляпки, подошла к туалетному столику, положила их и обернулась к экономке:

— Сундуки и ужин — это чудесно. И ванну, пожалуйста.

— Как пожелаете, миледи. — Миссис Уорт моментально исчезла, оставив Пенелопу одну.

Глубоко вздохнув, Пенелопа медленно обошла комнату. Она была прекрасной — роскошно декорирована, с шелковыми обоями и огромным ковром, явно доставленным с Востока. Картины подобраны со вкусом, мебель сделана безупречно. В комнате имелся камин, но холод и застоявшийся запах дыма подтверждали, что дом к прибытию хозяев никто не готовил.

Пенелопа подошла к умывальнику, установленному возле окна, которое выходило в большой сад, налила воды в таз и опустила ладони в белый фарфор, глядя, как вода искажает их цвет и форму.

Когда дверь отворилась, Пенелопа увидела юную девушку не старше тринадцати-четырнадцати лет. Та торопливо присела в реверансе.

— Я пришла разжечь огонь, миледи.

Пенелопа смотрела, как девочка присела у камина, держа в руках трутницу, и в голове мелькнуло воспоминание — Майкл всего несколько дней назад в такой же позе в Фальконвелле. Растопка вспыхнула, щеки Пенелопы бросило в жар — она вспомнила, что случилось той ночью... и следующим утром, и ощутила укол сожаления.

Сожаления, что его тут нет.

Девочка встала, опустив голову.

— Вам нужно еще что-нибудь?

Снова разгорелось любопытство.

— Как тебя зовут?

— Элис.

— Сколько тебе лет, Элис?

Та снова сделала книксен.

— Четырнадцать, миледи.

— И давно ты тут работаешь?

— Вы имеете в виду в «Адском доме»?

Пенелопа широко распахнула глаза.

Боже милостивый.

— Да, мэм. — Девочка торопливо начала отвечать, словно это самое нормальное название для дома: — Три года. Моему брату и мне потребовалась работа, когда наши родители...

Она не договорила, но Пенелопа без труда поняла остальное.

— Твой брат тоже здесь работает?

— Да, мэм. Он лакей.

Что объясняет неожиданно юный возраст лакеев.

Элис выглядела необычайно встревоженной.

— Вам нужно еще что-нибудь от меня?

Пенелопа покачала головой:

— Не сегодня, Элис.

— Спасибо, мэм.

Она уже подошла к двери, когда Пенелопа снова ее окликнула:

— О, кое-что есть! — Девочка повернулась к ней с выжидательным видом! — Покажи мне, где комната твоего хозяина.

— В смысле комната Борна?

Ну вот опять. Борна.

— Да.

— Мы в основном пользуемся следующей дверью по коридору, но у вас есть дверь отсюда, — сказала Элис, показав на дверь в дальнем конце спальни, почти скрытую ширмой.

Дверь отсюда.

Сердце Пенелопы забилося чуть быстрее.

— Понятно.

Разумеется, у нее должен быть прямой проход в комнаты мужа.

В конце концов, он же ее муж!

Может быть, он этой дверью воспользуется.

В ней что-то затрепетало, что-то, чего она не могла опознать. Скорее всего страх.

Возбуждение.

Приключение.

— Я уверена, он не будет против того, что вы здесь спите, миледи. Он не часто ночует дома.

Пенелопу снова бросило в жар.

— Понятно, — повторила она.

Он спит где-то еще. С кем-то еще. Черт бы его побрал!

— Спокойной ночи, миледи.

— Спокойной ночи, Элис.

Девочка вышла, а Пенелопа осталась стоять, глядя на дверь с нестерпимым любопытством. Что же за ней скрывается? Любопытство не прошло, когда принесли сундуки, а следом ужин, простой, но сытный — свежий хлеб, сыр, горячая ветчина и чудесное ароматное чатни. Любопытство глодаю ее, пока она насыщалась, и пока наконец-то прибывшая камеристка разбирала сундуки и доставала самые необходимые вещи, и пока мальчики наполняли ей ванну, и пока она купалась, и вытиралась, и одевалась, и безнадежно пыталась написать письмо кузине Кэтрин.

Когда часы пробили полночь и Пенелопа поняла, что день ее свадьбы и первая брачная ночь пришли и ушли, любопытство сменилось разочарованием.

А затем раздражением. Взгляд словно приковался к этой дурацкой двери красного дерева. Пенелопа рассматривала ее, чувствуя, как ее охватывает гнев, разбавленный смущением. И в какую-то долю секунды она вдруг приняла решение — подошла к двери и рывком распахнула ее, всматриваясь в зияющую темноту.

Слуги знают, что сегодня ночью он не вернется, иначе разожгли бы у него огонь в камине. Только она одна его и ждала. Единственная, кто думал, что, может быть, их первая брачная ночь станет чем-то... большим.

Глупая Пенелопа.

Он никогда не хотел на тебе жениться.

Он женился только ради Фальконвелла. Почему ей так сложно об этом помнить? Она проглотила вставший в горле ком, сделала глубокий вдох. Нет, расплакаться она себе не позволит. Только не сегодня. Не в этом новом доме, не с его любопытными слугами. Не в первую брачную ночь.

Первую ночь в качестве маркизы Борн, вместе со свободой, которую дарует этот титул.

Так что нет, плакать она не будет. Наоборот, устроит себе приключение.

Пенелопа зажгла большую свечу с ближайшего столика и в пятне золотистого света вошла в комнату. Осмотрела длинную полку, до отказа забитую книгами, и мраморный камин с двумя большими, прелестными, удобными креслами перед ним. Задержалась у камина, чтобы как следует рассмотреть огромную картину, висевшую над ним. Подняла свечу, освещая хорошенько пейзаж.

Вспыхнуло узнавание.

Это Фальконвелл.

Не дом, а земля. Покатые холмы, расступившиеся, чтобы дать место прекрасному

сверкающему озеру, отмечавшему западную границу роскошных зеленых владений, жемчужины Суррея. Земля, на которой он когда-то родился.

Он просыпается в Фальконвелле.

Мысль прогнала малейшие признаки сочувствия, которые Пенелопа испытывала в тот момент. Она резко отвернулась, охваченная раздражением и разочарованием. Пламя осветило край массивной кровати — размерами больше любой, виденной ею раньше. Пенелопа ахнула, разглядывая огромные дубовые столбики по углам кровати, на каждом резьба и один другого красивее, а балдахин поднят по меньшей мере на семь футов. Она не удержалась и провела пальцами по бархатной драпировке.

Роскошной, богатой и в высшей степени экстравагантной.

Мысль заставила ее резко отвернуться от кровати и посмотреть на остальную часть комнаты. Взгляд последовал за пятном света, выхватившим большой хрустальный графин, наполненный темной жидкостью, и стаканы.

Интересно, как часто он наливает в стакан скотча и берет его с собой в огромную постель? Как часто он наливает спиртное своей гостье? Мысль о другой женщине в постели Майкла, безнравственной и сладострастной, равной ему по красоте и дерзости, подогрела гнев Пенелопы.

Он бросил ее здесь, в своем доме, первой же ночью в качестве жены!

Ушел, чтобы напиваться скотчем в обществе жрицы любви.

И не имеет значения, что у нее нет доказательств. Она все равно пришла в бешенство.

Неужели их разговор в карете ничего для него не значил?

Как они смогут доказать Лондону и обществу, что этот позорный брак никак не запятнан скандалом, если он шляется где-то с... с ночными бабочками?

И чем заниматься ей, пока он ведет распутную жизнь?

Сидеть тут с вышиванием, пока он не снизойдет до того, чтобы удостоить ее своим присутствием?

Этого она делать не будет.

— Ни под каким видом, — поклялась себе Пенелопа, негромко, но торжественно в этой темной комнате, словно слова, произнесенные вслух, уже никто не сможет отменить. Ну что ж, время покажет.

Взгляд снова упал на графин, на четкие грани хрусталя, на широкое основание, призванное не дать сосуду опрокинуться в бурном море.

Отлично. Она покажет ему бурное море.

И, стараясь особо не задумываться, Пенелопа подошла к графину, поставила подсвечник, взяла стакан и налила в него виски больше, чем приличной женщине можно выпить.

То, что она не знала точно, сколько именно скотча полагается выпить приличной женщине,

значения не имело.

Ей доставляло какое-то извращенное удовольствие смотреть, как янтарная жидкость наполняет хрусталь. Она хмыкнула — интересно, что подумает ее новоиспеченный супруг, если явится домой именно в эту минуту и увидит, как его правильная жена, еще вчера — старая дева, сжимает в руках наполовину полный стакан с виски?

Наполовину полное будущее.

Наполовину полное приключение.

Ухмыльнувшись, Пенелопа отсалютовала самой себе в большом зеркале, висевшем за графином, и сделала большой глоток скотча.

И чуть не умерла.

Она не была готова к тому, что проклятое спиртное обожжет ей глотку, а следом и желудок. К горлу подкатила тошнота, но Пенелопа сумела взять себя в руки.

— Фууу! — объявила она пустой комнате, глядя в стакан и недоумевая, почему кто-то (а в особенности самые богатые мужчины в Британии) добровольно пьет эти горькие вонючие помои. Вот идиоты!

Как-то это приключение не показалось ей особенно многообещающим.

Кажется, ее сейчас вырвет.

Она, согнувшись, присела на край буфета, гадая, не нанесла ли серьезный, непоправимый вред своим внутренностям.

Сделала несколько глубоких вдохов, и жжение начало утихать, сменившись томным, вселяющим смутные надежды теплом.

Пенелопа выпрямилась.

В конце концов, не так уж это и плохо.

Она снова встала, подняла вверх подсвечник, направилась к книжным полкам и наклонила голову набок, читая названия на книгах в кожаных переплетах, набитых там до отказа.

Пенелопа провела пальцами по позолоченным буквам на корешке (полная история британской аристократии), потертым от частого использования. Для человека, так радостно избегающего светское общество, Майкл слишком часто пролистывает этот том.

Она вытащила книгу с полки, провела рукой по кожаному переплету и раскрыла ее наобум. Томик раскрылся на самой часто читаемой странице.

Запись о маркизах Борн.

Пенелопа провела пальцами по буквам, по длинному списку мужчин, имевших этот титул до Майкла. До сих пор.

А вот и он. Майкл Генри Стивен, десятый маркиз Борн, второй граф Арран, родился в 1800 году. В 1816 году получил титул маркиза Борна для себя и своих наследников мужского пола,

плоти от плоти своей.

И пусть он изображает, что ему наплевать на титул... но он по-прежнему остался с ним связанным, иначе эту книгу не вытаскивали бы так часто. При этой мысли ей стало приятно. Значит, он все-таки думает о своей жизни в Суррее, о своей земле там, о своем детстве, о ней.

Может быть, он ее все-таки не забыл — так же, как она не забыла его.

Пенелопа поставила книгу на место и осторожно приблизилась к кровати, изучая огромный предмет мебели более внимательно, рассматривая темное покрывало, гадая, не бархат ли это, соответствует ли он драпировке вокруг кровати. Слегка наклонилась и протянула руку, чтобы пощупать его.

Почувствовать место, где он спит.

Покрывало оказалось вовсе не бархатным.

Это был мех. Мягкий, роскошный мех.

Ну разумеется! Как же иначе.

Она погладила покрывало и на какой-то миг вообразила, как прекрасно лежать в этой постели, закутавшись только в темноту и мех.

И в Майкла.

Он распутник и негодяй, а его кровать — сама по себе приключение.

Мягкий мех манил, искушал лечь, насладиться его теплом, его порочностью. Едва эта мысль пришла в голову, Пенелопа бросила стакан на пол и забралась на кровать — так ребенок в поисках бисквитов залезает на полки в кладовой.

Это было самое мягкое, самое роскошное покрывало во всем свете.

Она перекатилась на спину, широко раскинула руки и ноги, наслаждаясь тем, как пух и мех укутывают ее, принимая на себя ее вес, позволяя погрузиться в них в чистом, беспримесном блаженстве.

Ни одна кровать не должна быть такой удобной.

Но его, разумеется, была.

— Он развращен, — вслух объявила Пенелопа комнате, прислушиваясь к тому, как эхо затихает в темноте.

Она подняла вверх руки, ставшие почему-то тяжелее обычного, потянулась к балдахину над головой, погрузилась еще глубже в покрывало, закрыла глаза, повернула голову и потерлась щекой о мех.

Пенелопа вздохнула. Казалось несправедливым, что в такой кровати никто не спит.

Мысли ее замедлялись, словно текли где-то под водой, она остро ощущала, как тело ее погружается все глубже в перину.

Должно быть, ради этого дивного расслабления люди и пьют.

Мысль ей очень понравилась.

— Похоже, ты заблудилась.

Пенелопа открыла глаза, услышав голос, низкий и негромкий в темноте, и обнаружила своего мужа. Тот стоял у кровати и смотрел на нее.

Глава 10

«Дорогой М.!

Не получив от тебя никакого ответа по-английски, я подумала, что вдруг ты напишешь мне на других языках. Предупреждаю, тут будет и латынь (возможно, с ошибками).

Ecrivez , s ' il vous plait

Placet scribes

Bitte schreiben Sie

Scrivimi, per favore

Ysgrifennwch, os gwelwch yn dda[4] .

Признаюсь честно, с последним мне помогла одна из кухонных работниц-валлиек, но на мое отношение это не повлияло.

Пожалуйста, напиши — П.

Нидэм-Мэнор, сентябрь 1816 года».

Ответа нет (ни на одном языке).

Как совладелец самого роскошного игорного ада Лондона, Борн не был чужд соблазнам. Он специализировался на грехе. Был лично знаком с пороком. Знал, как притягивает изумрудное сукно на бильярдном столе, понимал, как начинает колотиться сердце, стоит услышать стук костей, помнил ощущение, когда словно стоишь на краю обрыва и ждешь той единственной карты, которая может подарить тебе состояние — или отнять его.

Но он в жизни своей не испытывал искушения такого острого, как это, такого зова греха и порока, звеневшего у него в голове, когда он смотрел на свою новоиспеченную целомудренную жену, лежавшую на его меховом покрывале в одной ночной рубашке.

Его пронзило желание, мощное и настойчивое, он с трудом сдерживался, чтобы не поклониться и не разорвать ее рубашку пополам, чтобы она нагой предстала его взгляду, и рукам, и губам на весь остаток ночи.

Сделать ее своей.

Вспыхнул гнев, головокружительно сочетаясь с вожделением, а она заморгала ему навстречу, так медленно и томно в мерцающем пламени свечи. Ее еле заметная улыбка вызвала почти непреодолимое желание сорвать с себя одежду, упасть рядом с ней в постель, прижать ее нежную к коже к меховому покрывалу и показать ей, каким восхитительным может быть порок.

Она снова моргнула, и он почувствовал возбуждение. Превосходно сшитые брюки внезапно сделались тесными.

— Майкл, — прошептала она, и в ее голосе прозвучал намек на радость, что никак ему не помогало. — Ты же не должен был прийти.

Однако он здесь, все равно что лис, забравшийся в курятник.

— Ты ждала кого-то другого? — Сказанное даже ему показалось слишком грубым, наполненным смыслом, которого она не поймет. — Это пока еще моя спальня, разве нет?

Она улыбнулась:

— Ты пошутил. Конечно, твоя.

— Тогда почему я не могу тут быть?

Кажется, вопрос ее озадачил. Она наморщила носик.

— Потому что предполагается, что сейчас ты со своей богиней. — Она закрыла глаза и снова зарылась в мех, что-то негромко мурлыча от удовольствия.

— С моей богиней?

— Ммм. Элис сказала, что ты тут не ночуешь. — Она попыталась сесть, но пуховая перина и меховое покрывало затрудняли движения. Майкл заметил, как ночная рубашка соскользнула, обнажая округлость дивной груди. — Ты всегда такой молчаливый, Майкл. Пытаешься меня запугать?

Он изо всех сил постарался говорить спокойным тоном:

— А я тебя пугаю?

— Иногда. Но не сейчас.

Она подползла к нему, встала на колени, наступила одной коленкой на подол рубашки, ткань натянулась, и Борн поймал себя на том, что молится — пусть бы рубашка сползла еще на дюйм ниже... хотя бы на полдюйма. Только чтобы обнажился один из ее безупречных розовых сосков.

Он решительно отогнал эту мысль. Он мужчина тридцати лет, а не двенадцатилетний мальчишка. И не должен вожделеть свою жену, которая сейчас покачивается перед ним, испытывая на прочность ткань своей ночной рубашки, а заодно здравость его рассудка.

И вообще он вернулся сюда не в порыве страсти. А потому что пришел в ярость. Разозлился на нее за то, что она едва не вышла замуж за Томми. И не сказала ему правду.

Она прервала его мысли, и ему пришлось схватить ее за талию, чтобы она не упала.

— Мы сегодня поженились, — напомнила она. — Или, может быть, ты забыл?

— Я помню. — Она просто не даст об этом забыть.

— Правда? А ты меня бросил.

— Это я тоже помню.

Он вернулся, чтобы подтвердить их брак. Чтобы сделать ее своей и зачеркнуть все сомнения в том, что они женаты, что Фальконвелл принадлежит ему.

Что она принадлежит ему. Ему, а не Томми!

— Невесты не ожидают, что их оставят одних в первую брачную ночь, Майкл. — Он не ответил, и Пенелопа расхрабрилась, схватившись за его предплечья. Он почувствовал ее ладони даже через слои одежды. — Нам это не нравится. В особенности если ты отказываешься провести вечер с нами ради одной из твоих... черноволосых красоток.

Она несет какую-то бессмыслицу.

— Рассказать тебе, чего еще невесты не любят в свою первую брачную ночь?

— Будь так добра.

— Нам не нравится сидеть дома. В одиночестве. Пенелопа прищурилась, отпустила руки и качнулась назад. Он крепче сжал ее талию, чтобы удержать ее... чтобы ощутить нежное тепло под рубашкой, напоминающее о том, как она таяла в его объятиях... от его поцелуев... от него самого.

— Ты надо мной насмехаешься.

— Клянусь, что нет.

— Еще нам не по душе, когда над нами смеются. Нужно срочно взять себя в руки, пока окончательно не утратил рассудок.

— Пенелопа.

Она улыбнулась:

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя.

Он решил не обращать внимания на ее слова и на этот неожиданный флирт. Она просто не понимает, что делает.

— Почему ты не в своей постели?

Пенелопа склонила голову набок, размышляя.

— Мы поженились по совершенно неправильным причинам. Или по совершенно правильным... если речь идет об удобном браке. Но в любом случае мы женились не ради страсти. Я имею в виду — только подумай об этом! На самом деле там, в Фальконвелле, ты меня по-настоящему не скомпрометировал.

Тут же вспыхнуло воспоминание о том, как она извивается под ним, как вжимается в его руки и его губы. Ее вкус. Ее тело.

— Я совершенно уверен в обратном.

Она помотала головой:

— Нет. Ничего подобного. Видишь ли, я знаю достаточно, чтобы понимать механику процесса.

— Понятно.

— Я знаю, что есть... больше.

Намного больше. Так много, что ему хочется показать ей все. Много всего, что он собирался показать ей, вернувшись домой. Но...

— Ты выпивала?

— Совсем чуть-чуть. — Она вздохнула и посмотрела поверх его плеча в темноту комнаты. — Майкл, ты обещал мне приключение.

— Верно.

— Ночное приключение.

Его пальцы крепче сжали ее талию, привлекая ее ближе. А может быть, она просто качнулась в его сторону. Так или иначе, он этого не остановил.

— Я обещал тебе экскурсию по моему клубу.

Она покачала головой:

— Сегодня я этого не хочу. Успеется.

У нее такие красивые голубые глаза. Мужчина может в них утонуть.

— А чего же ты хочешь взамен?

— Мы сегодня поженились. Я твоя жена.

Он провел ладонями по ее спине вверх, пальцы запутались в золотых кудрях, сжали голову, наклонили ее так, чтобы он смог прильнуть к ее рту, напомнить ей, что он ее муж.

Он и никто другой.

Он наклонился, легко и дразняще скользнул губами по ее губам.

Она вздохнула и прижалась сильнее, но он отпрянул, не желая, чтобы она взяла над ним верх. Она вышла за него замуж. Дала шанс вернуть свое доброе имя и земли.

И сегодня ночью он ничего так не хотел, как в порядке благодарности приобщить ее к миру наслаждения.

— Пенелопа.

Ее глаза открылись.

— Да?

— Сколько ты выпила?

Она помотала головой:

— Я не пьяная. Думаю, я выпила достаточно, чтобы набраться храбрости попросить о том, чего хочу.

Значит, слишком много. Он это видел, хотя от ее слов желание снова пронзило его, как копьем.

— И чего же ты хочешь, милая?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу свою первую брачную ночь.

Так просто, так откровенно. Так неотразимо. Он снова прильнул к ее губам, хотя и знал, что не должен этого делать, и поцеловал ее так, словно перед ними расстиралось все блаженство мира. Оказаться в ней. Сделать ее своей. Он всосал ее нижнюю губу, начал лизать и ласкать ее языком, и она гортанно застонала от наслаждения.

Он отпустил ее рот, чмокнул в щеку и прошептал:

— Назови меня по имени.

— Майкл, — без колебаний сказала она. Слово затрепетало у его уха, пронзив удовольствием.

— Нет. Борн. — Он слегка прикусил мочку ее уха, потерял ее, отпустил и произнес: — Скажи это.

— Борн. — Она покачнулась и прижалась к нему, умоляя о большем. — Пожалуйста.

— После этого возврата не будет, — предупредил он, прижавшись губами к ее виску. Руки блаженствовали, ощущая ее прелести.

Голубые глаза распахнулись, неправдоподобно светлые в темноте. Она прошептала:

— Почему ты решил, что я захочу повернуть назад?

Услышав этот вопрос, искреннее недоумение в ее голосе, он замер. Это говорит алкоголь. Только так. Немыслимо даже предположить, что она не понимает, что он имеет в виду.

— Я не тот человек, за которого ты собиралась выйти замуж. — Следовало бы сразу сказать ей о Томми, но Борн не хотел произносить имя другого мужчины в эту минуту. В этом месте.

Пенелопа улыбнулась, едва заметно и немного печально.

— И все же ты именно тот мужчина, за которого я вышла. Я знаю, что не интересую тебя, Майкл. Знаю, что ты женился на мне только ради Фальконвелла. Но уже слишком поздно оглядываться назад, правда? Мы обвенчаны. И я хочу свою брачную ночь. Думаю, после всех этих лет я ее заслуживаю. Пожалуйста. Если ты не очень против.

Его руки скользнули к вырезу ночной рубашки, и одним мощным рывком Майкл разорвал проклятое одеяние пополам. Пенелопа ахнула, глаза ее широко распахнулись.

— Ты ее испортил.

Борн застонал, услышав обещание в этих словах. Блаженство, заключенное в них.

Он хотел испортить не только рубашку.

Он медленно провел ладонями по ее плечам, и рубашка сползла вниз, к коленям, оставив Пенелопу обнаженной. Бледная кожа словно светилась в пламени свечи. Слишком тусклом. Он хотел видеть ее целиком... видеть, как чаще начинает биться пульс от его прикосновений, как она будет трепетать, когда он проведет руками по ее бедрам, как она прижмется к нему, когда он в нее войдет.

Когда сделает ее своей.

Он осторожно положил ее на мех, вздрогнув от желания, когда она вздохнула от прикосновения мягкой норки к спине, постигая наслаждение кожи, которую ласкает мех. Он склонился над ней и впился в губы, а ее пальцы запутались в его волосах, она выгнулась и прижалась к нему. Борн оторвался от нее и прошептал:

— Я займусь с тобой любовью на этом мехе. Ты прочувствуешь его каждым дюймом своего тела. А наслаждение, которое я тебе подарю, будет сильнее, чем ты можешь вообразить. Ты будешь выкрикивать мое имя, когда оно наступит.

Он оставил ее на минуту, быстро разделся, аккуратной стопкой сложил одежду на стуле, вернулся в постель и увидел, что она одной рукой прикрыла груди, а другую прижала к треугольнику завитков, скрывающих самую ее интимную часть. Он вытянулся на боку рядом с ней, одной рукой подпер голову, а другой начал гладить ее мягкое тело, скользя вверх, по изгибу бедра, по выпуклости живота. Глаза она крепко зажмурила, дыхание вырывалось прерывисто, и Борн не удержался. Наклонившись, он лизнул мочку ее уха, прикусил ее и прошептал:

— Никогда не прячься от меня.

Она замотала головой, широко распахнув голубые глаза.

— Я не могу. Я не могу... просто лежать тут. Голая.

Он снова прикусил мочку.

— Я ничего не говорил о том, чтобы просто лежать, милая. — Взяв ее руку, прикрывавшую груди, он втянул один пальчик в рот, лизнул подушечку, прикусил зубами.

— О... — Она вздохнула, взгляд метнулся к его губам. — Это у тебя очень хорошо получается.

Он медленно вынул палец изо рта и наклонился, чтобы поцеловать ее, долго и сладострастно.

— У меня не только это хорошо получается.

Ее ресницы взметнулись — она уловила в его словах чувственное обещание и негромко произнесла:

— Думаю, у тебя гораздо больше опыта, чем у меня.

В эту минуту не имело значения, что он спал и с другими женщинами. Сейчас он хотел только одного — познать Пенелопу. Быть тем, кто познакомит ее с наслаждением. Тем, кто научит ее брать и давать.

— Покажи, где ты хочешь почувствовать меня, — прошептал он.

Она вспыхнула, зажмурилась и замотала головой:

— Я не могу.

Он снова взял ее палец в рот и пососал. Голубые глаза открылись, неземные в пламени свечи, и отыскиали его: Она следила за движением его губ. Миг был таким напряженным, что он испугался, как бы не кончить прямо сейчас.

— Покажи мне. Скажи «пожалуйста, Борн» и покажи.

— Пожалуйста, Борн.

И он захотел вознаградить ее за то, что она произносит его имя — его и больше ничье. Наклонился, начал нежно посасывать, а ее пальчик пополз к другой груди. Она прерывисто выдохнула:

— Да...

Его рука гладила ее по животу, спускаясь все ниже, ниже, затем поползла вверх и легонько ущипнула нежную кожу под грудью.

— Только не останавливайся, милая.

Пенелопа не остановилась. Ее пальчик пополз по округлости живота, спустился вниз, к завиткам, скрывавшим то чудесное местечко у нее между бедрами. Борн наблюдал, подбадривая ее негромким шепотом, подсказывая, и она изучала себя, пробовала новые знания, обретала новые умения, и в конце концов он подумал, что умрет, если не войдет в нее.

Борн запечатлел долгий, страстный поцелуй на ее животе, затем на запястье и в награду услышал, как прерывисто и тяжело она дышит. Не отрывая губ, он шепотом задал ей вопрос:

— Что ты тут чувствуешь? — скользнув пальцем к ее руке и задержавшись на костяшках.

Пенелопа не ответила, он поднял голову и наткнулся на ее взгляд, полный смущения.

Она замотала головой и произнесла едва слышно:

— Я не могу.

Он притронулся к ее пальцам там, в шелковистом тепле, и сказал:

— Зато я могу. — Ввел глубоко внутрь один палец, Пенелопа ахнула. — Ты уже влажная, милая... влажная и готовая принять меня. Меня. И никого другого.

— Майкл, — выдохнула она его имя. Блаженство этой минуты показалось ему почти невыносимым.

Робко, неуверенно улыбнувшись, она раздвинула ноги и пригласила его, так чувственно приподняв бедра, что он с трудом сдержался.

Борн передвинулся так, чтобы гладкая головка оказалась прямо напротив бархатного входа, и задержался немного, перенес вес тела на руки и глядя вниз, на ее лицо, выражавшее расслабленность, и удовольствие, и замешательство, и поцеловал ее, лизнув языком ее язычок. Ему предстояло самое сложное дело в жизни — медлить на краю того, что станет по-настоящему замечательным моментом... входить в нее нежно, лишь слегка продвигаться внутрь и сразу выходить.

Он подумал, что может просто умереть, такое это доставляло наслаждение.

Она закрыла глаза, и он шепнул:

— Открой глаза. Смотри на меня. Я хочу, чтобы ты меня видела.

Она послушалась, и он плавно толкнулся внутрь, как можно нежнее. Она резко втянула в себя воздух, в ее глазах заплескалась боль. Борн остановился, он не хотел делать ей больно. Снова склонился и поцеловал ее крепко, привлекая к себе внимание.

— Все в порядке?

Она улыбнулась, и в этой улыбке чувствовалось напряжение.

— Все чудесно!

Он покачал головой, не в силах сдержать улыбку.

— Врушка.

Опустил руку вниз, туда, где все у нее было таким тугим и упругим — восхитительно упругим, сжимая его восставшее естество. Отыскал твердый набухший бугорок и начал пальцем описывать вокруг него медленные круги, глядя, как глаза ее от удовольствия сужаются. Он продолжал ласкать ее пальцем, входя в нее медленно и глубоко, целиком.

И замер, ничего так не желая, как начать двигаться.

— Сейчас?

Она глубоко вздохнула, и он вошел еще глубже, удивив их обоих. И прижался лбом к ее лбу.

— Скажи, что все хорошо. Скажи, что я могу двигаться дальше.

Его невинная женушка запустила пальцы ему в волосы и прошептала:

— Пожалуйста, Майкл.

Перед этой просьбой он устоять не мог. Впившись ей в губы, он начал двигаться медленно, осторожно, выходя почти целиком и снова нежно входя в нее, снова и снова, продолжая ласкать бугорок большим пальцем, подводя ее к пику, хотя сам сомневался, что сможет выдержать долго.

— Майкл, — прошептала она, и Борн посмотрел ей в глаза, испугавшись, что делает больно. Он замер. Она выгнула спину. — Не останавливайся. Не переставай двигаться. Ты был прав...

Ее глаза закрылись. Он вошел в нее одним сильным толчком, и она застонала от наслаждения. Борн испугался, что этот стон, гортанный, негромкий и прекрасный, заставит его потерять контроль над собой, но все равно не остановился.

Она мотала головой, ее руки блуждали по его плечам, спине, а потом задержались на ягодицах. Она прижимала его к себе в ритм с его толчками, с движением большого пальца.

— Майкл!

Он тоже был на грани.

Борн никогда раньше не придавал большого значения тому, чтобы кончить одновременно с партнершей. Подобный опыт его не интересовал. Но сейчас он внезапно понял, что не может думать ни о чем, кроме одного, — встретиться с Пенелопой там, на краю ее наслаждения, позволить ему захлестнуть их обоих.

— Подожди меня, — прошептал он ей на ухо, вонзаясь в нее все сильнее. — Не кончай без меня.

— Я не могу ждать! Не могу это остановить!

Она содрогнулась, вовлекая его в стремительный, ошеломляющий ритм, выкрикнула его имя, и он впал в забытие, сорвавшись с обрыва в пугающем, потрясающем экстазе, не сравнимом ни с чем, испытанным им раньше.

Борн рухнул на нее, дыша тяжело, прерывисто, зарылся лицом в ее шею и позволил этому необыкновенному наслаждению захлестнуть себя волной, непохожей ни на что прежнее.

Прошли долгие минуты, прежде чем Борн, испугавшись, что раздавит ее своим весом, скатился с Пенелопы, провел рукой по ее телу и притянул ее к себе, не желая отпускать.

Боже правый, это самый потрясающий секс в его жизни.

Просто сводящий с ума.

Он потряс его сильнее, чем Борн мог себе представить. А от мысли о том, что пережил он это с Пенелопой, его бросило в холодный пот.

Эта женщина. Этот брак. Эта ночь.

Это ничего не значит.

Это не может ничего значить.

Она всего лишь средство к достижению цели. Путь к отмщению. И больше тут ничего нет.

Всю жизнь Борн разрушает то ценное, что имеет. Когда Пенелопа это поймет... поймет, что он может ее только разочаровать, она поблагодарит его за то, что он не подпустил ее слишком близко. Будет благодарна ему за то, что он освободил ее, подарил ей спокойный, простой мир, в котором она получит все, что пожелает... и ей не придется тревожиться из-за него.

«Ты ее не заслуживаешь».

Слова Томми эхом пронесли у него в голове — слова, из-за которых он отправился домой, к

своей жене, чтобы узаконить свое место в ее жизни. Доказать, что она принадлежит ему. Что он может овладеть ее телом так, как не сможет никакой другой мужчина.

Но случилось так, что овладели им.

— Майкл, — шепнула она ему в шею. Его имя прозвучало из ее уст обещанием. Одной рукой она гладила его грудь. Эта чувственная ласка дрожью отозвалась в его теле, снова вспыхнуло желание, когда она прошептала тихо, сонно и соблазнительно: — Это было чудесно.

Он хотел сказать ей, чтобы она не устраивалась в его постели с удобствами.

И в его жизни тоже.

Хотел сказать, что эта Ночь была всего лишь средством достижения цели.

Что их брак никогда не станет таким, о каком она мечтает.

Но она уже спала.

«Дорогой М.!

Я понимаю, что ты, вероятно, не хочешь отвечать на мои письма, но все равно буду их посылать. Год, два или десять — я не хочу, чтобы ты когда-нибудь подумал, будто я тебя забыла. Впрочем, ты ведь в это и не поверишь, правда?

На следующей неделе твой день рождения. Я бы вышила для тебя носовой платок, но ты же знаешь, что я и иглолка несовместимы.

Всегда помню — П.

Нидэм-Мэнор, январь 1817 года».

Ответа нет.

На следующее утро Пенелопа спустилась к завтраку, надеясь увидеть своего мужа — мужчину, изменившего все за один чудесный день и чудесную ночь, мужчину, заставившего ее поверить, что, может быть, их брак обернется чем-то большим. Может быть, их фальшивая любовная история станет менее фальшивой и более... любовной.

Потому что наверняка не может быть ничего более восхитительного, чем то, что они пережили ночью в постели. И не имеет никакого значения то, что она проснулась, укутанная не в декадентские меха, а в свои безупречно чистые, безупречно отутюженные белые льняные простыни в спальне, которую ей отвели с самого начала.

По правде сказать, Пенелопу даже тронуло то, что он сумел перенести ее сюда, не разбудив. Сразу видно, что он добрый, заботливый, любящий муж, а их супружеству, начавшемуся как губительный фарс, назначено судьбой стать чем-то куда, куда большим.

Усаживаясь за прелестный длинный стол в красивой, роскошно обставленной столовой, она надеялась, что он скоро присоединится к ней, и гадала, любит ли он по-прежнему на завтрак сосиски, как когда-то в детстве.

Она надеялась, что он присоединится к ней, принимая блюдо с яйцом и гренками (и никаких сосисок в пределах видимости) у юного лакея, весьма экстравагантно щелкнувшего каблуками и вернувшегося на свой пост в углу комнаты.

Она надеялась, что Майкл присоединится к ней, пока тянула время за едой.

И пока мелкими глоточками пила быстро остывающий чай.

И пока просматривала газету, безупречно сложенную и помещенную слева от пустого стула в дальнем конце внезапно ставшего чересчур длинным стола.

После целого часа ожидания Пенелопа надеяться перестала.

Он не придет.

Она осталась одна.

Внезапно она начала остро ощущать присутствие лакея в углу комнаты, в чьи обязанности входило немедленно понимать, чего пожелает хозяйка, и одновременно полностью ее игнорировать, и щеки ее запылали.

Потому что, конечно же, мысли у юного лакея были ужасно конфузными.

Пенелопа посмотрела на свою тарелку, где ярко-желтый желток от яйца, которое она с такой радостью съела, совсем застыл и гротескно присох к фарфору. Настал первый день ее замужней жизни, и она завтракает одна.

Может быть, ночью она сделала что-то не так?

Теперь жар добрался даже до ушей, и Пенелопа почувствовала, как они горят. Наверное, покраснели, как розы, стоило ей попытаться понять, что могло пойти не так или что следовало изменить в первой брачной ночи.

Она вспоминала про юного лакея в углу комнаты, теперь тоже побагровевшего, — похоже, он не знал, что сказать хозяйке, и мечтал только о том, чтобы она скорее кончила завтрак. Пора уходить из столовой.

Пенелопа встала из-за стола с грацией, какую ждут от маркизы, и направилась к двери, отчаянно стараясь скрыть смущение. К счастью, лакей отвел глаза и не встретился с ней взглядом, когда Она шла через столовую.

Но дверь открылась до того, как Пенелопа успела к ней подойти, и на пороге появилась миссис Уорт, вынудив хозяйку остановиться так резко, что взметнулись юбки ее желтого платья, выбранного в этот холодный январский день из соображений красоты, а не здравого смысла.

Ошеломительно красивая экономка остановилась в дверях с совершенно бесстрастным видом, присела в реверансе и произнесла:

— Доброе утро, миледи.

Пенелопа с трудом удержалась, чтобы не сделать то же самое, крепко сцепила руки и ответила:

— И вам доброго утра, миссис Уорт.

Обменявшись любезностями, обе женщины уставились друг на друга. После довольно долгой паузы экономка сказала:

— Лорд Борн просил сообщить вам, что в среду вы приглашены на обед в Тоттенхем-Хаус.

Через три дня.

То, что Майкл передал такое простое сообщение через прислугу, заставило ее осознать, как сильно она ошиблась в своей оценке ночных событий. Уж если он не нашел минутки лично сказать жене про приглашение на обед, значит, она его очень мало интересуется.

Пенелопа сделала глубокий вдох, пытаясь справиться с разочарованием.

— Еще он просил напомнить вам, что этот обед будет первым, который вы посетите как супружеская пара.

Можно было не стараться — разочарование мгновенно сменилось раздражением. Впрочем Пенелопа довольно скоро перестала сомневаться в том, кто главный виновник возникшей неловкой ситуации, — разумеется, ее муж, который, похоже, мало верит в способность жены правильно отвечать на приглашения и понимать их значимость.

Не задумываясь больше, она вскинула бровь, посмотрела экономке в глаза и произнесла:

— Какое превосходное напоминание! А я-то и не знала, что мы обвенчались меньше суток назад и что за это время я ни разу не покинула этот дом! Право же, как мне повезло найти мужа, готового напоминать о самых простейших вещах. — Из ее уст буквально сочился сарказм. Глаза миссис Уорт округлились, но она ничего не сказала. — Жаль, что он не смог напомнить мне лично, за завтраком. Он дома?

Миссис Уорт помялась немного и ответила:

— Нет, миледи. Он не появлялся дома с тех пор, как вы приехали из Суррея.

Конечно, это было не так, но зато Пенелопа поняла, что вчера Майкл пришел домой поздно ночью и ушел сразу же после... гм... представления.

Ну разумеется.

Гнев Пенелопы запылал еще жарче.

Он явился домой, чтобы подтвердить брак, и сразу же ушел. Как мило!

Значит, такой будет ее жизнь. Уходить и приходить по его прихоти, выполнять его требования, посещать его обеды, когда она включена в приглашение, и оставаться одной, если в приглашении ее нет.

Просто катастрофа.

Она снова взглянула в глаза миссис Уорт и увидела в них сочувствие. Только этого не хватало.

Пенелопа просто возненавидела мужа за то, что по его вине она так смущена. Что чувствует себя такой несчастной. Что получила настолько меньше.

Но это ее брак. Ее выбор. И пусть даже в первую очередь его — какая-то часть ее души хотела этого. Верила, что тут может найти большее.

Глупая Пенелопа.

Расправив плечи, она сказала:

— Можете сообщить моему мужу, что мы увидимся с ним в среду. И отправимся на обед в Тоттенхем-Хаус.

Глава 11

«Дорогой М.!

Томми сказал, что видел тебя в городе в начале каникул, но тебе так и не хватило времени поговорить с ним. Мне очень жаль, и ему тоже.

Пиппа подобрала трехлапного пса, и (пусть это звучит не очень лестно) когда я увидела, как он весело скачет у озера, его хромота напомнила мне о тебе. Без тебя мы с Томми стали трехлапым псом. Боже милостивый, это одна из тех метафор, к которым я вынуждена прибегать без тебя, чтобы не стать косноязычной; положение ухудшается.

Отчаявшаяся П.

Нидэм-Мэнор, июнь 1817 года».

Ответа нет.

Проблема с ложью в том, что в нее иногда очень легко поверить.

Даже если лжешь ты сам.

Три дня спустя Пенелопа с Майклом были почетными гостями на званом обеде в Тоттенхем-Хаусе, и это событие предоставило им идеальную возможность поведать свою тщательно придуманную историю любви нескольким главным сплетникам светского общества.

Сплетникам, просто жаждавшим соответствовать своему званию, если то, как они прислушивались к каждому слову Пенелопы и Майкла, хоть что-то значит.

И это не говоря о взглядах.

Пенелопа не пропустила ни одного... когда они вошли в Тоттенхем-Хаус, тщательно продумав свое появление, чтобы не прийти ни слишком рано, ни чересчур поздно, и обнаружили, что остальные приглашенные тоже тщательно продумали свое появление и пришли пораньше, как раз для того, чтобы не упустить ни единой минуты первого вечера маркизы и маркиза Борн в светском обществе.

Не пропустила она и взглядов, когда Майкл продуманно положил свою большую теплую ладонь ей на спину, подталкивая Пенелопу в гостиную, где гости ждали, когда их пригласят в столовую. Ладонь он положил с высочайшей точностью, сопроводив этот жест такой теплой

улыбкой (едва узнаваемой), что Пенелопе с трудом удалось скрыть восхищение его стратегией и неожиданно охватившее ее удовольствие.

Этим взглядам сопутствовало трепетание вееров в слишком холодном помещении и шелест шепотков. Пенелопа делала вид, что ничего не слышит, и смотрела на своего мужа, надеясь, что взгляд получается достаточно любящим. Должно быть, у нее получилось, потому что он наклонился к ней и прошептал:

— Ты справляешься великолепно, — прямо ей на ушко. При этом ее окатило волной удовольствия, хотя она и поклялась себе, что не поддастся его чарам.

Пенелопа мысленно отругала себя за эту теплую приторность. Напомнила себе, что не видела Борна с самой их брачной ночи, что он ясно дал ей понять — все эти проявления супружеских чувств всего лишь представление для публики, но все же щеки ее зарделись, и когда она заглянула в глаза мужа, то увидела в них удовлетворение. Он снова склонился к ней.

— Румянец — просто верх совершенства, моя невинная малышка.

От этих слов пламя окончательно запылало, словно они и вправду страстно любят друг друга, хотя на самом деле все было наоборот.

На время обеда их, разумеется, разъединили, и началось настоящее испытание. Виконт Тоттенхем проводил Пенелопу на ее место, втиснув между собой и мистером Донованом Уэстом, издателем двух самых читаемых в Британии газет. Уэст был златовласым очаровашкой, замечавшим, казалось, все на свете, в том числе и нервозность Пенелопы.

Он обратился к ней так, что слышала только она:

— Не давайте им ни малейшего шанса. Они сразу этим воспользуются, насадят вас на вертел, и с вами будет покончено.

Он имел в виду женщин.

За столом их оказалось шесть, и каждая сидела с поджатыми губами и высокомерным видом. Их беседа — вполне непринужденная на первый взгляд — велась тоном, который придавал каждому сказанному слову двойной смысл, словно все они собрались ради розыгрыша, не известного ни Майклу, ни Пенелопе.

Это непременно привело бы Пенелопу в раздражение, если бы они с Майклом не имели собственного секрета.

И только в конце трапезы разговор коснулся их.

— Поведайте нам, лорд Борн, — процедила вдовствующая виконтесса Тоттенхем голосом, слишком громким для приватной беседы, — как вышло, что вы с леди Борн обручились? Я обожаю любовные истории.

Еще бы не обожала. Любовные истории — лучшая почва для скандала. Общая беседа внезапно прекратилась, и собравшиеся замолчали, дожидаясь ответа Майкла.

Он кинул на Пенелопу теплый, любящий взгляд.

— Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь в состоянии провести четверть часа в обществе моей жены

и не влюбиться в нее. — Сказанное уже само по себе было скандальным. Ни один хорошо воспитанный бессердечный аристократ не произнесет подобного вслух, и в ответ раздался общий вздох изумления. Майкл, похоже, не обратил на это внимания, потому что добавил: — Право же, это подарок судьбы, что я оказался там на День святого Стефана. И что она тоже там была — ее смех напомнил мне о том, как много я должен в своей жизни исправить.

Сердце Пенелопы забилось быстрее, стоило ей услышать это и увидеть, как приподнялся в призраке улыбки уголок его губ.

Поразительно, как сильна власть слов. Даже фальшивых.

Она невольно улыбнулась ему в ответ, и ей не пришлось изображать смущение — общее внимание заставило ее опустить голову.

— Кроме того, вам очень повезло, что ее приданое включает в себя земли, входящие в маркизат. — Этот пьяный взрыв прозвучал с дальнего конца стола, от графини Холлоуэй, несчастной женщины, получавшей удовольствие, делая больно другим. Пенелопа никогда ее не любила. Она даже не посмотрела на графиню, устремив свой взгляд на мужа. Настала ее очередь вступить в разговор.

— Повезло в основном мне, леди Холлоуэй, — произнесла Пенелопа, не отводя глаз от мужа. — Если бы не наше соседство в детстве, боюсь, мой супруг никогда бы меня не нашел.

В глазах Майкла вспыхнуло восхищение. Он поднял свой бокал в сторону Пенелопы.

— Раньше или позже я бы все равно понял, чего мне недостает, милая. И начал бы тебя искать.

Это согрело ее до глубины души, но Пенелопа вовремя вспомнила, что все это лишь игра.

Майкл перехватил нить разговора, развивая историю, заверяя собравшихся, что он пропал, потерял голову и сердце и влюбился по уши, и Пенелопа смогла вздохнуть.

Он предстал перед гостями таким красивым и умным, обворожительным и забавным, подпускал в речь как раз нужное количество раскаяния... словно пытался загладить свою вину за прошлые прегрешения и готов был сделать все, что требуется, лишь бы вернуться в общество — ради жены.

Он просто само совершенство.

Он заставил даже Пенелопу поверить в то, что в День святого Стефана был там, в главной гостиной дома приходского священника в Колдхарборе, в окружении веселящихся людей и гирлянд падуба. И пленил ее сладкими речами.

В точности как пленил сейчас всех остальных.

— ...Признаюсь честно, я в жизни своей не танцевал рил, но она заставила меня протанцевать их с десятком!

За столом зазвенел смех, Пенелопа подняла свой бокал и сделала маленький глоток вина, надеясь, что спиртное успокоит бурлящий желудок; глядя, как ее муж потчует гостей сказкой об их головокружительном романе.

— Полагаю, это всего лишь вопрос времени. Я бы все равно вернулся в Колдхарбор и понял,

что оставил там не только Фальконвелл-Мэнор. — Он посмотрел на жену через стол, и у нее перехватило дыхание, такие яркие искры блеснули в его глазах. — Хвала небесам, что я нашел ее раньше, чем успел кто-нибудь другой.

Женские вздохи вокруг стола только усилили лихорадочное биение сердца Пенелопы. Майкл оказался слишком сладкоречивым.

— Непохоже, чтобы ее осаждал целый легион женихов, — ехидно бросила леди Холлоуэй и слишком громко засмеялась. — Не правда ли, леди Борн?

Услышав такой жестокий намек на возможность превратиться в старую деву, Пенелопа растеряла все до одной подходящие мысли. Она лихорадочно придумывала остроумный ответ, но муж пришел на помощь.

— Я не мог даже помыслить о них, — заявил он, серьезно глядя прямо на Пенелопу. Она невольно зарделась. — Поэтому мы так быстро обвенчались.

Леди Холлоуэй хмыкнула в бокал с вином, а мистер Уэст тепло улыбнулся и спросил:

— А вы, леди Борн? Вас этот скоропалительный роман... удивил?

— Будь осторожна, милая, — произнес Майкл, и в его серо-зеленых глазах снова заплясали искорки. — Он процитирует тебя в завтрашних новостях.

Вокруг снова рассмеялись, а Пенелопа не могла отвести глаз от Майкла. Он пленил ее и опытной рукой удерживал в своей паутине. И, отвечая на вопрос газетчика, говорила она только для мужа:

— Нисколько. Правду сказать, мне кажется, я все эти годы ждала возвращения Майкла. — Она замолчала и покачала головой, отметив, как внимательно к ней прислушиваются все гости. — Прошу прощения... не Майкла. Лорда Борна. — И негромко виновато рассмеялась. — Я всегда знала, что из него получится чудесный муж. И очень счастлива, что он оправдал мои надежды.

В глазах Майкла сверкнуло удивление, но тут же исчезло, сменившись теплым смехом, таким незнакомым.

— Видите? Разве я мог не исправить свои порочные привычки?

— И в самом деле.

Мистер Уэст сделал глоток вина, глядя на Пенелопу поверх бокала, и на какой-то миг ей показалось, что этот человек видит всю их ложь также ясно, как если бы она вышла на своем платье «врушка», и знает, что они с Майклом поженились по причинам, весьма далеким от любви, и что ее муж не провел с ней ни единой минуты с тех пор, как отнес ее в спальню после подтверждения брака.

Что он прикоснулся к ней лишь однажды, чтобы их брак стал законным. А теперь проводит ночи далеко от нее, бог знает с кем, занимаясь бог знает чем.

Она демонстративно занялась десертом, надеясь, что мистер Уэст не станет больше вытягивать из нее информацию.

Майкл снова заговорил — сплошное обаяние!

— Конечно же, это неправда. Муж из меня никакой — не могу перенести даже мысли о том, чтобы расстаться хоть на минуту. Стоит подумать, что ее вниманием завладеют другие мужчины, и меня бросает в дрожь. Предупреждаю сразу — когда начнется сезон и мне придется уступать ее партнерам во время балов и гостям на званых обедах, я превращусь в грозного медведя. — Он помолчал, и Пенелопа отметила, как искусно он пользуется паузами, а в глазах у него сверкают искорки веселья, которого она не видела с их детства. Веселья, которого там на самом деле нет. — Вы все еще очень пожалеете, что я решил стряхнуть пыль со своего титула.

— Ни в коем случае, — прервала его вдовствующая виконтесса. Ее обычно холодные глаза блестели от возбуждения. — Мы все просто в восторге, что можем вновь приветствовать вас в обществе, лорд Борн. Ведь право же, нет ничего более искупительного, чем любовь.

Разумеется, и это ложь. Браки по любви считались скандалом уже сами по себе, но Майкл и Пенелопа стояли ступенькой выше, чем вдовствующая виконтесса, а приглашение им прислал молодой Тоттенхем, и старуха ничего не могла поделать.

Майкл все равно улыбнулся, и Пенелопа просто не в силах была оторвать от него глаз. Когда он улыбался, все в нем оживлялось, на щеке появлялась ямочка, полные губы изгибались, и он казался еще красивее.

Кто он, этот мужчина со своими непринужденными шуточками и обаятельными улыбками?

И как она может убедить его остаться с ней?

— Да, это, несомненно, брак по любви... только посмотрите, как ваша невеста прислушивается к каждому вашему слову, — заговорил виконт Тоттенхем, явно стремясь поддержать их, и Пенелопе даже не пришлось изображать смущение, когда Майкл повернулся к ней. Улыбка его пропала.

Снова вмешалась вдовствующая виконтесса, многозначительно посмотрев на сына:

— Ну, если бы ты только взял пример с Борна и нашел себе жену!

Виконт коротко хохотнул, помогая головой и снова обратил взор на Пенелопу:

— Боюсь, Борн нашел последнюю идеальную невесту.

— У нее есть сестры, Тоттенхем, — заметил Майкл поддразнивающим тоном.

Тоттенхем благосклонно улыбнулся:

— Буду с нетерпением ждать знакомства.

Вот теперь все стало понятно. Это также просто, как отнять конфетку у ребенка, — Майкл с легкостью заложил фундамент знакомства Оливии с лордом Тоттенхемом и, возможно, брака с ним.

Ее глаза округлились, она изумленно повернулась к супругу, но он поймал ее взгляд и мгновенно перехватил инициативу:

— Будучи так страстно влюблен в жену, я просто не могу удержаться. Мне хочется, чтобы все вокруг тоже нашли свое счастье.

Такое вранье. Такое гладкое.

Так легко поверить.

Виконтесса опять вмешалась:

— Ну, лично я нахожу это восхитительной идеей. — Она встала, и все мужчины тут же повскакали на ноги. — Думаю, самое время оставить джентльменов обсудить это.

Остальные гости уловили намек, леди потянулись прочь от стола в соседнюю комнату, чтобы выпить там шерри и вдоволь посплетничать. Пенелопа не сомневалась, что центром внимания окажется она.

Она тяжелыми шагами последовала за виконтессой в прелестный небольшой салон, но едва успела войти, как на ее руку легла тяжелая теплая ладонь, и низкий голос Майкла пророкотал:

— Простите меня, дамы, но мне совсем ненадолго нужна моя жена, если вы не против. Я уже говорил, что не могу оставаться без нее ни минуты.

Послышался коллективный вздох, но Майкл уже вытащил Пенелопу из комнаты и повлек по коридору, закрыв дверь в салон.

Пенелопа вырвала руку и окинула взглядом коридор, убеждаясь, что их никто не видит.

— Что ты делаешь? — шикнула она. — Это не принято!

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты перестала указывать мне, как принято, а как не принято, — ответил он. — Неужели не видишь, что этим ты только подталкиваешь меня в сторону «не принято»? — Он оттащил ее еще дальше по коридору, в тускло освещенную нишу. — Мы же как раз и добиваемся сплетен о том, как я тебя обожаю, милая.

— Нет никакой нужды называть меня так, и ты прекрасно это знаешь! — прошипела она. — Я тебе вовсе не милая.

Он поднес руку к ее лицу.

— Милая — когда мы на людях.

Она оттолкнула руку.

— Прекрати! — Помолчала и заговорила тише: — Думаешь, они нам поверили?

Он кинул на нее негодующий взгляд.

— А почему нет, любовь моя? Ведь каждое слово — правда.

Пенелопа прищурилась.

— Ты знаешь, о чем я.

Он наклонился ниже и прошептал:

— Я знаю, что даже стены в домах, подобных этому, имеют уши. — И лизнул ее. Вот просто взял и лизнул мочку уха, нежно и ласково, и Пенелопа стиснула его руки от неожиданности

удовольствия. Но прежде чем она успела как-то откликнуться, его губы исчезли, и он снова взял ее за подбородок, повернув лицом к себе. — Ты была просто великолепна.

Великолепна. Ее омыло волной удовольствия, и тут он жарко поцеловал ее туда, где лихорадочно бился пульс на горле.

Она пыталась не обращать внимания на то, что все это не взаправду. Что этот вечер — сплошное притворство. Что этот странный мужчина вовсе не ее муж. Что ее муж просто использовал ее в своих целях.

Впрочем, сегодня вечером все это не ради него, а ради нее и ее сестер.

— Спасибо, Майкл, — прошептала она в темноте. — Я понимаю, что ты не обязан выполнять эту часть нашего соглашения и не обязан помогать моим сестрам.

Он долго молчал.

— Отчего же? Как раз обязан.

Его готовность сдержать слово удивила Пенелопу, хотя и напомнила о соглашении.

— Полагаю, даже среди воров существует понятие о чести.

Пенелопа немного поколебалась, но все же спросила:

— А остальная часть соглашения?

Одна из темных бровей вопросительно взлетела вверх.

— Когда я получу свою экскурсию?

— Ты научилась жестко торговаться.

— Мне в общем-то больше нечем себя занять, — ответила Пенелопа.

— Ты скучаешь, жена?

— С какой стати? Таращиться на стены твоего городского дома весьма увлекательно.

Он фыркнул, услышав это, и Пенелопу бросило в жар.

— Довольно справедливо. Так почему не развлечься прямо сейчас?

— Потому что прямо сейчас мы пытаемся убедить общество, что ты изменился, и наше исчезновение этому не поможет.

— О, думаю, мое исчезновение вместе с такой правильной женой очень даже поможет. — Он придвинулся ближе. — Более того, я уверен, что тебе это понравится.

— Прятаться в коридорах Тоттенхем-Хауса, как воровке?

— Почему? — Он выглянул из их убежища и снова вернулся к Пенелопе. — Как леди, увлеченной тайной интрижкой. Ведь это и есть настоящее приключение.

Пенелопа застыла, глядя на него. Борн возвышался над ней, губы изогнулись в некоем подобии

усмешки, ладони обхватили ее лицо, и все в нем — его жар, его запах... он сам... обволакивало ее.

Нужно отказать ему. Сказать, что брачная ночь показалась ей такой же обыденной и неинтересной, как обед в Тоттенхем-Хаусе.

Согнать эту самодовольную усмешку с его лица, поставить его на место.

Но она не могла. Потому что хотела повторения. Хотела, чтобы он целовал ее и трогал, и проделывал с ней все те восхитительные вещи, которые проделывал, пока не оставил ее, будто сам не почувствовал вообще ничего.

Он был так близко, такой красивый, такой мужественный. И посмотрев в глаза этому мужчине, бывшему в одну минуту веселым и забавным, а в следующую — мрачным и опасным, она поняла, что согласится на приключение с ним в любом виде, какой он только предложит.

Даже здесь, в нише коридора Тоттенхема.

Даже если это ошибка.

Она распластала ладони у него на груди, ощущая твердую, надежную силу под слоями прекрасно сидевших льна и шерсти.

— Ты сегодня совсем другой. Я не знаю, кто ты.

Что-то мелькнуло в его глазах и исчезло так быстро, что Пенелопа не успела определить, что это. А затем он заговорил, низко, негромко, плавно, слегка поддразнивая:

— Так почему не узнать меня чуточку лучше?

В самом деле, почему бы и нет.

Она приподнялась на цыпочки, потянулась к нему, а он наклонился и прильнул к ее губам в обжигающем, почти непереносимом поцелуе.

Прижался к ней ближе, толкнув ее к стене, накрыв своим телом так, что ей оставалось только одно — запрокинуть руки ему за шею и обнять, притянуть к себе. А то, что с ней творили его губы, твердые и шелковые одновременно... она даже не подозревала, что хочет этого, никогда раньше не думала, что такое бывает — сильный, властный поцелуй, который она никогда, никогда не забудет. Она была поглощена его силой, его мощью, тем, как его руки прикасаются к ее подбородку, поворачивают ее голову так, чтобы еще более страстно прильнуть ко рту.

Он лизнул ее сжатые губы. Язык искушал ее, и она тихонько ахнула, а он тут же воспользовался этим и вторгся в ее рот, пробовал его на вкус, ласкал, лизал, и ей показалось, что сейчас она умрет от восторга. Пальцы Пенелопы по собственной воле запутались в его кудрях. Она приподнялась повыше, чтобы вжаться в него еще сильнее, еще скандальнее...

Ей совершенно все равно... пока он не останавливается. Только пусть он никогда не останавливается.

Он чуть передвинулся, теперь его руки скользили вниз мучительно долго, на мгновение задержались на ее грудях (у Пенелопы внезапно заныли места, о которых она раньше и не подозревала) и поползли все ниже, ниже. Борн обхватил ее ягодицы и прижал к себе с силой

одновременно шокирующей и возбуждающей. Он застонал от удовольствия, а Пенелопа слегка отодвинулась, поражаясь тому, что он так же поглощен ласками, как и она. Борн открыл глаза, поймал ее взгляд и снова впился поцелуем в губы, лаская ее все решительнее. Пенелопу переполняло наслаждение. Приключение. Он.

Шли секунды. Минуты. Часы... да какая разница?

Значение имел только этот мужчина. Его поцелуй.

Только это.

И вдруг все закончилось. Он медленно поднял голову, еще раз нежно чмокнул ее в губы и убрал ее руки со своей шеи. А затем улыбнулся ей, от его взгляда перехватило дыхание, и Пенелопа вдруг поняла, что он впервые улыбнулся ей — и только ей — со времен детства.

Это волшебное.

Он открыл рот, собравшись что-то сказать. Пенелопа чувствовала себя как на иголках, не в силах скрыть предвкушение, которое ощутила, когда его губы сложились, чтобы произнести первое слово.

— Тоттенхем.

Она пришла в замешательство, брови сошлись в ниточку.

— Обыкновенно я не одобряю джентльменов, пристающих к дамам в моих коридорах, Борн.

— А как насчет мужей, целующих своих жен?

— Честно? — Тоттенхем говорил сухим, как песок, голосом. — Думаю, это нравится мне еще меньше.

От унижения Пенелопа зажмурилась. Он играет ею как пешкой!

— Держу пари, ты изменишь свое мнение, когда познакомишься с моей свояченицей Оливией.

Услышав это ей захотелось причинить ему боль. Настоящую. Физическую. Сильную.

Он сделал это нарочно.

Все это ради Тоттенхема.

Продолжать изображать брак по любви.

А вовсе не потому, что он не в силах удержаться.

Неужели она так ничему и не научится?

— Если она хоть немного похожа на сестру, боюсь, это пари мне не выиграть.

Майкл рассмеялся, а Пенелопа вздрогнула. Она его ненавидит. Ненавидит фальшь всего происходящего.

— Не смею рассчитывать, что ты дашь нам еще минутку.

— Полагаю, я должен, иначе леди Борн больше никогда не посмотрит мне в глаза.

Пенелопа, уставившись на складки галстука Майкла, постаралась произнести как можно хладнокровнее (понимая, что беззаботности достичь не удастся).

— Я не совсем уверена, что минутка сможет это изменить, милорд.

Он снова ее использовал.

Тоттенхем хмыкнул.

— Бренди уже налит.

И исчез. А она осталась одна.

С мужем, который, похоже, взял за правило всякий раз разочаровывать ее. Она не отвела глаз от накрахмаленной ткани на его шее.

— Отлично сыграно. — В голосе Пенелопы прозвучала печаль, но если он это и услышал, то виду не подал.

Борн ответил так, словно они не целовались в темном углу, а обсуждали погоду:

— Думаю, нам придется пройти еще долгий путь, доказывая, что поженились мы не только ради Фальконвелла.

Она и сама едва в это не поверила.

Право же, похоже, она так и не выучит свой урок. На самом деле нечестно, что она так на него злится. Что ей так больно. Глупая идея о браке по любви принадлежит ей, разве нет? Так что и винить за то, какой она себя чувствует, остается только себя.

Дешевкой. Использованной. Но зато ее сестер ждет приличное, ничем не запятнанное супружество. И оно того стоит.

Пенелопа подавила грусть.

— Зачем ты это делаешь? — Он вопросительно поднял брови, и она пояснила: — Соглашаешься на этот фарс?

— Да. Мы все что-то получаем от этой игры. От этого фарса. Тебе не стоит сожалеть о нашем соглашении, потому что я извлеку из него немалую выгоду. Давай провожу тебя обратно к дамам, — предложил он, беря ее за локоть.

Почему-то мысль о том, что он играет свою роль в этом фарсе ради собственной выгоды, заставила ее почувствовать себя еще ужаснее. Словно Пенелопа тоже стала жертвой его лжи.

Его вероломство вызвало гнев, мгновенный и жаркий.

Она отдернула руку почти свирепо.

— Не смей ко мне прикасаться.

Он вскинул брови.

— Прошу прощения?

Она больше не желала, чтобы он находился рядом. Не желала напоминаний о том, что ее тоже одурачили.

— Пусть мы изображаем любовь для них, но я-то не они! Не смей больше ко мне прикасаться, если это не напоказ для них.

«Боюсь, я этого не вынесу».

Он вскинул обе руки вверх, показывая, что услышал ее требование. И повиновался.

Пенелопа резко отвернулась от него, пока не наговорила еще чего-нибудь. Пока не выдала свои чувства.

— Пенелопа, — окликнул Борн, когда она уже ступила в тускло освещенный коридор. Она остановилась, и в душе вспыхнула надежда — сейчас он извинится! Скажет, что ошибался. Что на самом деле она ему не безразлична. Что он ее хочет. — Это самая сложная часть — с дамами. Ты понимаешь?

Он всего лишь имеет в виду, что она должна продолжать притворяться. Что наедине женщины станут расспрашивать ее куда подробнее, чем на публике.

Это будет испытанием.

Но называть это самой сложной частью вечера? Смешно, потому что самую сложную часть она пережила только что.

— Я справлюсь с дамами, милорд, как мы и договорились. К концу вечера ни одна не будет сомневаться в том, что мы с вами безумно влюблены друг в друга, а моих сестер будет ждать нормальный сезон. — Она подпустила стали в голос. — Ну а вам неплохо бы помнить, что вы обещали мне экскурсию по вашему клубу, и теперь я понимаю, что это не из великодушия, а всего лишь в уплату за мою роль в вашем мошенничестве.

Он замер.

— Обещал.

— И когда?

— Посмотрим.

Пенелопа прищурилась — такой ответ был универсальным синонимом отказа.

— Да, полагаю, посмотрим.

Она повернулась к нему спиной, прошествовала к салону и взялась за ручку двери, высоко подняв голову и расправив плечи.

Нервы напряглись до предела, но она поклялась себе, что будет непреклонной. И выдержит испытание.

Глава 12

«Дорогой М.!

Томми приезжал домой на День святого Михаила[5], и мы праздновали просто грандиозно, хотя нам очень не хватало нашего Майкла. И все-таки мы от души повеселились — собирали позднюю ежевику и ели ее, пока животы не разболелись, все в лучших традициях. Зубы, конечно, стали серовато-синими, ты бы нами гордился.

Может быть, в этом году мы увидим тебя на Рождество? Праздник на День святого Стефана в Колдхарборе в самом деле бывает чудесным.

Мы все думаем о тебе и очень скучаем.

Всегда — П.

Нидэм-Мэнор, сентябрь 1818 года».

Ответа нет.

Она попросила больше к ней не прикасаться, и он уважил ее просьбу.

И даже сделал на шаг больше.

Оставил ее в полном одиночестве.

Оставил одну в ту же ночь; привез в «Адский дом» и, не сказав ни слова, тотчас же уехал туда, куда ходят мужья без своих жен. И следующим вечером, когда она ужинала в огромной пустой столовой под бдительным присмотром нескольких несочетающихся между собой, слишком юных лакеев. По крайней мере к ним она уже начинала привыкать и очень гордилась тем, что за весь ужин ни разу не покраснела.

И в ночь после этой, когда она стояла у окна своей спальни, как дурочка, и ее тянуло туда, куда уехала его карета, словно ее привязали к ней веревками. Словно, если она будет смотреть достаточно долго, он вернется! Внезапно возле дома остановилась карета. Она постаралась не обращать внимания на сильно забившееся сердце и дребезжание стекла в окне.

Более того, она вытерла руки с впечатляющим хладнокровием, подошла к двери, соединяющей ее комнату со спальней мужа, прижалась ухом к прохладному дереву и стала дожидаться его появления.

Спустя долгие минуты, наградившие ее всего лишь раздражающей болью в шее, любопытство пересилило, и она направилась к двери, ведущей в коридор, решив выглянуть наружу и проверить, в самом ли деле ее муж вернулся домой.

Приоткрыла дверь меньше, чем на дюйм.

И лицом к лицу столкнулась с миссис Уорт.

Пенелопа вздрогнула и захлопнула дверь прежде, чем сообразила, что выставила себя полной душой перед сильно волнующей ее экономкой мужа.

Сделав глубокий вдох, она открыла дверь и широко улыбнулась:

— Миссис Уорт, вы меня напугали.

Экономка наклонила голову.

— К вам гость.

Брови Пенелопы сошлись в ниточку.

— В такое время? Ведь уже одиннадцать ночи.

Экономка протянула визитную карточку.

— Он говорит, это очень важно.

Он.

Пенелопа взяла карточку.

Томми.

Ее охватило счастье. Он был первым человеком, пришедшим навестить ее в этом большом пустом ломе, — даже мать не приехала, а всего лишь прислала записку, что навестит ее, «когда цветок нового супружества распустится и превратится в розу». Но этот цветок и не собирается превращаться в розу.

Но Томми ее друг. А друзья навещают друг друга. Пенелопа не могла скрыть от миссис Уорт свою улыбку.

— Я сейчас же спущусь. Дайте ему чаю. Или... вина. Или... виски. — Она покачала головой. — В общем, того, что люди пьют в такой час.

Пенелопа закрыла дверь, наскоро привела себя в порядок и помчалась вниз по лестнице в переднюю гостиную, где он, словно уменьшившись в размерах в этой экстравагантной комнате, стоял у большого мраморного камина.

— Томми! — радостно воскликнула Пенелопа, подходя к нему. — Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся:

— Приехал, чтобы похитить тебя, конечно.

Должно быть, он пошутил, но что-то в его голосе Пенелопе не понравилось, и только тут она сообразила, что Томми здесь быть не должно что Майкл придет в бешенство, увидев Томми Оллеса в своей гостиной со своей женой. И не будет иметь значения, что Томми с Пенелопой дружат целую вечность.

— Тебе не следовало приходить, — сказала она, когда Томми повернулся к ней и поднес ее руку к губам. — Он придет в ярость.

— Но мы с тобой по-прежнему друзья, разве нет.

Он посмотрел на нее с непривычной серьезностью.

— Скажи мне только одно. С тобой все в порядке?

Он произнес это мягко и обеспокоенно, и Пенелопа совсем не ожидала, что ее вдруг охватят такие сильные эмоции, а на глаза навернутся слезы. Прошла неделя после того, как они поспешно и незаметно обвенчались в Суррее, и никому даже в голову не пришло спросить, как она себя чувствует. Даже ее мужу.

— Я... — Она замолчала, потому что горло перехватило.

Обычно дружелюбные голубые глаза Томми потемнели.

— Ты несчастна. Я убью его!

— Нет! Нет. — Пенелопа положила ладонь ему на руку. — Я не несчастна.

— Не защищай его. Он тебя обижает?

— Нет.

— Тогда что?

— Я его редко вижу.

— Это неудивительно, — сказал Томми, и по его голосу она поняла, что он уязвлен. Дружеские чувства куда-то делись. Она поняла это, когда Майкл уехал. Когда перестал писать. Когда ему все стало безразлично. Томми долго молчал, потом спросил: — А ты хотела бы видеть его чаще?

На этот вопрос не существовало простого ответа. Она не хотела иметь ничего общего с одной половиной Майкла, с тем холодным, далеким мужчиной, который женился на ней ради земли. Но вот вторая половина — мужчина, который обнимал ее, заботился о ее удобствах и совершал восхитительные, чудесные вещи с ее разумом и телом... видиться с ним почаще она бы не отказалась.

Разумеется, Томми она этого не сказала. Не смогла бы объяснить, что в Майкле живут двое и что она одновременно ненавидит его и восхищается им.

— Я знал, что он приехал за тобой. Знал, что он поведет себя холодно и бессердечно и придумает способ быстро на тебе жениться — ради Фальконвелла. — Пенелопа с опозданием поняла, что ей следует возразить, следует рассказать Томми их прекрасно придуманную сказку, но было поздно, он уже говорил дальше: — Я пытался жениться на тебе первым... чтобы избавить тебя от брака с ним.

В голове всплыло то, что Томми сказал тем утром, делая ей предложение.

— Вот что ты имел в виду. Хотел уберечь меня от Майкла.

— Он больше не такой, каким был раньше.

В голове вспыхнула картинка — теплый весенний день, они вдвоем находятся в старой норманнской башне на земле Фальконвелла. Под Пенелопой обломилась лестница, и она оказалась в ловушке на пролет выше Майкла и Томми. Не очень высоко, всего ярд-другой, но для нее достаточно высоко, чтобы бояться прыгнуть. На ее крик о помощи первым откликнулся Томми и стал уговаривать прыгнуть, обещая, что поймает. Но ее парализовало страхом. А затем пришел Майкл. Спокойный, бесстрашный Майкл, посмотревший ей в глаза и

придавший сил.

«Прыгай. Я буду твоей страховочной сеткой».

Ему она поверила.

Пенелопа глубоко вздохнула, вспомнив время, проведенное с Майклом, то, как он всегда ее выручал, и взглянула на Томми.

— Он больше не тот мальчик.

— Нет. Лэнгфорд об этом позаботился. — Томми помолчал и добавил: — Жаль, что мне не удалось этого предотвратить, Пен. Прости.

Она покачала головой:

— Не нужно извиняться. Он холоден и кого угодно может вывести из себя, когда захочет, но ведь он сам построил свою империю — и доказал свою ценность десятикратно. Может, брак и является испытанием, но мне кажется, большинство из них такие, а тебе?

— Наш бы таким не был.

— Наш был бы испытанием в другом смысле, Томми, и ты это знаешь.

— Так тому и быть. — Улыбка на его лице появилась и тут же исчезла. Он сменил тему: — Я подумывал об Индии. Говорят, там целое море возможностей.

— Ты хочешь покинуть Англию? Почему?

Томми сделал большой глоток и поставил бокал на стол.

— Твой муж собирается уничтожить меня.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять сказанное.

— Я уверена, что это неправда.

— Собирается. Он сам мне сказал.

Пенелопа пришла в замешательство.

— Когда?

— В день вашей свадьбы. Я приехал к тебе в Нидэм-Мэнор, хотел убедить выйти за меня и обнаружил, что опоздал, что ты уже уехала с ним в Лондон. Я поехал за вами и пошел прямо в клуб.

Майкл ей ничего не говорил.

— И увиделся с ним?

— Да. Ему хватило времени, чтобы объяснить все насчет своих планов отомстить моему отцу. И мне. Когда он это сделает, у меня не будет другого выбора, кроме как покинуть Британию.

Это ее не удивило. Разумеется, Фальконвелла ее непреклонному мужу недостаточно.

Разумеется, он захочет отомстить Лэнгфорду. Но Томми?

— Он не сделает этого, Томми. У вас общее прошлое. История. У нас всех троих.

Томми криво улыбнулся:

— Боюсь, наше прошлое не перевешивает жажду мести.

Пенелопа покачала головой:

— Да что он такое может планировать?..

Томми сделал глубокий вдох.

— Он знает... — Пауза. Он отвел взгляд. — Я не сын Лэнгфорда.

Ее челюсть отпала, а голос пропал.

— Этого не может быть.

Томми скупно хохотнул.

— Я ни под каким видом не стая бы такого придумывать, Пен.

Конечно же, он прав. О таких вещах люди не врут.

— Я не знал, что незаконнорожденный, пока несколько Лет назад мой... Лэнгфорд не сообщил мне правду. Скоро она станет общим достоянием.

Они помолчали. И внезапно Пенелопа поняла, что Томми прав. Что в планы Майкла входит его крах.

— Поедем со мной, Пенелопа. Мы можем оставить этот город и эту жизнь и начать все сначала. Индия. Америка. Греция. Испания. Восток. В любом месте по твоему выбору.

Ее глаза округлились. Он говорил серьезно!

— Я замужем, Томми.

Уголок его рта искривился.

— За Майклом. Тебе нужно бежать, как и мне. Может быть, для тебя это даже важнее — по крайней мере меня он уничтожит быстро.

— Даже если так, я замужем. А ты... — Она не договорила.

— А я ничто. Точнее, стану ничем, когда он со мной покончит.

Пенелопа подумала о своем муже, которому клялась в верности и преданности, который так долго боролся, чтобы восстановить состояние, лишившись имени. Уж он-то знает важность имени. И личности. Пенелопа просто не могла поверить, что он это сделает. Она покачала головой:

— Ты ошибаешься. Он не будет тебя преследовать.

Но не успев договорить, она вдруг поняла, что не права. Ради отмщения он пойдет на все, что угодно.

Даже на то, чтобы уничтожить своих друзей.

Томми решительно сжал зубы, и Пенелопа внезапно занервничала.

Она никогда не видела его таким серьезным. Таким загнанным.

— Я не ошибаюсь. У него есть доказательства, и он намерен их использовать. Он безжалостен, Пен... и давно перестал быть тем другом, какого мы когда-то знали. — Томми уже подошел вплотную и взял Пенелопу за руку. — Он тебя не заслуживает. Поедем со мной. Поедем, и мы с тобой никогда не будем одиноки.

Она долго молчала, а потом негромко произнесла:

— Он мой муж.

— Он тебя использует!

Слова, пусть и правдивые, больно задели. Пенелопа посмотрела ему в глаза.

— Конечно, использует. Как и любой другой мужчина в моей жизни. Отец, герцог Лейтон, другие женихи... ты. — Он открыл рот, собираясь возразить, но Пенелопа подняла вверх палец и покачала головой: — Не надо, Томми. Не надо выставять дураками нас обоих. Пусть ты используешь меня не ради земли и репутации, но ты боишься, что правда выйдет наружу, и надеешься, что из меня получится дружеский компаньон — кто-то, кто сумеет скрасить одиночество.

— Разве это так плохо? — спросил Томми с отчаянием в голосе. — А как же наша дружба? Наше прошлое? Как же я?

Пенелопа не стала притворяться, что не поняла ультиматума, рожденного душевным страданием. Он просил ее сделать выбор. Ее самый давний друг, тот, кто не покинул ее, — или муж, семья, вся ее жизнь. На самом деле никакого выбора не было.

— Он мой муж! — повторила Пенелопа. — Может, сама бы я эту историю не написала, но так уж получилось.

Она замолчала — от досады и раздражения у нее перехватило горло. Томми молча смотрел на нее. Сказанное словно повисло между ними.

— Так тому и быть. — Он печально улыбнулся. — Не могу сказать, что я удивлен. Ты всегда выбирала его.

Пенелопа замотала головой:

— Это неправда.

— Конечно, правда. И однажды ты сама это поймешь. — Он братским жестом прикоснулся к ее подбородку. Собственно, в этом и заключалась главная сложность — Томми всегда был ей скорее братом, чем кавалером. В отличие от Майкла. В Майкле не было ничего братского.

И доброго тоже. И пусть она выбрала его в этой странной печальной войне, она не будет стоять

в стороне и смотреть, как он губит Томми.

— Я не позволю ему уничтожить тебя, — поклялась она. — Клянусь.

Томми рубанул рукой воздух. Его недоверие было осязаемым.

— О, Пенни... как будто ты сможешь его остановить. Майкл увез ее от семьи, полностью изменил ее жизнь, навязал ей этот фарс и угрожает лучшему другу.

И делает все это, удерживая ее на расстоянии, словно она какой-то ничего не значащий предмет, о котором и волноваться-то не стоит.

Ну, самое время ему начать волноваться.

Пенелопа вздернула подбородок, расправила плечи.

— Он не Господь Бог, — решительно произнесла она. — И у него нет права играть с нами, как с оловянными солдатиками.

Томми увидел ее гнев и грустно улыбнулся:

— Не делай этого, Пен. Я того не стою.

Она вскинула бровь.

— Не согласна. И даже если ты не достоин, то я достойна! И я этого не допущу.

— Он сделает тебе больно.

Уголок ее рта приподнялся в кривой усмешке.

— Скорее всего он так или иначе сделает мне больно. Тем больше оснований противостоять ему. — Она направилась к двери, открыла ее, чтобы выпустить Томми. Он подошел, негромко ступая по роскошному ковру сапогами, и ее вдруг охватила печаль. — Прости меня, Томми.

Он взял ее за плечи, тепло поцеловал в лоб и сказал:

— Я желаю тебе только счастья. Пен. Дашь мне знать, если передумаешь?

Она кивнула:

— Конечно.

Томми какое-то время смотрел на нее, по лицу его пробежала тень, и он отвернулся.

— Я буду ждать тебя. До тех пор, пока силы на ожидание не кончатся.

Ей хотелось попросить его не уходить. Хотелось попросить остаться. Но то ли грусть, то ли страх, то ли понимание того, что ее муж — это корабль, который не повернет назад, заставили ее произнести:

— Доброй ночи, Томми.

Он вышел в холл. Пенелопа смотрела на его плечи, пока он шел к выходу из «Адского дома». Дверь за ним закрылась, в тишине послышится стук колес его кареты, подчеркнувший ее

одинокчество. Она осталась одна. Одна в этом мавзолее, наполненном вещами, ей не принадлежавшими, и людьми, которых она не знала. Одна в этом тихом мире.

В дальнем конце холла что-то шевельнулось, и Пенелопа мгновенно поняла, что это миссис Уорт. И еще поняла, кому отдана преданность экономки.

Пенелопа спросила в темноту:

— И сколько времени пройдет, пока он не услышит, что ко мне в одиннадцать ночи приходил с визитом джентльмен?

Экономка вышла на свет, но заговорила не сразу. А затем произнесла спокойным голосом:

— Я отправила сообщение в клуб сразу же, как только мистер Оллес вошел.

Пенелопа посмотрела на красавицу, чувствуя, как от этого предательства, пусть даже вполне ожидаемого, разгорается гнев.

— Зря потратили бумагу.

Она направилась к центральной лестнице и начала подниматься, но не пройдя и половины, повернулась к экономке, стоявшей внизу лестницы со своей безупречной прической, безупречной кожей и следившей за Пенелопой безупречными глазами, словно если она будет на страже, то сможет помешать Пенелопе совершить еще какой-нибудь поступок, который возмутит хозяина. Это разозлило Пенелопу еще сильнее.

Внезапно ее охватило безрассудство.

— Где находится клуб?

Экономка широко распахнула глаза.

— Не знаю.

— Забавно, потому что я уверена, что вы знаете. — Она не стала понижать голос, пусть красotka знает, что она не испытывает никаких угрызений совести. — Я уверена, что вам известно все, происходящее в этом доме. Кто приходит, кто уходит. И еще я уверена, вы знаете, что мой муж проводит все ночи в этом своем клубе, а не здесь.

Миссис Уорт долго не отвечала, а Пенелопа гадала, есть ли у нее право уволить эту надменную красавицу. Наконец она махнула рукой и стала подниматься дальше.

— Хотите — говорите, хотите — нет. Если придется, я просто найму экипаж и поеду искать сама.

— Ему это не понравится.

Теперь экономка шла следом по длинному коридору к спальне Пенелопы.

— Скорее всего. Но меня мало интересует, что ему нравится, а что нет.

Более того, как она вдруг поняла, такое отсутствие интереса делало ее свободной. Она распахнула дверь в комнату, подошла к гардеробу и вытащила оттуда большой плащ. Снова повернувшись к двери, она наткнулась на взгляд широко распахнутых глаз прелестной

экономки. И остановилась. Может быть, это и есть черноволосая богиня Майкла? Может, именно миссис Уорт завладела его сердцем, его мыслями и его ночами? И пока она всматривалась в фарфоровое личико экономки, прикидывала ее рост, предполагав, как она смотрится рядом с Майклом, насколько ему подходит (куда больше, чем сама Пенелопа), миссис Уорт вдруг улыбнулась. Не просто улыбнулась, а широко и приветливо.

— Мистер Оллес. Он вам не любовник.

От того, что служанка вдруг заявила нечто совершенно неподобающее своему положению, Пенелопа пришла в крайнее замешательство и неожиданно для себя ответила со всей честностью:

— Разумеется. — И, стягивая перчатки, добавила: — А вы не любовница Майкла.

От изумления экономка, не задумываясь, выпалила:

— Боже правый, нет! Я бы не согласилась, даже если б он умолял! — Она замолчала. — То есть... я не имела в виду... он хороший человек, миледи.

Пенелопа положила белые лайковые перчатки и надела темно-синие замшевые. Расправляя их, она искренне произнесла:

— Он лошадиная задница, вот он кто. И я тоже не совсем уверена, что приняла бы его, если бы он умолял. Да только я за ним замужем.

— Ну, если вы меня извините, то я скажу — вы совершенно точно не должны принимать его, пока он не начнет умолять. Ему не следует оставлять вас так...

— Регулярно? — подсказала Пенелопа, решив, что, похоже, заблуждалась насчет экономки. — К несчастью, миссис Уорт, мне не верится, что мольбы входят в репертуар моего мужа.

Экономка улыбнулась:

— Вы можете называть меня просто Уорт. Так меня зовут все остальные.

— Остальные?

— Остальные партнеры «Ангела».

Брови Пенелопы резко сошлись вместе.

— А откуда вы знаете партнеров моего мужа?

— Я работала в «Ангеле» — чистила кастрюли, ошипывала цыплят, делала все, что нужно.

Теперь вспыхнуло любопытство.

— А как оказались здесь?

По лицу женщины промелькнула тень.

— Мое тело созрело. Люди начали замечать.

— Мужчины? — Можно было и не спрашивать, Пенелопа уже знала ответ. Внешность вроде

этой невозможно долго скрывать даже на кухне игорного ада.

— Хозяева делали все возможное, чтобы не подпускать членов клуба близко — не только ко мне, но ко всем девушкам. — Пенелопа подалась вперед, уже догадываясь, что за этим последует. Испытывая отвращение. Желая стереть слова раньше, чем их произнесут. — Но я была беспечной. А могущественные мужчины умеют быть настойчивыми. Богатые мужчины становятся искушением. И все представители их пола бывают прекрасными лжецами, когда захотят.

Пенелопа это знала. Ее муж тоже мог быть весьма сладкоречивым.

Улыбка Уорт сделалась печальной.

— Борн наткнулся на нас.

Она провела пальцем по позолоченной раме большой картины, висевшей на стене. Пенелопа произнесла:

— Он пришел в бешенство.

Инстинктивно чувствуя, что ее муж, несмотря на все свои недостатки, никогда не потерпел бы подобного поведения.

— Он едва не убил этого мужчину. — Пенелопа почувствовала прилив гордости, а Уорт продолжала: — Несмотря на всю свою мрачность... на весь свой эгоизм... он хороший человек. — Она отступила назад и оценивающим взглядом окинула наряд Пенелопы. — Если вы собираетесь попасть в «Ангел», придется воспользоваться входом для владельцев. Это единственная возможность оказаться на главном этаже. А если хотите спрятать лицо, вам нужен плащ с большим капюшоном.

Об этом Пенелопа не подумала. Она пересекла комнату и вышла в тускло освещенный коридор.

— Спасибо.

— Он придет в бешенство, когда увидит вас там, — добавила Уорт. — И моя записка только ухудшит положение. — Она помолчала. — Я о ней сожалею.

К этому времени они уже спустились с лестницы.

Пенелопа резко взглянула на Уорт.

— Я запишу за вами должок, но воспользуюсь им не сегодня. Сегодня я просто скажу вам, что ваше послание было неполным и остальное я намерена доставить лично.

«Дорогой М.!

Опять настал мой день рождения и на этот раз куда более хлопотный, чем все предыдущие. Мама готова дать мой дебютный бал, а я буду упитанным тельцом на заклание (не самая приятная метафора, правда?). Как бы там ни было, она уже строит планы на март, представляешь? Я уверена, что не переживу эту зиму.

Пообещай, что ты приедешь на злосчастное событие... я понимаю, что в двадцать лет ты

еще слишком молод, чтобы посещать балы или интересоваться сезоном, но мне будет очень приятно увидеть дружеское лицо.

Всегда П.

Нидэм-Мэнор, август 1820 года».

Ответа нет.

— Ты должен быть дома со своей женой.

Борн, стоявший на своем месте у окна и наблюдавший за игорным залом «Падшего ангела», даже не обернулся.

— Моя жена благополучно лежит в своей постели и спит.

Он знал, как это выглядит — Пенелопа в своей строгой белоснежной ночной рубашке, закутавшись в одеяла, свернулась калачиком на боку. Ее белокурые волосы волнами разметались по подушке, во сне она сладко вздыхает, искушая его даже в воображении.

Или, того лучше, она сейчас в его постели, на меховом покрывале, сладострастно ждет, когда он ее обнаружит.

Дни с тех пор, как она потребовала больше к ней не прикасаться, тянулись бесконечно.

Вечер у Тоттенхема начался с единственной, легко достижимой цели — пустить в обществе слух о фальшивой любви между Борном и Пенелопой. Но потом, в этом гадюшнике — столовой Тоттенхема, она вдруг с такой силой начала поддерживать его рассказ, изображать любовь и преданность и защищать его в только ей присущей безупречной, изысканной манере.

И сколько бы Борн ни убеждал себя, что пошел за ней только ради того, чтобы еще сильнее убедить гостей Тоттенхема в своей увлеченности женой, в глубине души он знал, что это неправда. О гостях он не думал вообще, а его увлеченность не имела ничего общего с жульничеством. Ему было просто необходимо прикоснуться к ней.

Побыть рядом.

И когда он ее поцеловал, то окончательно утратил власть над собой — он задыхался, прижимая ее к себе, мечтал оказаться где угодно, только не в этом коридоре, в этом доме, с этими людьми. Ему хотелось убить Тоттенхема за то, что тот помешал, но один Бог знает, что могло бы случиться, не подойди к ним виконт, потому что Борн на полном серьезе собирайся задрать юбки жены, опуститься на колени и показать ей, куда их обоих может увлечь наслаждение. И тут виконт кашлянул, прочищая свое горло и голову Борна. А Пенелопа застыла в его объятиях, как статуя, и он понял, что в эту минуту она поверила в худшее в нем. Поверила, что он сфабриковал страсть ради Тоттенхема... да так оно и было, просто Борн не ожидал в тот момент, что все пойдет так далеко.

И он ни за что не признается ей, что потерял голову так же, как и она.

Поэтому он рассказал ей правду о соглашении, заведомо зная, что ранит ее. Зная, что она возненавидит его за обман. И когда она провозгласила — с королевской грацией, — что он не смеет больше прикасаться к ней, он понял, что так лучше для них обоих.

Даже если он ни о чем больше так не мечтал, как увезти се домой и заставить отказаться от своих слов. Чейз попытался снова:

— После возвращения ты проводишь тут каждую ночь.

— Почему это тебя так волнует?

— Я знаю женщин. И знаю, что им не нравится, когда их игнорируют.

Борн не ответил.

— Я слышат, ты закидываешь удочку, чтобы одна из девиц Марбери стала леди Тоттенхем?

Борн прищурился.

— Слышал?

Чейз пожат плечом и ухмыльнулся:

— У меня есть свои источники.

Борн снова повернулся к окну, рассматривая далеко внизу Тоттенхема у стола для игры в пикет.

— Незамужние девицы Марбери только сегодня прибыли в город. Это дает мне несколько дней, чтобы закрепить интерес виконта.

— Значит, обед прошел успешно?

— Я жду просто горы приглашений.

Чейз расхохотался.

— Ты хоть понимаешь, что клуб принес тебе столько денег, сколько ты не сможешь потратить за всю жизнь, и что нет никаких причин самоутверждаться, добиваясь отмщения?

— Дело не в деньгах.

— Тогда в чем — в титуле? В том, как он его обесценил?

— Да плевать мне на титул.

— Вот уж нет. Ты такой же, как любой другой пэр, — поглощен магической властью титула, даже если и отрицаешь это. — Чейз помолчал. — Не то чтобы теперь это имело какое-то значение. Ты женился на девице и надежно встал на путь отмщения. И какие теперь у тебя планы?

— У меня нет никаких планов. Я сделаю то, что необходимо для уничтожения Лэнгфорда, а затем вернусь к своей жизни.

— Без нее?

— Без нее.

Но он ее хочет.

Впрочем, он и раньше обходился без того, чего хотел. И выжил.

— А как ты собираешься объяснить это леди?

— Я не нужен ей для того, чтобы вести ту жизнь, которая ей нравится. Она может жить там, где пожелает, и так, как пожелает, — на моей земле с моими деньгами. Я буду только счастлив отдать ей все это.

Он говорил это и раньше, причем не раз, но верить в это становилось все труднее.

— И как ты себе это представляешь? — лениво протянул Чейз. — Ты ведь женат.

— Она в любом случае может быть счастлива.

— И это то, чего ты хочешь? Ее счастья?

Борн задумался, отметив удивление в голосе Чейза. Совершенно определенно он начинал это путешествие без единой мысли о счастье Пенелопы. И более того (даже пусть он знал, что это делает его худшим из мужей), он был готов пожертвовать ее счастьем ради мести. Но ведь он не чудовище; если бы он мог, то сделал бы ее счастливой и уничтожил Лэнгфорда.

В доказательство он с уважением отнесся к ее просьбе не прикасаться к ней больше. Потому что точно знал — привычка ложиться в постель со своей безупречной целомудренной женой будет ошибкой, ведь она как раз из тех женщин, кому непременно потребуется больше. Гораздо больше, чем он готов дать.

Поэтому, черт возьми, он будет держаться от нее подальше.

Даже если вождедеет ее сильнее, чем может выразить словами.

— Я вынудил ее выйти за меня замуж ради клочка земли. Меньшее, что я могу для нее сделать, — это подумать, каким образом леди может стать довольной жизнью после того, как наш брак послужит своей цели. Я отошлю ее прочь сразу же, как только доказательства падения Лэнгфорда окажутся в моих руках.

— Почему?

Потому что она заслуживает большего.

Борн сделал вид, что интерес к разговору у него окончательно пропал.

— Я обещал ей свободу. И приключение. Она может делать все, что пожелает.

— Значит, если леди так решит, ты позволишь ей наставить тебе рога?

Борн понимал, что это наживка. Знал, что не следует на нее клевать, но кулаки его все равно сжались.

— Если будет осмотрительной, это не моя забота.

— А сам ты ее не хочешь?

— Нет.

Лжец.

— Стало быть, опыт неудачен? В таком случае пусть с ней разбирается кто-нибудь другой.

Борн с трудом удержался от порыва впечатать Чейза в стенку. Сама мысль о том, что другой мужчина будет к ней прикасаться, была ему ненавистна. Другой мужчина познает ее пыл, ее страстность, — искушение куда более сильное, чем карты, бильярд или рулетка. Она угрожала его самообладанию, его с трудом сдерживаемым желаниям, его давно забытой совести.

Он не сможет сделать ее счастливой.

А ему захочется, и очень скоро.

Дверь в номер владельцев открылась, и Темпл избавил Борна от продолжения этого тягостного разговора. Его массивный силуэт перекрыл свет. Был вечер субботы, и Чейз, Кросс и Темпл собирались играть в фараон.

Следом за Темплом вошел Кросс, тасуя колоду карт, и спросил с удивлением в голосе:

— Борн тоже играет?

Борн подавил вспыхнувший при этих словах соблазн. Он хотел играть. Хотел забыться в простых, незамысловатых правилах игры. Хотел притвориться, что в жизни нет ничего, кроме удачи.

Но понимал, что нельзя.

Удача давно не была на его стороне.

— Я не играю.

Эта тройца и не ждала, что он к ним присоединится, но они все равно всегда спрашивали. Чейз поймал его взгляд.

— Ну, останься и хотя бы выпей с нами.

Если он останется, Чейз будет изводить его и дальше. Задавать новые вопросы.

Но если уйдет, его мыслями завладеет Пенелопа, заставив чувствовать себя, как дюжина дураков.

Он остался.

Остальные расселись за столом, который использовали только для этой игры с единственными игроками — Чейзом, Кроссом и Темплом. Борн занял четвертый стул — всегда за столом, но никогда в игре.

Темпл перетасовал колоду. Майкл смотрел, как карты дважды раскрылись веером между его толстыми пальцами, как полетели по столу. Ритмичный шорох гладкой бумаги по толстому сукну сам по себе был искушением.

Они молча сыграли две партии, а затем Чейз задал очередной вопрос, прямой и откровенный:

— А если она захочет детей?

Темпл и Кросс, рассматривавшие свои карты, слегка растерялись. Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что они не сдержали интерес. Первым заговорил Кросс:

— Когда кто захочет детей?

Чейз откинулся на спинку стула.

— Пенелопа.

Дети... Им потребуется больше, чем отец в Лондоне и мать в деревне. Им потребуется больше, чем детство, проведенное в тени игорного ада. А если это будут девочки, им потребуется больше, чем отец с грязной репутацией. Отец, губящий все, к чему прикасается.

В том числе их мать.

Дьявольщина.

— А она их захочет, — настаивал Чейз. — Она как раз из тех женщин.

— Да ты-то откуда знаешь? — спросит Борн, раздраженный уже тем, что эту тему вообще подняли.

— Я много чего знаю об этой леди.

Темпл и Кросс обратили свое внимание на Чейза.

— В самом деле? — спросил Темпл с недоверием в голосе.

— И что, у нее лошадиное лицо? — поинтересовался Кросс. — Борн утверждает, что нет, но мне кажется, он только по этой причине и торчит тут с нами, а не сидит дома и не показывает ей, какими увлекательными могут быть ночные забавы маркизы Борн.

Раздражение усилилось.

Чейз сбросил карту.

— Нет, у нее не лошадиное лицо.

Борн стиснул зубы. Нет. Ничего подобного.

Кросс подался вперед.

— Она занудная?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Чейз и повернулся к Борну. — Она занудная?

В голове вспыхнула картинка — Пенелопа глухой ночью пробирается сквозь снег с фонарем в руке, а потом заявляет, что вышла на поиски сухопутных пиратов. И следующая — она, обнаженная, распростерлась на его меховом покрывале. Он поерзал на стуле.

— Она никоим образом не занудная. С чего вы взяли?

Темпл взял карту.

— Тогда что с тобой такое?

Повисла пауза. Борн переводил взгляд с одного партнера на другого, и у каждого глаза были как блюдца.

— Честное слово, вы похожи на сплетниц, обожающих скандалы.

Чейз вскинул бровь.

— Раз так, я сам им объясню. — Еще одна пауза, Кросс и Темпл выжидательно подались вперед. — С ним вот что такое — он решил, что отошлет леди от себя.

Темпл вскинул глаза.

— И надолго?

— Навсегда.

Кросс поджал губы и повернулся к Борну.

— Потому что она девственница? Ну в самом деле, Борн. Ты не можешь винить ее за это. В смысле — бог знает почему, но все эти аристократические сливки общества очень высоко ценят эту особенность. Дай леди время. Она научится.

Борн еще сильнее стиснул губы.

— Если ей и не понравилось, все нормально, старина, — утешил его Темпл. — Можешь попытаться еще разок.

— Ей понравилось, — негромко и напряженно произнес Борн. Ему казалось, что он убьет следующего, кто заговорит.

— Если она захочет детей, кому-нибудь придется этим заняться.

«Если она захочет детей, этим займусь я. Какого черта они суются, куда их не просят?»

Кросс сбросил карту.

— Если ты уверен, что она не уродина, я буду счастлив...

Он не закончил предложение. Борн метнулся к нему, и оба покатались по полу, сопровождаемые треском ломающихся стульев, хохотом и звуками ударов.

Темпл вздохнул и швырнул карты на стол.

— Эти игры никогда не заканчиваются так, как обещают карты.

— Мне кажется, хорошая карточная игра и должна закончиться потасовкой, — отозвался Чейз.

Кросс и Борн наткнулись на стул и перевернули его. В этот миг в номер вошел Джастин. Очкарик, не обращая никакого внимания на катающихся по полу Борна и Кросса, подошел к столу и прошептал что-то Темплу и Чейзу. Темпл тут же вмешался в драку, получил кулаком по щеке, грязно выругался и оттащил Кросса от Борна. Вытащив носовой платок, Кросс промокнул кровь с рассеченной брови и смерил Борна долгим, понимающим взглядом.

— Если ты так напряжен в первую же неделю супружества, тебе нужно либо срочно затащить

жену в постель, либо выставить из дома.

Борн провел рукой по раздувшейся губе. Разумеется, партнер прав.

— Она мне нужна. Без нее я не достану Лэнгфорда.

«А если прикоснусь к ней еще раз, боюсь, что уже никогда не отпущу».

А потом он погубит ее, как уже погубил все, что имел.

Один глаз Кросса стремительно заплывал, но все равно они блестели, словно он подслушал мысли Борна.

— В таком случае это сужает твои возможности.

— Борн, — привлек его внимание Джастин, — тебе пришла записка от Уорт.

Взламывая печать «Адского дома», Борн ощутил беспокойство. С недоверием прочитав несколько строчек, торопливо нацарапанных на клочке бумаги, он пришел в бешенство.

Томми Оллес в его доме! С его женой!

Он убьет его, если тот прикоснется к его жене.

А может быть, в любом случае убьет.

Грязно выругавшись, Борн вскочил на ноги, метнулся к двери и уже был на полпути, когда Чейз сказал:

— Говорят, у стола с рулеткой возникла проблема.

— Да чтоб ваша рулетка провалилась к чертям собачьим! — прорычал Борн, рывком распахивая дверь.

— Ну, если учесть, что возле нее стоит твоя жена, Кросс, пожалуй, расстроится, но...

Борн застыл, глядя на ухмылки своих партнеров. От недоверия и ужаса все в животе скрутилось в тугий узел. С трудом сохраняя самообладание, он подошел к окну, посмотрел вниз и мгновенно заметил фигуру в плаще, стоявшую у колеса рулетки. Протянув изящную ручку, она как раз положила золотую монету на пронумерованное поле сукна.

— Похоже, леди решила ввязаться в обещанное тобой приключение, — сухо произнес Чейз.

Это не может быть она. Она не сделала бы ничего настолько глупого.

Не стала бы рисковать будущим своих сестер.

Не стала бы рисковать собой.

Там, внизу, в этом гадюшнике, может случиться все, что угодно, — в окружении мужчин, пьющих слишком много и ставящих на кон слишком много... мужчин, у которых от выигрыша кружится голова, которые пытаются доказать, что в состоянии управлять хоть чем-то, даже если это не их кошелек.

Он выругался, мрачно и грязно, и бегом пустился к двери. За спиной послышался негромкий свист и слова Кросса:

— Если она хотя бы вполовину так же хороша лицом, как отважна, я с радостью избавлю тебя от нее.

«Только через мой труп!»

Глава 13

«Дорогой М.!

Ну, маркизе Нидэм и Долби сегодня есть чем гордиться. Свершился мой дебют, представление при дворе, разрешение посещать «Олмак» и все такое, и нет никаких сомнений, что я имею шумный успех.

В этом нет ничего удивительного — я уже почти две недели официально нахожусь на брачной ярмарке, но до сих пор мне не довелось поддержать ни одного интересного разговора. Ни единого, можешь в это поверить? Мама нацелилась на герцога, но пока непохоже, чтобы под рукой был избыток молодых и готовых к супружеству герцогов.

Признаюсь, я надеялась, что увижу тебя на балу, на званом обеде или еще каком-нибудь приеме на этой неделе, но ты исчез, и все, что мне осталось, — это дурацкий лист писчей бумаги.

Да уж. Действительно, глупо.

Без подписи.

Долби-Хаус, март 1820 года».

Письмо не отослано.

«Падший ангел» был великолепен.

Пенелопа в жизни своей не видела ничего более ошеломляющего, чем это место, это дивное, роскошное место, наполненное красками, залитое светом свечей, битком набитое людьми, громко выкрикивающими свои непристойные ставки, хохочущими в полный голос, целующими перед броском кости и проклинаящими свою неудачу.

Она назвалась очень тихо, не желая вслух заявлять о себе, но понимая, что если не сказать свое имя людям, охранявшим вход, ее просто не впустят внутрь. Их глаза широко распахнулись, когда она сообщила, кто она, назвала имя мужа и отошла в тень у входа, дожидаясь, когда они ей поверят.

Один из двоих громил широко ухмыльнулся и дважды стукнул во внутреннюю дверь клуба кулаком величиной с окорок. Дверь едва приоткрылась.

— Борнова леди. Лучше ее впустить.

Борнова леди. Вот это титул!

Услышав это, Пенелопа насторожилась — она не желала, чтобы ее так называли, но и устоять не могла. В конце концов, она намеревалась воспользоваться своим положением, чтобы высказать мужу все, что о нем думает.

Тут дверь широко распахнулась, на нее обрушился настоящий карнавал звуков и красок, и она мгновенно забыла о своей первоначальной цели.

Пенелопа поплотнее закуталась в плащ, мысленно поблагодарив Уорт за совет и за большой капюшон, скрывавший ее лицо в тени, и осмотрелась. Вокруг играли в карты, бросали маленький шарик из слоновой кости на колесо рулетки, внимательно следили за тем, как по воле рока падают кости на богатое зеленое сукно.

Это было приключение, в его изначальном, чистейшем виде.

И она уже обожала его.

Ничего удивительного, что Майкл проводит здесь столько времени — вот она, его богиня, его черноволосая красавица! И Пенелопа не могла его за это винить. Это и вправду потрясающая любовница. Мужчины в строгих черных сюртуках и безупречно отглаженных галстуках, лакеи с подносами, полными скотча и бренди, женщины в откровенных лифах, каждый следующий ярче предыдущего. Женщины накрашенные, нарядные, с вычурными прическами, и Пенелопа захотела стать одной из них. Хотя бы на один короткий миг понять, что это значит — держать судьбу в своих руках. Бросить кости и испытать восторг совершенного.

Но что особенно привлекло ее внимание, от чего просто захватило дух, это фреска витражного стекла, огромная и прекрасная. Большой, ошеломляющий портрет Люцифера — цепь, дважды обмотанная вокруг его ноги, тянет его в бездну, скипетр, сломанный пополам, все еще в его руке, корона в другой. Крылья больше не держат, и громадный ангел падает головой вперед в адское пламя.

Картина была одновременно прекрасной и гротескной — идеальный фон для логова порока.

Пенелопа опустила голову и двинулась сквозь толпу, с удовольствием чувствуя, как чужие тела увлекают ее за собой. Она позволила им вести себя и дала мысленное обещание, что остановится у первого же стола, который ей попадется.

Им оказалась рулетка, и сердце Пенелопы подпрыгнуло к самому горлу от радости и возбуждения. Эту игру она знала. Знала правила. Знала, что это чистая удача, и ничего больше. И хотела испытать свою.

Потому что внезапно она почувствовала себя по-настоящему удачливой.

Пенелопа встретила взглядом с крупье. Тот вскинул бровь и помахал своей длинной лопаточкой над игровым полем.

— Джентльмены... леди, — серьезно произнес он, — делайте ваши ставки, пожалуйста.

Ее рука уже нырнула в карман, уже перебирала там монеты. Пенелопа вытащила блестящий золотой соверен и провела по нему большим пальцем, глядя, как остальные делают ставки. Монеты лежали на богатом зеленом сукне на всех номерах, а взгляд Пенелопы приковался к соблазнительному красному участку посреди стола.

Номер двадцать три.

— Мы ждем ставку леди.

Она посмотрела в глаза крупье и робко протянула руку, чтобы положить монету на сукно. Золото восхитительно сверкнуло в пламени свечи.

— Ставок больше нет.

Колесо закрутилось, шарик запрыгал, и стук слоновой кости о сталь сам по себе стал искушением. Пенелопа подалась вперед, чтобы никто не закрывал ей обзор. Она задышалась от волнения.

— Говорят, рулетка — игра Люцифера, — произнес кто-то у нее над плечом. Она не удержалась и обернулась на голос, но на всякий случай натянула капюшон еще ниже на лицо. — Очень подходит, правда?

Незнакомец положил руку на край стола, настолько близко, что их руки соприкоснулись, и не торопился убирать. Вряд ли это было случайностью. Пенелопа резко отдернула руку — ощущение чужой ласки было весьма неприятным.

— Захватывающе, — сказала она, незаметно отодвигаясь от нежелательного собеседника в надежде, что этого хватит для завершения разговора, и снова уставилась на колесо. Оно вращалось с такой скоростью, что черное и красное сливались воедино.

— Существует история про одного француза, который так увлекся игрой, так соблазнился колесом, что продал душу дьяволу, лишь бы вызнать его секрет.

Колесо замедляло бег, и Пенелопа снова подалась вперед, отлично понимая искушение несчастного француза. Мужчина провел пальцем по ее руке, привлекая к себе ее внимание. Пенелопу передернуло от отвращения.

— А что склонит продать душу вас?

Она не успела ни ответить, ни сказать соседу, чтобы он убрал подальше руки. Внезапно кто-то выдернул нахала с его места и швырнул на пол. Пенелопа обернулась и увидела Майкла, надвигающегося на бедолагу, а тот, как краб, отползал назад, на ноги людей, остановившихся в центре казино, чтобы понаблюдать за разворачивающейся драмой.

Ее муж наклонился и схватил распростертого на полу человека за галстук, закрыв от нее своим крупным телом его лицо.

— Ты больше никогда в жизни не прикоснешься к этой леди! — прорычал муж, грозно поднимая кулак.

— Черт тебя побери, Борн, — задуханным голосом ответил тот, схватив Майкла за запястья. — Прекрати! Она всего лишь...

Рука Майкла стиснула горло наглеца.

— Закончи фразу, Денсмор, и доставь мне удовольствие перекрыть тебе кислород, — произнес он негромко, низко склонившись над своей жертвой. — Если я увижу или услышу, что ты притронулся хоть к одной женщине в этом клубе, ты потеряешь не только членство. Ты меня

понял?

— Да.

— Повтори. — Судя по его виду, он и впрямь был готов убить, и Пенелопа вспомнила рассказ Уорт.

— Да. Да, я понял!

Майкл снова швырнул его на пол и повернулся к Пенелопе. Та инстинктивно запахла плащ. Он схватил жену за руку, затащил в нишу, освещенную слишком плохо, чтобы кто-нибудь ее разглядел, и встал перед ней, закрывая от любопытных глаз.

— А ты? — прошипел он, не скрывая бешенства. — Какого черта ты тут делаешь?

Она решительно ответила на его взгляд. Он ее не запугает! Пора сыграть свою роль — маркизы, вышедшей на поиски приключений.

— Я отлично проводила время, пока ты не появился и не устроил сцену.

На его щеке дернулся мускул, пальцы стиснули запястья.

— Я устроил сцену? Да в этом зале находится половина Лондона, и ты думаешь, твой дурацкий шелковый плащ скроет тебя от них?

Пенелопа попыталась вырвать руки, но он ее не отпускал.

— Никто меня не заметил! — Борн толкнул ее ближе к стене, дальше в темноту. — И никто меня не узнал. Теперь, конечно, все гадают, кто я такая.

— Скорее всего они и так знают. — Он жестко рассмеялся. — Я узнал тебя сразу же, как только увидел, глупая ты женщина.

Узнал? Пенелопа подавила всплеск удовольствия и расправила плечи, отказываясь отступать. Около ниши появился рулеточный крупье.

— Борн.

Майкл кинул через плечо взгляд, который мог бы остановить целую армию.

— Не сейчас!

— Ну, допустим, я оказалась на виду у половины Лондона, как ты поспешил отметить, а что еще плохого могло случиться? — спросила она.

— Давай подумаем, — ответил он голосом, полным сарказма. — Тебя могли похитить, жестоко с тобой обращаться, разоблачить...

Пенелопа застыла.

— И чем это отличается от того, как со мной обращаешься ты? — прошептала она так тихо, что ее мог услышать только он, и понимая, что он уже на грани.

Его глаза вспыхнули гневом.

— Это совершенно другое дело. И если ты не понимаешь...

— О, прошу тебя. Не делай вид, что ты хоть чуть-чуть беспокоишься обо мне или моем счастье. Это была бы та же самая камера, только с другим тюремщиком.

Он стиснул зубы.

— Три минуты наедине с этой свиньей Денсмором, и ты бы поняла, что по сравнению с прочими негодяями я практически святой. Я тебе говорил, чтобы ты тут не появлялась. Без меня.

— Мне надоело слушать, что делать можно, а чего нельзя.

Пенелопа сделала глубокий вдох, не понимая, откуда вдруг взялась такая храбрость, но надеясь, что она ее не подведет, потому что Майкл выглядел очень, очень взбешенным.

И очень растрепанным. Галстук весь помялся, скруток сидел криво, одна манжета спряталась под рукавом.

Это ненормально. Во всяком случае, для Майкла.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

— Борн.

Когда крупье в третий раз назвал его по имени, Майкл резко обернулся.

— Черт вас всех возьми! Что еще такое?

— Леди.

— И что с ней?

Пенелопа выглянула из-под его руки, натянув пониже капюшон, чтобы остаться неузнанной. Крупье приподнял брови, неуверенно улыбнувшись им обоим.

— Она выиграла.

Короткая пауза, затем Борн спросил:

— Что ты сказал?

Крупье не сумел скрыть своего удивления.

— Номер двадцать три. Выигрыш на номер.

Взгляд Майкла метнулся к столу и к колесу.

— Выиграла?

У Пенелопы округлились глаза.

— Я выиграла?

Крупье глуповато улыбнулся ей:

— Да.

— Отправь ее выигрыш наверх, в наш люкс. — Не теряя больше ни секунды, Майкл провел ее в хорошо охраняемую дверь рядом.

Пока они поднимались по длинной темной лестнице, Пенелопа собирала все свое мужество, готовясь дать ему отпор. Но для начала требовалось не отстать. Он крепко держал ее за руку и даже не собирался отпускать, протащил по длинному коридору и, наконец, втолкнул в большую комнату. Тут было бы совсем темно, если бы не свет главного зала казино, лившийся сквозь стену из витражного стекла в дальнем конце помещения. Он окрашивал комнату в мозаику разных цветов.

— Это великолепно, — прошептала Пенелопа, не замечая, что Борн запер двери. — Снизу вообще непонятно, что за стеклом что-то есть.

Он скрестил руки на могучей груди. Ткань сюртука на мускулистых руках натянулась.

— Я уволю кучера, который привез тебя сюда.

— Это невозможно. Я приехала в наемном экипаже. — Пенелопа не сумела скрыть ликование в голосе.

— Если тебе помог Томми, я получу огромное удовольствие, уничтожая его.

Пенелопа вздернула подбородок.

— Вот мы и пришли к чему нужно.

— Ты больше не будешь с ним видеться.

На этот раз она не обратила внимания на то, что он нависает над ней в темноте и явно разозлен. Она и сама на него злилась.

— Я совсем не уверена, что выполню этот приказ.

— Выполнишь. — Он подтолкнул Пенелопу к двери. — Увидишься с ним еще раз, и я его погублю. И пусть это будет на твоей совести.

Именно этого Пенелопа и ждала.

— Мне было сказано, что ты в любом случае намерен его погубить. — Борн не стал отрицать, и ее охватило страшное разочарование. Она покачала головой. — Поразительно, что я по-прежнему верю в то хорошее, что сохранилось в тебе, хотя ты изо всех сил доказываешь мне обратное. — Она вывернулась из его рук, снова подошла к окну и уставилась вниз. — Ты бессердечен.

— Лучше тебе понять это сейчас, пока наш брак еще не слишком затянулся.

Пенелопа резко повернулась к нему, придя в бешенство от того, как бесчувственно он говорит об их жизни. О ее жизни.

— Возможно, наш бутафорский брак в любом случае не будет долгим.

— И что это значит?

Пенелопа коротко безрадостно рассмеялась.

— Только то, что тебя он нисколько не заботит.

— Твой драгоценный Томми предложил тебе бежать с ним, верно? — На этот раз промолчала Пенелопа. Пусть думает что хочет. Он подошел ближе. — И ты собралась уехать, Пенелопа? Разрушить наш брак и свою репутацию, и репутацию сестер одним-единственным эгоистичным поступком?

Она не сдержалась.

— Это я эгоистична? — Пенелопа засмеялась и прошла мимо него к двери. — Забавно, что это сказал ты — эгоист до такой степени, что готов погубить своего друга и заставить собственную жену служить своим личным целям.

Она взялась за дверную ручку, но ахнула, потому что из темноты метнулась его рука и сомкнулась у нее на запястье.

— Ты не уйдешь, пока мы недоговорим. Пока не дашь мне слово, что будешь держаться подальше от Томми Оллеса.

Разумеется, она не собиралась уезжать с Томми, но решила, что не доставит Борну такого удовольствия и не признается в этом.

— Почему? Разве тебе не станет легче, если я с ним уеду? Сможешь отомстить и получить свободу одним махом.

— Ты моя.

— Ты психически неустойчив! — вспыхнула она.

— Возможно. Но при этом я твой муж, и лучше бы тебе об этом помнить. И о том, что ты обещала повиноваться мне.

Пенелопа снова горько усмехнулась:

— Всякий раз, как ты прикасаешься ко мне, когда проявляешь хоть малейший интерес, это только ради твоей выгоды. Твоей цели. Твоей мести, участницей которой я быть не желаю. И никогда ради меня.

— Нет? — Вопрос сочился сарказмом. — А мне показалось, тебе нравятся мои прикосновения.

— Конечно, нравятся. Ты сделал все возможное, чтобы в эти мгновения я последовала за тобой сквозь пламя. Ты использовал свою очевидную... — она помолчала, махнув рукой в его сторону... — удаль в постели, чтобы способствовать своим целям. — Теперь слова срывались с ее губ быстро и яростно. — И получилось просто замечательно. Признаюсь, я впечатлена. И твоей умной стратегией, и безупречным исполнением. Но наслаждение скоротечно, лорд Борн, — настолько скоротечно, что не стоит боли от понимания, что тебя используют. — Она снова взялась за дверную ручку, стремясь скорее покинуть комнату. И его. — Прости, если мне больше не хочется бросить все и вспоминать мои обеты после того, как ты так злоупотребил своими.

— Ты думаешь, это заставит меня поступить по-другому с твоим драгоценным Томми?

— Я не позволю тебе сделать ему больно!

— У тебя нет выбора. Твой дорогой Томми будет уничтожен вместе с отцом. Я поклялся отомстить девять лет назад, и никто не встанет у меня на пути. А ты будешь благодарить Господа за то, что не вышла за него, иначе я бы сровнял с землей и тебя.

Пенелопа прищурилась.

— Если ты погубишь Томми, клянусь, я буду жалеть о каждой минуте нашего с тобой супружества.

Он рассмеялся, но в этом смехе не слышалось веселья.

— Полагаю, ты уже на этом пути, милая.

Пенелопа покачала головой:

— Послушай меня. Эта твоя бессмысленная вендетта — если ты доведешь ее до конца, — она докажет, что все, чем ты когда-то был, все хорошее в тебе... оно исчезло.

Он не шелохнулся. Даже не показал, что услышал ее. Ему наплевать. И на Томми, и на нее, и на их прошлое, и открывшаяся Пенелопе истина заставила заныть сердце. Она уже не могла сдержаться.

— Ты бросил меня. — Она толкнула его в грудь изо всех сил, вложив в толчок весь свой гнев. — А мне так тебя не хватало! И до сих пор не хватает, будь ты проклят.

Пенелопа ждала там, в темноте, что он скажет что-нибудь. Хоть что-то.

Попросит прощения.

Скажет, что тоже по ней скучал.

Прошла минута. Две. Больше.

Поняв, что он ничего не собирается говорить, Пенелопа кинулась к двери, распахнула ее раньше, чем он успел шевельнуться, но его рука метнулась вперед, схватила ее за плечо, и дверь снова захлопнулась. Она дергала ручку, но он удерживал дверь одной своей широкой ладонью.

— Ты бесчеловечен. Выпусти меня!

— Нет. Нет, пока мы не покончим с этим. Я больше не тот мальчик.

Она коротко безрадостно засмеялась.

— Догадываюсь.

— И не Томми.

— Это я тоже знаю.

Он притронулся к ее шее, провел пальцами по напрягшимся мышцам, и Пенелопа знала, что он чувствует, как лихорадочно бьется ее пульс.

— Думаешь, я по тебе не скучал? — Она застыла, услышав это, и прерывисто задышала, отчаянно желая, чтобы он продолжал. — Думаешь, не скучал по всему, связанному с тобой? По всему, что ты олицетворяла?

Он прижался к ней, тепло задышал в висок. Пенелопа закрыла глаза. Как они обрели себя тут, в этой комнате, где он так мрачен и так сломен?

— Думаешь, не хотел вернуться домой? — Голос его был хриплым от обуревавших его чувств. — Но у меня не было дома, куда я мог вернуться. Там никого не осталось.

— Ты ошибаешься, — возразила Пенелопа. — Там была я. Я была там... и я была... — Одинока. Она сглотнула. — Я там была.

— Нет. — Слово упало жестко и скрипуче. — Лэнгфорд отнял все. И того мальчика... того, которого тебе не хватало... он отнял и его.

— Может быть, но Томми этого не делал. Разве ты не видишь, Майкл? Он всего лишь пешка в твоей игре... в точности как и я... как и мои сестры. Ты женился на мне; ты выдашь замуж их. Но если ты погубишь его... то никогда не простишь себя. Я это знаю.

— Ошибаешься, — ответил он. — Я буду спать спокойно. Лучше, чем мне удавалось все эти десять лет.

Она покачала головой:

— Это не так. Думаешь, твоя месть не ранит? Думаешь, тебе не будет больно? От понимания, что ты уничтожил еще одного человека так же методично, так же ужасно, как уничтожил тебя Лэнгфорд?

— Томми был случайной жертвой в этой войне. Но после сегодняшнего случая, после его попытки увезти тебя я не уверен, что он не заслуживает задуманного наказания.

— Я готова сделать ставку. — Слова вырвались раньше, чем она успела подумать. — Назови игру и свою цену. Я буду играть. Ради тайны Томми.

Он замер.

— У тебя нет ничего, что мне нужно.

Пенелопа возненавидела его за то, что он сказал. У нее была она сама. Их брак. Их будущее, но все это не представляло для него никакой цены.

— Хочешь уйти? — спросил он хрипло.

«Нет. Я хочу, чтобы ты захотел, чтобы я осталась».

Почему? Почему он так на нее действует? Пенелопа сделала глубокий вдох.

— Да.

Борн убрал руку от двери, отступил назад, и ей мгновенно стало не хватать его тепла.

— Иди.

Она не стала колебаться. И сразу выскочила в коридор, не в силах избавиться от мысли, что между ними что-то произошло. Что-то, чего нельзя отыграть обратно. Пенелопа остановилась и прислонилась к стене, глубоко дыша, закутавшись в темноту и приглушенный шум из казино.

Она крепко обхватила себя руками и зажмурилась, борясь с этой мыслью, прячась от слов, которыми они только что обменялись, пытаясь избавиться от понимания того, что восемь лет ждала супружества, которое могло бы дать ей больше, чем она уже имела или олицетворяла, ради которого была воспитана — и только для того, чтобы выйти замуж за мужчину, вовсе ее не ценившего.

Право же, судьба очень жестока.

— Леди Борн?

Пенелопа вздрогнула, услышав свое имя, и прижалась к стене, увидев очень высокого мужчину, материализовавшегося из тьмы. Он был тощим, как тростник, с сильной квадратной челюстью и непонятным выражением глаз — сочетанием сочувствия и чего-то еще, что она не могла определить, но сразу поняла, что это скорее друг, чем враг.

Он коротко, едва заметно поклонился.

— Я Кросс. У меня ваш выигрыш.

Он протянул ей темный кошель, и Пенелопе потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что это такое, — вспомнить, что сегодня она пришла сюда ради волнующего приключения и удовольствия, а уходит с горьким разочарованием.

Она протянула руку, и тяжелый вес монет удивил ее.

Он засмеялся низким сочным голосом.

— Тридцать пять фунтов — весьма приличная сумма.

Да еще и в рулетку? Вы очень удачливы.

— Ничуть я не удачлива. Во всяком случае, сегодня ночью.

— Будьте осторожны, возвращаясь домой. Здесь достаточно наличных, чтобы составить годовой доход грабителя.

Он повернулся, собираясь отойти. Пенелопа переложила кошель из одной руки в другую, взвешивая монеты, прислушиваясь к звону, который они издавали, ударяясь одна о другую. И торопливо, чтобы не передумать, окликнула:

— Мистер Кросс.

Он остановился, повернулся обратно.

— Миледи?

— Вы хорошо знаете моего мужа? — выпалила она в темноту.

Повисла пауза, и Пенелопа решила, что он не ответит.

Однако он ответил:

— Настолько хорошо, насколько можно знать Борна.

Она не удержалась, издала короткий смешок.

— То есть намного лучше, чем я.

На это ответа не последовало. Да он и не требовался.

— Вы хотите спросить о чем-нибудь еще?

Она хотела спросить о многом. О слишком многом.

Кто он? Что случилось с мальчиком, которого она когда-то знала? Что заставило его так отдалиться от всех? Почему он и гроша ломаного не хочет дать за их брак?

Ни один из этих вопросов она задать не могла.

— Нет.

Он подождал, не передумает ли она, и произнес:

— Вы в точности такая, как я и ожидал.

— И что это значит?

— Только то, что женщина, умеющая настолько вывести Борна из себя, должна быть поистине замечательной.

— Я не вывожу его из себя. Он не думает обо мне за рамками того, как я могу послужить его великим целям.

Теперь Кросс рассмеялся громко и дружелюбно.

— Вы само совершенство.

Пенелопа не ощущала себя совершенством. Она чувствовала себя полной идиоткой.

— Прошу прощения?

— За все те годы, что я знаком с Борном, я ни разу не встречал женщины, которая действовала бы на него так, как вы. И в жизни не видел, чтобы он сопротивлялся кому-то так, как вам.

— Это не сопротивление. Это отсутствие интереса.

Одна рыжая бровь снова взлетела вверх.

— Леди Борн, вы ошибаетесь.

Он просто не знает. И не видел, как Майкл ее бросил. Как держится от нее на максимально возможном удалении. Как она ему безразлична.

Пенелопе не хотелось об этом думать. Не сегодня.

— Скажите, вы не могли бы помочь мне нанять экипаж? Я бы хотела вернуться домой.

Он покачал головой:

— Борн меня убьет, если узнает, что я позволил вам уехать домой в наемном экипаже. Дайте-ка я его отыщу.

— Нет! — воскликнула Пенелопа, не успев удержаться, и тут же потупилась. — Я не хочу его видеть.

Он не хочет ее видеть.

Она больше не понимала, что важнее.

— Если не он, значит, я сам вас провожу. Со мной вы будете в безопасности.

Пенелопа прищурилась.

— Откуда я знаю, что это так?

Уголок его рта приподнялся в усмешке.

— Помимо всего прочего, Борн получит истинное наслаждение, разрывая меня на куски, если я причиню вам вред.

Пенелопа вспомнила, как чуть раньше Майкл, не дрогнув, швырнул Денсмора через все казино. То, как он стоял над бессвязно бормочущим графом, сжав кулаки, и голос его дрожал от гнева.

Если она и была в чем-то уверена, так это в том, что Борн никому не позволит ее обидеть.

Разумеется, за исключением тех случаев, когда будет обижать ее сам.

Глава 14

«Дорогой М.!

Я слышала про Лэнгфорда, эту скотину, а не человека, и про то, что он сделал. Конечно же, это чудовищно. Никто не верит, что он мог оказаться таким злобным, — никто, кроме Томми и меня. Что до Томми... он тебя разыскивает. А я молюсь, чтобы он тебя нашел.

Быстро.

Всегда П.

Нидэм-Мэнор, февраль 1821 года».

Письмо не отослано.

Левый хук Темпла был свирепым и желанным.

И заслуженным.

Кулак врезался в челюсть Борна, голова его откинулась назад, и он налетел на деревянный столбик в углу ринга, расположенного в подвале «Ангела». Борн сумел удержаться на ногах, не рухнув на усыпанный опилками пол, посмотрел поверх канатов, ограждавших ринг, встретился взглядом с Чейзом, выпрямился и повернулся лицом к спарринг-партнеру.

Темпл приплясывал, глядя, как Борн снова на него надвигается.

— Ты болван.

Стараясь не обращать внимания на слова (и заключающуюся в них правду), Борн нанес удар, который мог бы свалить дуб. Темпл легко уклонился и сверкнул ухмылкой.

— Ты болван, да еще и хватку теряешь. Может, и с дамами тоже?

Борн нанес короткий удар по скуле Темпла, с удовольствием услышав, как кулак соприкасается с плотью.

— Что насчет моей хватки сейчас?

— Так себе удар, — ухмыльнулся Темпл и качнулся влево, уходя от следующего удара Борна. — Но твоя жена уехала домой с Кроссом, так что тут я ничего определенного сказать не могу.

Борн выругался и набросился на друга, бывшего на несколько дюймов выше ростом и на полфута шире. Впрочем, Борн возмещал это разницей в скорости, проворстве, а сегодня еще и энтузиазме.

Он атаковал без колебаний, кулаки его, замотанные в полоски ткани, так и рвались соединиться с обнаженным торсом партнера. Сначала левый, потом правый. Каждое движение подчеркивалось короткими стонами Темпла. Впрочем, тот быстро уклонялся в сторону.

— Не дразни его, Темпл, — сказал снизу Чейз, перебиривший стопку документов и толком не обращавший внимания на схватку. — Ему и так выдался тяжелый вечер.

Бог свидетель, это правда.

Он отпустил ее домой, и это было самое сложное решение в его жизни.

Кулак Темпла безупречным прямым справа впечатался в его челюсть. Борн покачнулся.

— Почему бы тебе не поехать вслед за ней? — спросил Темпл, снова уклонившись от кулаков Борна и нанеся прямой удар ему в грудь. — Уложи ее в постель. Обычно это помогает им почувствовать себя лучше, разве нет?

Борн не мог объяснить другу, что именно постель, разделенная с женой, поставила его в теперешнее затруднительное положение.

— Когда найдешь жену себе, можешь давать любые советы.

— К тому времени необходимости не будет. Ты уже выгонишь свою жену навсегда. — Он отпрыгнул назад. — Мне эта девушка нравится.

Как ни печально, Майклу тоже.

— Ты ее даже не знаешь.

— А мне и не надо. — Правый хук Борна нокаутировал бы любого другого человека, а Темпл его как будто не заметил. К сожалению. Он продолжал наступать. — Любой, кто сумеет выбить тебя из колеи так, как это удастся ей, заслуживает моего восхищения. Да она заслужила мою преданность одним своим участием в сегодняшних развлечениях. Полагаю, Кросс вернется наполовину в нее влюбленным.

Он намеренно подстрекал Борна, и ему это удалось. Зарывав, Борн кинулся на Темпла. Тот блокировал два быстрых удара, а затем нанес партнеру резкий удар в живот. Борн выругался и повис на Темпле, учащенно дыша и сильно потев. Секунда-другая. Пять. Наконец Темпл отодвинулся и прежде, чем Борн успел шевельнуться, ударил его раз, еще раз, и Борн отлетел на канаты. Из носа у него текла кровь.

На этот раз он никак не мог прийти в себя, упал на колени.

— Раунд закончен, — объявил Чейз.

Темпл поспешил помочь Борну подняться, но тот только выругался.

— Оставь меня! — рявкнул он, поднялся на ноги и направился к стулу в углу ринга, помеченному зеленым носовым платком.

— Тридцать восемь секунд, — сказал Борн, срывая платок со столбика, поднося его к носу и запорокидывая голову. — Готовься к контратаке.

— Что она тебе такое сказала, раз ты так нарываешься на трепку? — поинтересовался Темпл.

Борн не ответил на вопрос. Боль в щеке не помогала, не отвлекала его от мыслей о том, что сегодня ночью произошло между ним и женой. Как ее голубые глаза сверкнули, когда она обвинила его в том, что он использовал ее тело, обеспечивая свои интересы. Как она расправила плечи и кинулась в защиту своей чести — сделала то, что он обязан был сделать за нее.

Как она смотрела на него искренними, полными слез глазами и рассказывала, как ей его не хватало.

Она права. Он использовал ее. Относился к ней куда хуже, чем она заслуживает. А она защищала себя с достоинством и гордостью. Потрясающе.

И даже тогда, когда он пытался отпустить ее, оттолкнуть от себя, он знал, что хочет ее. Борн не пытался одурачить себя, убедить, что это желание только что возникло. Он хотел ее в Суррее, когда она стояла в темноте, имея при себе для защиты один только фонарь. Но сейчас... желание сделалось более серьезным. Более примитивным. Более опасным. Сейчас он хотел ее — свою сильную, умную, добросердечную жену, которая с каждым днем становилась все соблазнительнее, изменяясь и расцветая в новую личность, совершенно отличающуюся от той девочки, какую он встретил темной суррейской ночью.

И сейчас он был женат на ней, буквально обязан по закону Божьему и человеческому взять ее. Уложить в постель, поклоняться ей. Прикастаться к ней любым греховным способом, какой только мог вообразить.

Сделать ее своей.

А она не хочет иметь с ним ничего общего.

Он стиснул левый кулак, наслаждаясь жгучей болью под полосками ткани — ощущение только что прошедшего боя, обещание следующего, — и опустил носовой платок. Кровь из носа перестала течь.

Если бы она не решила оттолкнуть его сегодня, это бы все равно непременно случилось, но, возможно, слишком поздно, когда он уже не смог бы ее отпустить.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь за ней последил.

Чейз поднял глаза.

— Зачем?

— Оллес просил ее бежать с ним, когда я измараю его в грязи.

Его партнеры переглянулись, и Темпл сказал:

— И ты хочешь заплатить кому-нибудь, чтобы этого не произошло?

Он хочет верить, что этого и так никогда не произойдет. Что она выберет его.

Что она будет бороться за него так же, как борется за Томми.

Всплыло непрошеное, давно похороненное воспоминание — маленькая Пенелопа, широко раскинув руки, играет в саду в жмурки. Дети рассыпались в разные стороны, окликают ее, а она, пошатываясь, мечется то туда, то сюда и хохочет над глупой игрой. Они с Томми подкрались к ней и хором прошептали ее имя. Она резко повернулась к нему и легко его поймала, провела руками по щекам, улыбаясь широко и радостно. «Майкл, — негромко сказала она, — я тебя поймала!»

Он провел руками по лицу, уставившись на ступни, засыпанные опилками.

— Думаю, это лучше всего.

Первым ответил Чейз:

— Не думаю, что пустить за леди слежку — лучший способ вызвать к себе любовь, Борн.

Темпл ухмыльнулся и сказал:

— Почему бы не оставить ринг и не пойти к ней? Скажи ей то, что она хочет услышать, уложи девицу в постель и напомни, почему ты лучше Оллеса во всех имеющих значениях смыслах. — Он несколько раз качнул бедрами взад-вперед на канатах, грязно изображая половой акт. — Совсем другое сражение, но куда более приятное.

Борн нахмурился, потряс руками, покачался на уставших ногах.

Темпл провел черту в насыпанных на пол опилках, звук эхом отдался в темном, похожем на пещеру помещении.

— Подойди к черте, старик. Дай-ка я задам тебе трепку, которую ты давно заслуживаешь. Мы отправим тебя домой, к твоей маркизе, отчаянно нуждающимся в ее заботе и уходе.

Борн направился к центру ринга, не обращая внимания ни на слова партнера, ни на неприятное чувство, возникшее в сердце при мысли, что его маркиза больше не хочет заботиться или тревожиться о нем.

После еще одного раунда Борн сошел с ринга, почти ничего не видя одним глазом. Темпл остался, раскинувшись на канатах и глядя, как Борн берет кусок сырого мяса из ящика со льдом, стоящего у ног Бруно, садится рядом с Чейзом и прижимает мясо к распухшему глазу.

Прошло несколько минут, прежде чем Чейз нарушил молчание:

— Почему она уехала без тебя?

Борн шумно выдохнул.

— Она на меня страшно разозлилась.

— Это бывает, — бросил Темпл, разматывая полоски ткани, которые намотал себе на костяшки до боя.

— Что ты натворил? — спросил Чейз.

У нее была сотня причин прийти в бешенство. Но значение имела только одна, и осознание этого пришло мгновенно и четко, как удар массивного кулака Темпла.

— Я скотина. В чем я преуспел? Только в грехах и пороках. А она — прямая противоположность всему этому. Она хочет большего. Она хочет... — Он замолчал.

Любви.

Того единственного, что он не в состоянии ей купить. Того единственного, что он не может ей дать, не может так рисковать.

Чейз зашуршал бумагами.

— А откуда боязнь Оллеса.

Борн застыл.

— Никакая не боязнь.

— Конечно, нет, — отозвался Чейз голосом, полным насмешки. — Слежка за леди, Борн, — это не ответ. Решение в том, чтобы дать ей то, чего она хочет. Стать мужем, которого она заслуживает.

— Для жизни, какую она хочет, Оллес ей не нужен. Я все дам ей сам. Все, что она захочет.

— Все? — уточнил Чейз. Майкл не ответил. — Значит, дело больше не в земле и не в мести, так? Леди тебе небезразлична.

Этого не должно быть. Он потерял все, что когда-то любил. Погубил все хорошее, к чему прикасался. Его привязанность к ней — предвестник грядущего несчастья. Но вряд ли в Британии есть хоть один мужчина, который может провести с его женой день и не заинтересоваться ею.

— Ну, по крайней мере он ее хочет, — вмешался Темпл. — И винить его за это не приходится. Ее отвага сегодня ночью и святого бы ввела в искушение.

— Ввела святого в искушение, — отозвался Чейз. — Кросс повез ее домой.

Майкл закипел от бешенства.

— Кросс к ней не притронется!

— Разумеется. Но не потому, что она не искушает, а потому что он Кросс, — сказал Чейз.

— А если бы он не был Кроссом, — добавил Темпл, — он бы ее не тронул, потому что она твоя.

Воцарилась долгая тишина. Разумеется, это не так. Они не правы. Если бы он ею владел, он бы не боялся идти домой, к ней. Если бы он ею владел, он не сидел бы здесь, воняя потом и сырым мясом. Если бы он ею владел, она бы от него не ушла.

Наконец он произнес:

— Я на ней женат. Это не одно и то же.

— Ну, мне кажется, для начала это уже неплохо. — Чейз встал, взял свои бумаги и добавил: — Она твоя, купленная и оплаченная. И раз уж вы оказались связаны друг с другом — да поможет ей Бог! — может, тебе уже пора что-то сделать, чтобы ваш брак не закончился так же ужасно, как начался.

Мысль... возможность того, что в один прекрасный день он, может быть, станет ей небезразличен... явилась искушением более сильным, чем карты, сильнее рулетки.

Искушением стать тем мужем, какого она заслуживает.

«Дорогой М.!

Ее светлость герцогиня Лейтон. Кажется, избытка молодых и готовых к супружеству герцогов не потребовалось, хватило и одного. Герцог Лейтон выразил желание ухаживать за мной, отец согласился, а мама просто вне себя от счастья.

Разумеется, многое говорит в его пользу. Он привлекателен внешне и умен, богат и обладает властью, и, как мама напоминает мне при каждом удобном случае, он ГЕРЦОГ.

Конечно же, я выполняю свой долг. Это будет брак века. Трудно поверить, что я стану герцогиней — это Святой Грааль для старшей дочери аристократа. Ура.

Я уже давно так сильно по тебе не тосковала.

Где ты?

Без подписи.

Долби-Хаус, сентябрь 1823».

Письмо не отправлено.

На следующее утро Пенелопа послала записку во вновь заселенный Долби-Хаус и пригласила Оливию и Филиппу присоединиться к ней днем — первым, когда она перестала ждать мужа и начала жизнь заново.

Она решила покататься на коньках.

Ей в самом деле очень требовалось провести хоть денек с сестрами, чтобы напомнить себе — у нее есть причины для ссоры с Майклом и для собственной досады, а также для того, чтобы придерживаться этого дурацкого обмана — утверждения, что ее брак настоящий, а не трагическое притворство, каким он на самом деле является.

Требовалось напомнить себе, что скандал мгновенно перекинется на сестер, если она позволит правде просочиться наружу, а Филиппа с Оливией заслуживают шанса на лучшую жизнь. На большее. Пенелопа стиснула зубы, вспомнив это слово и все то, что оно означало в ту роковую ночь, когда она попала в брачную ловушку Майкла.

Выкинув мысль из головы, она кивнула камеристке, помогавшей ей одеться, затянуть шнуровку корсета, завязать ленты и застегнуть пуговицы. Пенелопа прекрасно знала, что за стенами «Адского дома» ее будут пристально изучать, поэтому оделась особенно тщательно — ради глаз лондонцев, по крайней мере тех, кто остался в городе в январе, тех, кто будет старательно выискивать малейшие бреши в доспехах новоиспеченной маркизы Борн.

Женщины, которая, по их мнению, пленила сердце самого порочного из владельцев «Падшего ангела», убедив его восстановить свой титул и вернуться в общество.

Женщины, которую он избегает любой ценой.

Пенелопа выбрала ярко-зеленое шерстяное платье, решив, что оно теплое и при этом достаточно нарядное, и дополнила его синим плащом, который надевала в ту роковую холодную темную ночь, когда вышла на земли Нидэма и Фальконвелла и встретила Майкла, ставшего Борном.

Отороченная мехом шляпка и перчатки завершили наряд, и как раз вовремя — спускаясь по широкой центральной лестнице «Адского дома», она услышала щебет сестер в холле. Их звонкие голоса вздымались к потолку, заполняя пустоту, царившую в доме ее мужа. В ее доме.

Когда она оказалась на площадке второго этажа, спеша скорее увидеть сестер и пойти на прогулку, дверь в личный кабинет Борна отворилась и оттуда вышел он — в руках куча бумаг, сюртук расстегнут, белая рубашка туго натянулась на широкой груди. Увидев Пенелопу, он резко остановился и начал застегивать сюртук.

Пенелопа замерла, приковавшись взглядом к его лицу, заметив сразу и распухший побагровевший глаз, и шрам на нижней губе. Она шагнула вперед, рука в перчатке поднялась сама по себе и притронулась к разбитому лицу.

— Что с тобой случилось?

Он отпрянул и окинул её взглядом.

— Куда ты собралась?

Резкая смена темы не дала Пенелопе, возможности решить, хочет ли она говорить ему правду.

— На каток. Твой глаз...

— Это ерунда. — Он поднял руку и потрогал синяк.

— Спасибо за заботу. — Повисло долгое молчание, и Пенелопе даже могло показаться, что Майкл чувствует себя довольно неловко, да только она понимала, что это невозможно. В конце концов он добавил: — Ты видела, что я принял приглашение на бал к леди Бифетеринг-стоун?

Пенелопа не удержалась:

— Видела. А тебе известно, что обычно все светские приглашения принимает или отклоняет жена?

— Когда мы привыкнем их получать, я с радостью передам эту обязанность тебе. Я удивлен, что нас вообще туда пригласили.

— Совершенно напрасно. Леди Би обожает скандалы больше всех. В особенности если они случаются в ее бальном зале.

Из холла раздался веселый смех, избавив Пенелопу от дальнейших объяснений. Майкл перегнулся через перила и посмотрел в холл.

— Юные леди Марбери, я полагаю?

Пенелопа изо всех сил старалась не смотреть на его разбитую губу. Честное слово, старалась.

Только у нее ничего не получалось.

— Они вернулись в город. — Она помолчала и добавила, не в силах скрыть язвительность: — Уверенные, что скоро найдут себе пару.

Борн снова взглянул на нее:

— На каток?

В его голосе прозвучало удивление.

— А ты не помнишь, как мы в детстве катались на озере? — Это вырвалось прежде, чем она успела прикусить себе язык.

Пенелопа круто повернулась и направилась к лестнице, не ожидая больше ничего от него услышать. Ему так хорошо удается молчание — она уже отказалась от надежды, что он когда-нибудь выскажется самостоятельно, без того, чтобы она его подтолкнула. А подталкивать ей уже надоело.

Поэтому раздавшийся за спиной голос Борна ее потряс.

— Пенелопа.

Она мгновенно обернулась.

— Да?

— Можно мне пойти с вами?

Пенелопа моргнула.

— Прошу прощения?

Он глубоко вздохнул.

— На каток. Можно пойти с вами?

Она прищурилась.

— Зачем? Надеешься, что если нас увидят рука об руку, скользящими на коньках по Серпентайну, газеты уделят леди и лорду Борнам несколько строчек?

Он провел рукой по темным кудрям.

— Я это заслужил.

Он не заставит ее почувствовать себя виноватой!

— Да, заслужил. И даже больше, чем это.

— Мне бы хотелось помириться с тобой.

Глаза Пенелопы округлились. А это еще что такое?

Опять пытается манипулировать ею и их будущим? На этот раз она не поддастся. Ее больше не одурачить, потому что она все понимает. Она устала от ноющей боли, возникающей в груди всякий раз, как он оказывается рядом — и когда он далеко, тоже. Устала от сражений, игр, фальши. Устала от разочарований. Она отвернулась и снова направилась к лестнице и ждущим внизу сестрам.

— Пенелопа.

Он остановил ее, назвав по имени — из его уст оно прозвучало так прелестно.

Пенелопа снова невольно обернулась.

— Да?

— Что это будет стоить? Чтобы пойти с вами? Назови свою цену. — Он помолчал. — Полдня, проведенные с женой, без призраков прошлого или будущего. Во что мне это обойдется?

Пенелопа ответила без промедления, серьезно и прямо:

— Не губи Томми. Не трогай его по крайней мере одну неделю.

Он согласился не сразу, и Пенелопа заставила себя снова повернуться к лестнице, разочарованная тем, что у нее нет вообще никакой власти над ним. Поставила ногу на первую ступеньку, и тут Филиппа ее заметила.

— Пенни! — воскликнула она. — И лорд Борн!

Пенелопа оглянулась на Майкла и прошептала:

— Совершенно не обязательно меня провожать. Заверяю тебя, я вполне в состоянии найти

дорогу к парадной двери.

— По рукам, — негромко ответил он где-то у ее локтя. — Одна неделя.

Ее охватил восторг успеха, головокружительный и жаркий.

Они спустились до самого низа, а Пенелопа все еще не смогла ничего ответить, и тут на них набросилась Оливия:

— Вы читали сегодняшний «Скандальный листок»?

— Какая жалость — еще нет! — поддразнила ее Пенелопа, делая вид, что не замечает уютной близости Майкла. — И что за искрометные сплетни вы там вычитали?

— Весь Лондон завидует вашему великолепному, невероятно романтичному браку! — воскликнула Оливия.

Потребовалось какое-то время, чтобы сказанное до нее дошло.

— А мы и не знали, что вы встретились на День святого Стефана, Пенелопа, — упрекнула ее Оливия. — Не знали даже, что лорд Борн приезжал на Рождество в Суррей!

Пиппа с очень серьезным видом встретила взглядами с Пенелопой.

— Нет, мы не знали.

Пиппа вовсе не была дурочкой, но Пенелопа заставила себя улыбнуться.

— Прочти, Пиппа! — потребовала Оливия.

Самая младшая Марбери поправила на переносице очки и подняла газету.

— Конец января редко бывает, урожайным на сплетни, но в этом году у нас есть особенно заманчивая новость — возвращение маркиза Борна! — Она подняла глаза на Майкла. — Это вы, милорд.

— Подозреваю, он об этом знает, — заметила Оливия.

Не обращая внимания на сестру, Пиппа продолжила:

— Разумеется, наши проницательные читатели уже слышали, что маркиз нашел себе жену. — Пиппа посмотрела на Пенелопу, но прежде, чем успела что-то сказать, Оливия застонала и выхватила у нее из рук газету.

— Отлично. Я сама прочитаю. Говорят, лорд и леди Борн так поглощены друг другом, что их редко видят по отдельности. О, и восхитительное дополнение! Похоже, что лорд Борн не может оторвать от жены не только глаз... но и рук, и губ! Причем на людях! Как это чудесно!

— Последнее предложение — комментарий Оливии, — вставила Пиппа.

— ...и мы можем только надеяться, что появление завершающего дуэта барышень Марбери...

Филиппа поправила очки и сказала:

— Это мы.

— ...будет достаточно волнующим, чтобы мы не замерзли в эти холодные дни. Ну разве это не самая сладострастная статья на свете? — спросила Оливия, а Пенелопа с трудом подавила желание разорвать нелепую газетную статейку на мелкие кусочки. Ей даже в голову не приходило, что сестры тоже не знают правду.

Что их брак — подделка.

Борн обнял ее за талию. Сестры проводили взглядами его руку, то, как она скользнула, теплая и уверенная, по ее телу и улеглась на изгиб бедра так, словно тут ей самое место. Словно ему тут самое место.

Словно место Пенелопы рядом с ним.

Она отошла в сторону, и его рука соскользнула.

Пусть она согласилась врать половине христианского мира, но сестрам она врать не будет!

Пенелопа открыла рот, чтобы опровергнуть все, написанное в статье, и рассказать им правду.

И закрыла его.

А Майкл уже вел свои сладкие речи:

— Из-за появления этой статьи вам потребуется защита от наплыва кавалеров, которые наверняка сразу нахлынут.

— Вы должны пойти с нами! — воскликнула Оливия, и Пенелопе захотелось завизжать, так легко сестры играли ему на руку.

Его взгляд метнулся к ней, и ей отчаянно захотелось, чтобы он отказался, чтобы вспомнил, что она сказала ему наверху.

— Боюсь, я не смогу.

Пенелопе следовало бы обрадоваться, но когда дело касалось ее мужа, все слишком часто переворачивалось вверх ногами, и она вдруг поймала себя на том, что его уважительное отношение к ее просьбе так приятно ее удивило, что ей внезапно захотелось, чтобы он согласился. Разумеется, это просто смехотворно.

Мужчины все-таки страшно раздражают.

Особенно ее муж.

— О, пожалуйста, — настаивала Оливия, — будет так чудесно познакомиться наконец с нашим новым братом.

Пиппа тоже не промолчала:

— В самом деле. Вы поженились так быстро... мы просто не успели заново с вами познакомиться.

Взгляд Пенелопы метнулся к сестрам. Что-то тут не так. Пиппа знает. Просто не может не

знать.

Борн снова покачал головой:

— Прошу прощения, леди, но у меня даже коньков нет.

— У нас есть лишняя пара в карете, — сказала Оливия. — Теперь у вас просто нет причин отказываться.

У Пенелопы мгновенно вспыхнули подозрения.

— Зачем это вам понадобилась лишняя пара коньков?

Оливия счастливо улынулась:

— Никогда не знаешь, когда встретишься с кем-то, кто тоже захочет покататься.

Пенелопа обратила удивленный взгляд на Майкла. Похоже, тот с трудом сдерживал ответную улыбку. Она вскинула бровь, когда он произнес:

— Превосходная мысль. Похоже, у меня просто нет другого выбора, как только стать вашей дуэньей. И признаюсь, я с радостью снова покатаюсь на коньках со своей женой. Мы не делали этого так давно!

Ложь.

Он не помнит, как они катались на коньках в детстве. Он фактически признался в этом там, наверху.

Пенелопа боялась, что не выдержит этой прогулки со всеми ними, когда он будет постоянно прикасаться к ней, спрашивать, как она себя чувствует, дразнить ее, искушать ее.

Только не после прошлой ночи, когда она смогла быть такой сильной. Такой уверенной в себе.

В том, чего хочет.

А сейчас, днем, она вряд ли сможет противостоять этому доброму, кроткому Майклу. Чудеса, да и только.

И это по-настоящему плохо.

Глава 15

«Дорогой М.!

Теперь ты уже наверняка слышал новости, где бы ты ни находился. Я погибла. Герцог сделал все, что мог, чтобы избавить меня от позора, но это Лондон, и подобные попытки, разумеется, тщетны. Он женился в течение недели — брак по любви, ни больше ни меньше. Мама (что неудивительно) просто вне себя, воеет и стонет, как хор плакальщиц.

Плохо ли, что я чувствую себя так, будто с меня сняли какую-то тяжесть? Вероятно.

Жать, что тебя тут нет. Ты бы знал, что сказать.

Без подписи.

Долби-Хаус, ноябрь 1823 года».

Письмо не отослано.

Пенелопа сидела на деревянной скамье и смотрела на замерзший Серпентайн, где собралась чуть не половина Лондона. Необычно холодная зима привела к тому, что небольшое озеро покрылось толстейшим льдом, какого не было уже десятилетие, и на нем толпились люди, жаждавшие провести день, катаясь на коньках.

От бдительных глаз общества скрыться некуда.

Выгрузившись из кареты, их отряд конькобежцев поднялся на холм, плавно спускающийся к озеру Серпентайн. Они по очереди садились на скамью, чтобы прикрепить стальные с деревом лезвия к подошвам обуви. Пенелопа оттягивала свою очередь как можно дольше, остро осознавая, что катание на коньках с Майклом превратится в настоящее испытание, поскольку он наверняка воспользуется шансом продемонстрировать всему Лондону, как сильно они любят друг друга.

В сотый раз она прокляла этот нелепый фарс, глядя вслед сестрам, рука об руку спускающимся вниз с холма, и снова напомнила себе о главной цели, ради которой идет на такие душевные терзания.

Занятая своими мыслями, она никак не могла прицепить лезвия коньков на обувь, и после третьей попытки Майкл отбросил собственные коньки, присел перед ней на корточки и взял ее за щиколотку раньше, чем она успела что-нибудь сообразить. Пенелопа отдернула ногу, он потерял равновесие, чуть не упал на спину и едва удержался, упершись руками в снег и привлекая к себе внимание группы молодых женщин, стоявших неподалеку.

— Что это ты делаешь? — прошипела Пенелопа, наклонившись вперед. Ей совсем не хотелось устраивать публичную сцену.

Он поднял на нее глаза, полные фальшивой невинности, и просто ответил:

— Помогаю тебе надеть коньки.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи!

Она отлично сама наденет эти чертовы коньки.

— Спасибо, не надо. — Пенелопа торопливо нацепила на ботинки хитроумное изобретение, тщательно затянула ремешки и проверила, правильно ли все сидит. — Вот!

И увидела, что Майкл смотрит на нее каким-то странным, непонятным взглядом.

— Отлично.

Он встал и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— По крайней мере это ты мне сделать позволишь, Пенелопа? — прошептал он.

Перед такой мягкой просьбой она не устояла и вложила свою руку в его.

Майкл помог ей встать и придержал, пока она, пошатываясь, приноравливалась к конькам.

— Я помню, ты никогда не умела ходить на коньках так же хорошо, как кататься.

Пенелопа моргнула, едва не упала и вцепилась ему в руку, пытаясь обрести равновесие.

— Ты же сказал, что ничего не помнишь!

— Нет, — отозвался он негромко, поддерживая ее, пока они спускались с холма к озеру. — Это ты сказала, что я не помню.

— А ты, значит, помнишь?

Уголок его рта приподнялся в грустной усмешке.

— Ты поразишься, узнав, сколько всего я помню.

В этих словах прозвучало что-то... что-то мягкое, чуждое ему, и подозрения вспыхнули снова.

— Почему ты себя так ведешь? — Он наморщил лоб. — Еще одна возможность доказать всем, что наш брак — по любви?

В его взгляде что-то промелькнуло и тут же исчезло.

— Любая возможность, чтобы подтвердить это, — негромко сказал он и посмотрел куда-то в сторону.

Пенелопа проследила за его взглядом и увидела Пиппу и Оливию. Держась за руки, они ковыляли ко льду. Любая возможность устроить браки сестер.

— Я должна пойти к ним, — сказала Пенелопа, подняв к Майклу лицо и посмотрев в его красивые карие глаза. Только сейчас она сообразила, как близко он прижал ее к себе и как благодаря плавному склону холма она оказалась почти вровень с ним. Уголок его рта подергивался.

— Твои щеки похожи на вишни. Я почти уверен, что ты покраснела. Но из-за мороза не могу сказать точно о причине.

Пенелопа не смогла сдержать улыбку, наслаждаясь этим добродушным подшучиванием и на какой-то миг совершенно забыв, что все это не взаправду.

— Как печально, что ты этого так и не узнаешь.

Он поднес ее руки к губам, перецеловал обтянутые лайковыми перчатками костяшки сначала на одной руке, потом на другой, и Пенелопа пожалела, что надела перчатки.

— Лед ждет, миледи. Я очень скоро присоединюсь к вам.

Она посмотрела поверх его плеча на многолюдный каток, туда, где на чудесном гладком льду ее сестер уже окружили светские молодые люди, и внезапно ей показалось, что стоять здесь с мужем занятие куда более волнующее, чем все, что может произойти на катке. Но увы, этого ей никто не предлагал.

Майкл помог ей спуститься на лед, Пенелопа оттолкнулась, исчезла в толпе и быстро отыскала сестер. Оливия взяла ее под руку и сказала:

— Борн просто чудесный, Пенни. Скажи, ты в восторге?

Пенелопа вздохнула, ничем не выдав истинных своих чувств.

— Превосходно! — воскликнула Оливия. — Просто отлично, Пенни! Мне кажется, этот наш зять хлеб ест не даром. Да еще и красивый, правда? О! Я вижу Луизу Холбрук!

Она неистово замахала рукой и заскользила к своей подруге через весь каток. Оставшаяся на месте Пенелопа негромко произнесла:

— Да, он красивый, — испытывая искреннюю благодарность за то, что хоть в этом ей не приходится врать.

Ее взгляд переместился на то место на холме, где они с мужем стояли всего несколько минут назад. Майкл не шевелился, внимательно глядя на нее, и у нее даже рука зачесалась, так захотелось ему помахать. Но это же будет глупо, правда?

Глупо.

Пока она размышляла, Майкл все решил за нее сам. Он поднял свою длинную руку и помахал ей.

Было бы грубо проигнорировать его.

И она помахала в ответ.

Он сел на скамью и начал пристегивать коньки. Пенелопа негромко вздохнула и заставила себя отвернуться, пока не наделала каких-нибудь глупостей.

— Кое-что произошло.

Сначала Пенелопе показалось, что Пиппа заметила странные отношения между ней и мужем. Чувствуя, как замельтешили в голове мысли, она повернулась к сестре.

— Ты о чем?

— Каслтон сделал мне предложение.

У Пенелопы от неожиданности широко распахнулись глаза. Она ждала, когда Пиппа объяснит ей, почему только сейчас решила поставить ее в известность, хотя они уже провели вместе немало времени. Пиппа ничего не сказала. Она спокойно скользила вперед по льду, словно они обсуждали погоду, а не ее будущее, и Пенелопа не выдержала:

— Что-то я не слышу особой радости в твоём голосе.

Пиппа наклонила голову:

— Он граф. Кажется мне довольно добродушным, не против моей нелюбви к танцам, и у него отличная конюшня.

Пенелопа бы, пожалуй; улыбнулась такой непритязательности — будто этих четырех черт

характера достаточно для удачного супружества, если бы не уловила в голосе Пиппы нотку покорности судьбе.

И ей вдруг пришло в голову, что Пиппа нарочно выбрала эту минуту, чтобы сообщить старшей сестре о предложении, потому что вокруг множество народа, множество глаз и ушей — слишком много для серьезного разговора.

И все-таки Пенелопа сжала руку сестры, заставила ее остановиться прямо в центре катка, наклонилась к ней и негромко произнесла:

— Ты не обязана отвечать «да».

— А что изменится, если я отвечу «нет»? — Пиппа широко улыбалась, словно они говорили о каком-то забавном происшествии, а не обсуждали ее будущее. Ее мечты. — Появится другой мужчина, жаждущий завладеть моим приданым. И еще один. И еще, пока не кончится выбор. Он знает, что я умнее, и рад предоставить мне возможность управлять его поместьем. Это уже кое-что. — Она посмотрела прямо в лицо Пенелопе. — Я знаю, что ты сделала.

Пенелопа храбро встретила понимающий взгляд сестры.

— Это ты о чем?

— Я же была там на Дне святого Стефана, Пенни. Думаю, я бы заметила возвращение Борна. И половина прихода тоже.

Пенелопа закусила губу, не зная, что сказать.

— Тебе ни к чему говорить, что я права, — пришла ей на помощь Пиппа. — Просто знай — я понимаю, что ты сделала. И очень это ценю.

Они какое-то время катались молча, затем Пенелопа сказала:

— Я это сделала, чтобы тебе не пришлось принимать предложение Каслтона, Пиппа. Майкл и я... в общем, это все ради тебя. Тебя и Оливии.

Пиппа улыбнулась:

— Как мило с твоей стороны. Но глупо предполагать, что мы сможем выйти замуж по любви, Пенни. Такое случается не каждый день, тебе это известно лучше, чем другим.

Пенелопа проглотила комок в горле, возникший там, стоило ей вспомнить, что ее собственный брак не имеет ничего общего с любовью.

— Но другие женятся по любви, — заметила она, поправляя отороченные мехом перчатки и окидывая взглядом маленькое озеро. — К примеру, Лейтон и его жена.

Пиппа вскинула на нее глаза, большие, чем-то похожие под очками на совиные.

— Это лучшее, что ты можешь вспомнить? Скандальный брак восьмилетней давности?

Пенелопа поискала глазами мужа на другой стороне озера, задержалась взглядом на огромном синяке, занимающем чуть не половину лица.

— Он просто ходячий скандал.

Пиппа повернулась к ней лицом.

— Не знаю, по каким причинам вы поженились, Пенни... но похоже, ты ему очень небезразлична.

Пенелопа сочла за благо промолчать. Пиппе совсем ни к чему знать истинное положение дел.

— С таким же успехом я могу выйти за Каслтона, — продолжала Пиппа. — Папа будет счастлив. А мне больше никогда не придется видеть изнанку сезона и думать обо всех тех визитах к парикмахеру, на которые я смогу махнуть рукой.

Пенелопа улыбнулась шутке, хотя на деле ей хотелось открыть рот и закричать о несправедливости всего этого. Пиппа не заслуживает брака без любви, как и все прочие барышни Марбери. Как и сама Пенелопа. Но это светское общество Лондона, где браки без любви считаются нормой. Она вздохнула и ничего не сказала.

— Не беспокойся за меня, Пенни, — добавила Пиппа, потянув сестру обратно в гущу катающихся. — Я прекрасно уживусь с Каслтоном. Он неплохой человек. Не думаю, что иначе отец позволил бы ему за мной ухаживать. — Она придвинулась ближе. — И за Оливию не беспокойся. Она понятия не имеет, что ты и Борн... — Пиппа замолчала. — Она слишком занята, пытаясь загнать в ловушку привлекательного пэра.

Пенелопе не нравилась мысль о том, что ей удалось одурачить младшую сестру и заставить поверить в то, что она вышла замуж по любви. Она чувствовала себя страшно неловко. Оливия, «Скандальный листок», общество, поверившее, что Майкл ее любит... что она любит Майкла... Все это только подтверждало худшее — что где-то в этой шараде Пенелопа потеряла себя, что сам дьявол нацелился на ее душу.

Если даже сестры почти не ставят под сомнение ее чувства к Майклу, кто скажет, что вскоре она сама не поверит в этот обман?

И где она тогда окажется?

Опять одна.

— Пенелопа? — Голос Пиппы вырвал ее из раздумий.

Она натянуто улыбнулась.

Пиппа внимательно посмотрела на нее, словно видела больше, чем Пенелопе хотелось показать, так что она невольно отвернулась. Наконец сестренка сказала:

— Думаю, я догоню Оливию и Луизу. Ты со мной?

Пенелопа покачала головой:

— Нет.

— Остаться с тобой?

Пенелопа снова помотала головой:

— Нет, спасибо.

Юная Марбери улыбнулась:

— Ждешь мужа? — Пенелопа мгновенно кинулась это отрицать, но улыбка Пиппы сделалась понимающей. — Мне кажется, он тебе нравится, сестра. Против твоей воли. Знаешь, ведь в этом нет ничего плохого. — Она помолчала и как ни в чем не бывало добавила: — Я думаю, это довольно славно, если жене нравится муж.

Прежде чем Пенелопа успела ответить, Пиппа укатила прочь.

Пенелопа снова поискала Майкла, но теперь он ушел с холма, где она видела его раньше. Она осмотрела озеро и заметила его на самом краю катка, догруженного в беседу с виконтом Тоттенхемом.

Пенелопа наблюдала долго, и вдруг Майкл посмотрел через все озеро — его серьезный взгляд отыскал ее почти мгновенно. Она занервничала и отвернулась, не в силах оставаться спокойной и уверенной в себе, пока их разделяет пол-Лондона. Уткнувшись подбородком в муфту и опустив голову, Пенелопа покатила сквозь толпу прочь, к дальнему концу озера, а там сошла со льда и поковыляла к торговцу каштанами, раскинувшему там свой лоток. Сделав всего пару шагов, она услышала чей-то разговор.

— Можешь поверить, что Тоттенхем готов увидеть в нем что-то хорошее?

Вопрос послышался из-за спины, и Пенелопа остановилась, мгновенно поняв, что речь идет о ее муже.

— Да я вообще не представляю, как Тоттенхем может поддерживать знакомство с кем-то вроде него.

— Я слышала, Борн по-прежнему управляет тем скандальным клубом. Как по-твоему, о чем это говорит?

— Ни о чем хорошем. Борн порочен, как сам грех, в точности как все те мужчины, что посещают это злочное место.

Пенелопа с трудом удержалась от желания повернуться и сказать сплетницам, что их мужья отдали бы свою левую руку за возможность сделать ставку в «Падшем ангеле».

— Говорят, он охотится за приглашениями этого сезона. И готов вернуться в общество. Все это из-за нее.

Пенелопа подобралась чуть поближе — поднялся ветер и стало хуже слышно.

— Леди Холлоуэй сказала кухне моей матери, что за обедом на прошлой неделе он не мог оторвать от нее рук.

— Я тоже это слышала. А ты видела сегодня утром «Скандальный листок»?

— Можешь в такое поверить? Брак по любви! С Пенелопой Марбери! Как мужчина вроде него мог потерять голову из-за такой скучной девицы, как она?! Она не сумела удержать даже холодного занудливого Лейтона.

Обе сплетницы захихикали, а Пенелопа зажмурилась.

— Ну правда. Порочный, как сам грех, и в два раза красивее — даже с этим глазом. Как ты

думаешь, где его подбили?

— Мне рассказывали, что у них в «аду» бывают кулачные бои. Хвастаются, что они могут посоперничать с боями гладиаторскими.

— Ну, признаюсь честно, я бы не отказалась полечить его раны... — слышался мечтательный вздох.

Пенелопа боролась с желанием показать паршивке, какие раны можно нанести человеку.

— Может, Пенелопа тебе что-нибудь подскажет, и ты попробуешь поймать кого-нибудь еще из членов клуба.

Жестокий смех растаял вдалеке. Пенелопа обернулась и, сжав кулаки, посмотрела вслед сплетницам, но со спины их не узнала. Впрочем, даже если бы и узнала, вряд ли стала бы что-нибудь предпринимать.

Она со свистом втянула в себя обжигающе холодный воздух, пытаясь справиться с душившими ее эмоциями.

— Леди Борн.

Пенелопа резко обернулась, услышав это все еще странное для нее обращение, и увидела, что к ней приближается Донован Уэст. По газетчику сложно было понять, слышал ли он разговор сплетниц, но Пенелопа почти не сомневалась, что слышал.

— Мистер Уэст, — отозвалась она, прогоняя прочь мысли о собственном занудстве и старательно улыбаясь. — Какой сюрприз.

— Моя сестра потребовала, чтобы я ее сопровождал, — сказал он, указывая на группу юных девушек неподалеку. — И должен признаться, я испытываю слабость к зимним видам спорта. — Он предложил Пенелопе руку и показал на торговца. — Не желаете отведать каштанов?

Пенелопа тоже посмотрела в ту сторону. Парок, поднимавшийся от тележки с каштанами, закрывал лицо торговца.

— С большим удовольствием, спасибо. — Они медленно брели в сторону лотка, Пенелопа неуклюже ковыляла на своих коньках, но мистер Уэст, как истинный джентльмен, не обращал на это внимания. — У меня тоже есть сестры.

Пенелопа подумала о Пиппе, о том, что она покорно решила выйти замуж за Каслтона, хотя он ей и не интересен, — и все по неправильным причинам.

— Назойливые создания, правда?

Пенелопа вымученно улыбнулась:

— Поскольку я и сама сестра, от ответа мне лучше воздержаться.

— Справедливо. — После короткой паузы блондин-газетчик добавил, явно поддразнивая: — Мне кажется, что брак с Борном любую сестру превратит в назойливую.

Пенелопа улыбнулась:

— Считайте, что вам повезло, поскольку вы не мой брат.

Он заплатил торговцу, протянул Пенелопе пакет с жареными каштанами, подождал, пока она откусит от одного, и сказал:

— Вы отлично справляетесь. И к тому же демонстрируете куда лучшую технику, чем можно ожидать от леди.

Они говорили вовсе не о коньках, уж это-то Пенелопа понимала, но что именно он имеет в виду? Сплетни о ней и Борне? Их фальшивый брак? Или что-то еще более опасное?

Она снова откусила от каштана, наслаждаясь сладкой мякотью и одновременно обдумывая ответ.

— Мне всегда нравилось удивлять окружающих.

Он тепло улыбнулся:

— Это так, миледи. И если мне будет позволено высказать свое мнение, то Борн счастливчик, сумев вас все же добиться. С нетерпением жду наших встреч во время сезона; о вашей паре в Лондоне говорят больше всего, а мои обозреватели просто в восторге от того, что вы в городе.

Понимание обрушилось на нее, как ледяной ветер.

— Ваши обозреватели?..

Он кивнул, усмехнувшись себе под нос:

— «Скандальный листок» — одна из моих газет.

— Сегодняшняя статья... — Пенелопа недоговорила.

— Побледнеет в сравнении с той, где будет описано ваше умение кататься на коньках.

— Пенелопа описывала вокруг меня круги на катке с тех пор, как научилась стоять на ногах.

Голос Майкла испугал ее, она резко повернулась, от неожиданности потеряв шаткое равновесие, и рухнула прямо в его раскрытые объятия, словно он все это отрепетировал заранее. Майкл прижал ее к себе, и она невольно пискнула.

— Что сразу бросается в глаза по моему исключительному изяществу в данный момент, — заметила Пенелопа.

Майкл тепло засмеялся, и этот смех рокотом отозвался в ее теле. Очень приятным образом. Она чуть отодвинулась и посмотрела ему в глаза.

Не отводя от нее взгляда, он сказал:

— Это одна из многих причин, по которым я на ней женился. Уверен, винить меня за это нельзя, Уэст.

Зардевшись, Пенелопа обернулась к газетчику. Тот склонил голову и произнес:

— Ни в малейшей степени. У вас и в самом деле счастливый брак. — Он подмигнул Пенелопе.

— Супруга вам определенно очень предана. — Глянув куда-то в сторону, он приподнял шляпу и коротко поклонился Пенелопе. — Боюсь, я слишком долго пренебрегал сестрой. Леди Борн, для меня большая честь покататься с вами.

Она присела в реверансе. Когда Уэст уехал, она снова повернулась к Майклу и до шепота понизила голос:

— Этот человек знает, что за нашим браком кроется куда большее, чем любовь.

Он наклонился к ней и тоже зашептал:

— Разумеется, Уэст знает. Он один из самых умных людей в Британии. Возможно, самый умный и к тому же один из самых успешных. Но он сохранит нашу тайну.

— Он журналист, — напомнила Пенелопа.

— Уэст никогда не будет спекулировать на нашем браке в печати.

Пенелопа ему не поверила. Правда об их браке вызовет невероятный скандал!

— Откуда ты его знаешь?

— Он любит играть в кости.

— Вряд ли самый умный человек в Британии будет получать такое удовольствие от игры случая.

— Еще как будет, если он дьявольски удачлив.

— Непохоже, чтобы тебя тревожило то, что он в курсе наших дел.

— Потому что я не тревожусь. Мне известно слишком много его секретов, поэтому он не выдаст мои.

— Но с радостью поделится тайнами Томми?

Майкл искоса глянул на нее.

— Давай не будем об этом.

Пенелопа настойчиво сказала:

— Ты все еще собираешься уничтожить его?

— Не сегодня.

— В таком случае когда?

Он вздохнул.

— Не раньше, чем через неделю, как и обещал.

— Майкл...

— Я купил этот день, жена, и оплатил его. Больше никаких разговоров. — Он сунул руку в

пакет, бросил целый каштан в рот, тут же выпучил глаза и втянул в себя побольше воздуха. — Горячо!

— Если бы ты попросил, а не хватал без спроса все, что захочешь, я бы тебя предупредила.

Его бровь поползла вверх.

— Никогда не проси. Бери то, что хочешь и когда хочешь.

— Еще одно правило негодяев?

Он кивнул, оценив колкость.

— Это часть удовольствия.

Сказанное вызвало воспоминание — он перекидывает ее через плечо в ту первую ночь... ночь, изменившую все.

Пенелопа вздернула подбородок. Нет уж, он ее не смутит.

— Да, я выяснила это вчера ночью в твоем клубе, когда выиграла в рулетку.

Его брови взлетели вверх, и ее охватила гордость за себя.

— Это игра случая. Не требует никакого мастерства.

— Только везение, — парировала она.

Он улыбнулся и стал в сто раз красивее, чем позволительно мужчине.

— Идем, жена. Давай прокатимся по озеру.

Он взял у нее пакет с каштанами, сунул его в карман и повел Пенелопу к катку. Она снова вернулась к разговору о тайнах:

— Значит, вот как это делается? Ты меняешь секрет на секрет?

— Только если должен.

— Только как средство к достижению цели.

Она сказала это скорее себе, чем ему.

— Я понимаю, что не вращался среди аристократов десять лет, но Лондон остается Лондоном, верно? А информация по-прежнему является самым ценным капиталом.

— Полагаю, да. — Ей не нравилось, как для него все просто. Какой он бесчувственный. Как легко хранит тайны. Но Пенелопа выдавила из себя улыбку, понимая, что за ними наблюдает весь Лондон. Как это мерзко — ощущать себя выставочным экспонатом. — С тобой и Лэнгфордом тоже так?

Майкл помотал головой:

— И никакого Лэнгфорда сегодня. У нас сделка.

— Я на нее не соглашалась.

— То, что ты не вышвырнула меня из кареты по пути сюда, и есть молчаливое согласие, — сухо произнес он. — Но если хочешь формального соглашения, я приму в знак доброй воли твой залог.

— У меня нет никаких залогов.

— Не страшно, — усмехнулся он. — Можешь воспользоваться моим.

Она резко взглянула на него.

— Ты имеешь в виду — я могу вернуть твой?

— Всего лишь вопрос терминологии.

Пенелопа невольно улыбнулась, сунула руку в карман плаща, где хранила его гинею, и вытащила монету.

Пенелопа опустила гинею в его протянутую ладонь и проследила взглядом, как он прячет ее в свой карман, а затем отвернулась, глядя на Пиппу, хохочущую в кружке молодых женщин.

— Лорд Каслтон сделал Пиппе предложение.

Он не шелохнулся.

— И?

— И Она скажет «да». — Он не ответил. — Но они — неудачная пара. Она заслуживает шанса на большее.

— Она не обязана говорить «да».

Пенелопа искоса посмотрела на него.

— Я удивлена, что ты это говоришь. Разве не в твоих интересах как можно быстрее выдать ее замуж?

Он смотрел в сторону и долго молчал.

— Ты же знаешь, что в моих. Но я не считаю нужным выдавать ее силой.

— Только меня?

— Пенелопа, — начал было он, но она оттолкнулась и быстро покатилась вперед, чувствуя, как холодный ветер овеивает ее щеки, желая никогда не останавливаться, укатить прочь от этой странной, навязанной ей жизни. Она обогнула большую группу людей, и тут он нагнал ее и взял за руку, замедляя скольжение. — Пенелопа, — повторил он. — Пожалуйста.

Наверное, все дело было в слове. В мягкости, с которой он его произнес. Будто она могла сделать вид, что не слышит, и он бы ее отпустил. Но Пенелопа остановилась и повернулась к нему. Из-под коньков полетела ледяная крошка.

— Предполагалось, что я это остановлю, — заговорила она, понимая, что вкладывает в слова

слишком много чувств. — Предполагалось, что с моей помощью у них будет совсем другая жизнь. Браки, построенные на большем, чем только...

— Чем только щедрое приданое.

Пенелопа отвернулась.

— Предполагалось, что у них шансы на удачу будут выше, чем у нас. Ты дал мне свой залог.

— По крайней мере у одной — будут. — Майкл показал на дальний конец озера. Пенелопа проследила за его рукой и увидела Оливию и Тоттенхема, погруженных в беседу, румянец на щеках Оливии и широкую улыбку на лице Тоттенхема. — У него огромное состояние, а репутация достаточно незапятнанная, чтобы однажды его назначили премьер-министром. Если они договорятся, это будет грандиозный брак.

— Они одни? Вдвоем? — Пенелопа заскользила в их сторону. — Майкл, мы должны вернуться!

Он взял ее за руку, замедляя скольжение. Майкл держал ее крепко, и она перестала сопротивляться, и тогда он начал кружиться, так что у нее не осталось выбора, только следовать за ним, глядя ему в лицо. А затем он обнял ее, словно они танцевали, и заскользил в некоем подобии вальса, пока они не откатились достаточно далеко от подслушивающих ушей.

— На нас все смотрят!

— Пусть их. — Он обнимал ее крепко и шептал на ухо: — Ты помнишь, каково это — проводить первые, самые трепетные минуты наедине со своим кавалером, когда у тебя просто дыхание обрывается?

— Нет! — Пенелопа попыталась вырваться. — Майкл, мы должны вернуться.

Он продолжал медленно кружить ее.

— Мы вернемся через несколько минут. А пока ответь на вопрос. За тобой многие ухаживали?

— За мной никогда не ухаживали. Во всяком случае, не до потери рассудка.

Невозможно поверить, что она призналась ему в этом!

— Разве твой герцог не добивался тебя изо всех сил?

Пенелопа рассмеялась.

— Ты когда-нибудь встречался с герцогом Лейтоном? Он не из тех, кто стремится добиваться.

— А другие?

— Какие другие?

— Другие женихи, Пенелопа. Наверняка хоть один из них старался...

Она помотала головой и огляделась в поисках сестер, страшно боясь, что их сейчас заметят. Филиппа стояла в самой середине сверкающего катка в группе девушек. — За мной никогда не ухаживали так, чтобы у меня оборвалось дыхание.

— Даже Томми?

Нет. Она должна была это сказать, но не хотела. Не хотела предавать друга. Не хотела, чтобы Майкл понял — она для всех была всего лишь средством достижения цели... в том числе и для Томми.

— Я думала, сегодня мы не говорим о Томми.

— Ты его любишь?

В его голосе звучала настойчивость, и Пенелопа поняла, что он не отстанет, пока она не ответит. Она пожала плечом:

— Он близкий друг. Конечно, он мне небезразличен.

Его глаза потемнели.

— Я вовсе не об этом, и ты это знаешь.

Пенелопа не стала делать вид, что не понимает. Она сказала ему правду, хотя и знала, что этим признанием даст ему в руки власть, но ей было уже все равно, потому что она хотела хоть чего-нибудь настоящего в их отношениях.

— От него у меня дыхание тоже не обрывалось.

Мимо прокатился маленький ребенок, не старше четырех-пяти лет, следом за ним скользили извиняющийся отец и хохочущая мать, сделавшая в их сторону реверанс. Пенелопа улыбнулась и помахала им, а потом негромко произнесла:

— Возможно, в этом и заключается проблема. Может быть, я слишком долго ждала, когда оборвется дыхание, и пропустила... ну... все остальное.

Он ничего не ответил. Она подняла глаза и увидела, что он смотрит вслед той же веселой семье. Майкл долго молчал, а потом очень серьезно посмотрел на Пенелопу, и она не смогла отвести глаз. Они все кружились и кружились в подобии вальса, и в воздухе между ними словно что-то сместилось.

— Я очень счастлив, что ты не вышла за Лейтона, или за Томми, или за любого другого, не умеющего ухаживать, Шестипенсовик.

Никто, кроме Майкла, никогда не называл ее Шестипенсовиком, глупым прозвищем, которым наградил ее много лет назад, заявив, что для него она дороже пенни.

В то время это прозвучало очень мило — прелестная шутка, чтобы заставить ее улыбнуться. И сейчас ничего не изменилось.

У нее вдруг потеплело на душе, но сразу следом возникли вопросы, куда более серьезные, чем это прозвище:

— Это честно? Или это фальшивая честность? Кто ты сейчас? Ты настоящий? Или некое подобие мужчины, которого, по твоему мнению, они хотят в тебе видеть? Только не говори мне, что это не имеет значения, потому что сейчас... вот в эту самую минуту... это важно. — Ее голос стал совсем тихим. — Хотя я не знаю точно почему.

— Это правда.

И может быть, она в очередной раз выставила себя дурачком, но Пенелопа ему поверила. Они долго стояли там, его глаза в пятнышках серого, золотого и зеленого напряженно смотрели на нее, словно они остались на этом озере только вдвоем, словно весь Лондон не хохотал и не скользил вокруг них, и Пенелопа вдруг подумала — а что могло бы случиться, не будь тут Лондона? Или Лондон просто перестал бы что-то значить?

Майкл был так близко, исходивший от него жар — таким настоящим и искушающим, и она подумала, что сейчас он ее поцелует.

Нет.

Она отпрянула раньше, чем он успел это сделать.

Она не вынесет, если окажется, что он просто опять ее использует.

Пошел снег, припудрил поля его шапки в тонкую полоску и плечи прекрасно сшитого пальто.

— Я должна вернуться к Оливии до того, как они с Тоттенхемом решат бежать. — Пенелопа помолчала. — Спасибо за этот день.

Она повернулась и покатила прочь, остро ощущая утрату. Неправильно, что он может заставить ее так сильно его желать — так быстро, одной-единственной мягкой улыбкой или добрым словом.

Она становится слабой рядом с ним.

А он такой сильный.

— Пенелопа, — окликнул он. Она обернулась и наткнулась на его взгляд. В карих глазах сверкало что-то опасное. — День еще не закончился.

И на какой-то миг Пенелопе вдруг показалось, что у нее оборвалось дыхание.

Глава 16

«Дорогой М.!

Я абсолютно не сомневалась, что этот сезон будет ужасным, но он оказался еще хуже, чем я думала. О, я могу выдержать сплетни, шепотки за спиной, то, что я стала невидимой для всех тех завидных женихов, что наперебой приглашали меня на танец, но видеть герцога и его новую красавицу герцогиню — вот это тяжело.

Они так сильно любят друг друга; кажется, даже не замечают преследующие их разговоры. А вчера в дамском салоне я услышала, ЧТО она в положении.

Так странно видеть кого-то, проживающего жизнь, которая могла бы стать твоей. Еще более странно тосковать об этой жизни и в то же время восхвалять свободу от нее.

Без подписи.

Долби-Хаус, апрель 1824 года».

Письмо не отослано.

Право же, весьма странное занятие — ухаживать за собственной женой. Такие вещи обычно предполагают, что будут свечи, уютная спальня и час-другой сладострастных шепотков. А на деле оказалось, что ухаживание за женой включает в себя ее сестер, ее довольно нелепую мать, пять отцовских собак и игру в шарады.

Он впервые играл в шарады после того, как восемнадцать лет назад уехал из Суррея в школу.

— Ты совершенно не обязан оставаться, — сказала нежным голосом Пенелопа, сидевшая рядом с ним на кушетке в гостиной Долби-Хауса.

Он откинулся на спинку кушетки, скрестил лодыжки.

— Я сыграю в шарады с таким же удовольствием, как и любой другой.

— Мой опыт подсказывает, что мужчины просто обожают салонные игры, — сухо ответила она. — Имей в виду, день уже закончился, наступил вечер.

Намек на то, что она расплатилась сполна... что его время вышло, оказался слишком толстым. Он посмотрел прямо в голубые глаза.

— Пока еще идет время после полудня, Шестипенсовик. — Борн понизил голос. — По моим подсчетам, у меня есть еще как минимум пять часов с тобой — в том числе и ночью.

Она вспыхнула, и он с трудом подавил порыв заняться с ней любовью прямо здесь — сорвать платье, которое идет ей даже чересчур, и голой уложить на кушетку, на которой они сидят.

Но ее семья скорее всего этого не одобрит.

За этот день он уже не в первый раз мечтал о том, чтобы ее раздеть, и даже не в десятый. Пожалуй, даже и не в сотый.

Что-то случилось там, на катке, что-то, к чему он не был готов.

Ему понравилось кататься с ней и поддразнивать ее, и смотреть на нее с сестрами, и каждая из них была на свой лад очаровательной. И ему невыносимо хотелось протянуть к ней руку и показать всем, что она — его жена! Но стоило ему попытаться, она тут же отвернулась — с блистательной силой духа! — и прелестно вздернула подбородок, отказываясь соглашаться на меньшее, чем заслуживает.

Когда она покатилась прочь, он, словно прикованный взглядом, смотрел, как она пересекает Серпентайн, и ему потребовалось все самообладание, чтобы не кинуться за ней следом и не удержать ее там, на месте, таком далеком от реальности их брака.

А когда они катались вдвоем, он от души наслаждался, держа ее в своих объятиях, восхищался тем, как она ему улыбнулась, когда он выхватил каштан у нее из пакета. А когда она, широко распахнув глаза, потребовала сказать ей правду, он был просто счастлив ответить ей со всей честностью.

Он понимал — Пенелопа ожидала, что он откажется от приглашения поиграть в шарады. Наверное, так и следовало сделать. Но внезапно он обнаружил, что еще не готов уйти от нее — более того, ему этого совсем не хочется. И теперь он сидит тут, в гостиной, в семейной идиллии, и ждет, когда начнется игра.

В комнату вошли ее сестры — Филиппа несла миску, наполненную узкими полосками бумаги. Следом трусил большой коричневый пес. Он подбежал прямо к кушетке, протиснулся между ним и Пенелопой, дважды повернулся и улегся, положив голову Пенелопе на колени и упершись в бедро Майкла задом. Майкл подвинулся, освобождая собаке место, а Пенелопа рассеянно потрепала пса за уши. Пес вздохнул, подsunул голову под ее ладонь, и Майкла внезапно охватила ревность. Он кашлянул, раздражаясь на то, что завидует собаке, и спросил:

— И сколько всего собак живет в доме?

Пенелопа, вспоминая, наморщила носик, и выражение ее лица — отголосок их детства — потрясло его так, что ему немедленно захотелось пальцем разгладить морщинки на этом дерзком носике.

— Десять? Одиннадцать? — Она пожала плечами, едва заметно, но так мило. — Честно говоря, я давно сбилась со счета. Это Брут.

— Похоже, он тебя любит.

Она улыбнулась:

— Он любит внимание.

Майкл решил, что, как это ни глупо, но он бы с радостью отдал свою долю в «Ангеле» за то, чтобы она вот так же нежно и ласково гладила по голове его.

— Вы видели, какой Тоттенхем статный! И такой красивый! — выпалила Оливия, усевшись в кресло рядом с Майклом и наклонившись к нему. — Я понятия не имела, что зять с такой репутацией, как у вас, может быть знаком с таким потрясающим потенциальным мужем!

— Оливия! — У маркизы Нидэм и Долби был такой вид, будто она сейчас скончается на месте от стыда. — Такие вещи не обсуждают с пэрами!

— Даже с зятьями?

— Даже с ними! — Голос леди Нидэм взлетел на несколько октав. — Здесь уместно принести извинения!

Пиппа подняла глаза от миски с полосками бумаги, приготовленными для шарад, и поправила очки.

— Она не хотела сказать, что у вас дурная репутация, милорд. Она просто...

— Ну ладно, хватит, — вмешалась Пенелопа. — Играем? Оливия, ты первая.

Похоже, Оливия только рада была начать игру. Она подошла к большому камину, вытащила полоску бумаги, прочитала ее и поджала губы, обдумывая стратегию.

Однако вместо того чтобы пантомимой изобразить задание, она подняла глаза и спросила:

— Как вы думаете, Тоттенхем купит мне очень большое обручальное кольцо?

— «Женитьба Фигаро», — само собой разумеющимся тоном сказала Пенелопа.

— Я всегда любила рубины, лорд Борн. Полагаю, они идут к моему цвету лица. Это так. На случай если к слову придется. С кем-нибудь.

Тоттенхем определенно здорово влип.

— О, я даже не сомневаюсь, что случай подвернется очень скоро, — сухо произнесла Пенелопа.

— О чем еще говорить таким мужчинам, как Борн и Тоттенхем, как не о драгоценностях и дамском цвете лица?

— Ты сильно удивишься, узнав, о чем мы только не разговариваем, — с серьезным видом предупредил он жену, и она снова рассмеялась. — Я буду помнить, что вы предпочитаете рубины, леди Оливия.

Она улыбнулась:

— Смотрите не забудьте.

— Я не уверена, что драгоценные камни могут подчеркивать цвет лица, — задумчиво сказала Пиппа. — Играем.

— Филиппа, мы пригласили лорда Каслтона на завтрашний ленч, — объявила маркиза. — Надеюсь, после обеда вы двое выкроите время для прогулки.

— Это будет славно, мама. — Пиппа даже глазом не моргнула. — Пять слов.

— Тоттенхема на ленч не пригласили, — надула губы Оливия.

— Ты не должна разговаривать, Оливия, — сказала Пиппа. — Но поскольку ты произнесла ровно пять слов, все прекрасно.

Майкл улыбнулся, услышав это остроумное замечание, но не мог не отметить полное отсутствие интереса в ответе свояченицы. Очевидно, что она не хочет выходить за Каслтона. Впрочем, винить ее за это не приходится; Каслтон полный идиот. Борну потребовалось всего несколько часов, чтобы понять — Пиппа намного умнее большинства мужчин, и брак с Каслтоном будет для нее ужасным. Разумеется, брак с Каслтоном будет ужасным для любой девушки, но Филиппу он просто погубит. А Пенелопа возненавидит его за то, что он не принял никаких мер.

Майкл взглянул на жену. Она пристально за ним наблюдала. Пенелопа нагнулась к нему.

— Ты это предотвратишь?

Он заколебался. Каким же образом?

От необходимости отвечать его спасла повернувшаяся к ним Филиппа.

— Что за ерунда? Вы это видите?

Он не обращал внимания, но Оливия, оказывается, показывала пантомиму: по очереди то хлестала кого-то кнутом, то корчила гримасу, плотно зажмурившись, оскалив зубы и

распластав пальцы по обеим сторонам рта.

— «Запрячь кальмара»! «Выпороть солнце»! — гордым тоном выкрикивала маркиза, вызывая смех у всех остальных.

— Пьесу под названием «Запрячь кальмара» я бы прочитала с огромным удовольствием, — хихикнула Пиппа и повернулась к Пенелопе. — Пенни, ну в самом деле. Нам нужна твоя помощь.

Пенелопа внимательно всмотрелась в Оливию, и Майкл с трудом смог отвести от нее взгляд, зачарованный такой сосредоточенностью. Интересно, каково это — вызвать к себе такой интерес? Или такую удовлетворенность? Снова вспыхнула ревность, и он мысленно выругал себя. Взрослые мужчины не должны ревновать к собакам или к свояченицам.

— «Укрощение строптивой».

Оливия остановилась.

— Да! Спасибо, Пен. Я уж начала чувствовать себя глупо.

— О, чушь. Хотела бы я посмотреть, как ты станешь это изображать. Кто следующий?

— Очередь Пенни. Она догадалась первой.

Пенелопа встала, расправила юбки и направилась к импровизированной сцене. Майкл смотрел, как она вытаскивает полоску бумаги и разворачивает ее. Она надолго задумалась, затем что-то придумала, и лицо ее просияло.

Пенелопа подняла вверх три пальца, и он сразу представил себе, как они прикасаются к его щекам, к подбородку, к губам.

— Три слова!

Пенелопа застыла, отдала честь сестрам и с очень прямой спиной начала маршировать по сцене. Полные груди натянули ткань платья.

— Маршировка!

— Солдаты!

Пенелопа рукой сделала подтверждающий жест.

— Наполеон!

Она изобразила стрельбу из ружья, и внимание Майкла приковалось к тому месту, где плечо переходит в шею, — к нежной ямке, которую он жаждал поцеловать... к местечку, которое он целовал бы в другое время в другом месте, будь он другим человеком.

Человеком, которого она могла бы любить.

Если бы их брак был построен не на мести, а на чем-то другом.

Майкл не хотел, чтобы Пиппа победила. Он хотел победить сам. Произвести впечатление на Пенелопу.

— Одиссей, — сказал он.

Пенелопа заулыбалась широко и радостно, захлопала в ладоши и ликующе подпрыгнула пару раз, затем снова изобразила стрельбу из ружья и начала маршировать по маленькой сцене. Затем резко повернулась и показала прямо на Майкла. Внимание всех присутствующих обратилось на него. Он напрягся и ощутил себя настоящим героем, догадавшись:

— Троянская война!

— Да! — радостно выдохнула Пенелопа. — Отлично, Майкл!

Он не удержался от бахвальства:

— И правда здорово, да?

Пенелопа улыбнулась, но что-то в ее взгляде не понравилось Майклу — что-то, похожее на грусть. И виноват в этом только он. До него она была намного счастливее. До него она улыбалась и смеялась, и играла со своими сестрами в разные игры, не вспоминая о своей невезучей судьбе.

Пенелопа подошла к кушетке, и он встал ей навстречу.

— Я бы никогда не оставил мою Пенелопу на годы. Испугался бы, что кто-нибудь ее у меня отнимет.

Теща на другом конце комнаты громко вздохнула, а новоиспеченные сестры расхохотались. Майкл поднес руку Пенелопы к губам и легонько поцеловал.

Оливия тем временем объявила:

— Лорд Борн, ваша очередь!

Он не отводил взгляда от Пенелопы.

— Боюсь, становится поздно. Пожалуй, я отвезу жену домой.

Леди Нидэм вскочила на ноги. С ее колен, твякнув, свалилась маленькая собачка.

— О, побудьте еще немножко! Мы все так рады вашему визиту!

Майкл взглянул на Пенелопу, желая только одного — утащить ее обратно в свою преисподнюю, но оставляя право решать за ней. Она повернулась к матери:

— Лорд Борн прав. — Его охватило ликование. — День был долгим. Я хочу домой.

С ним.

Ликование захлестнуло его, и он с трудом подавил порыв перекинуть ее через плечо и унести из комнаты. Сегодня ночью она позволит прикоснуться к себе. Добиваться себя.

В этом он был уверен.

Завтрашний день остается под вопросом, но сегодня... сегодня ночью она будет его.

Даже если он этого не заслуживает.

«Дорогой М.!

Сегодня Виктория и Валери вышли замуж за весьма посредственных мужей. Двойная свадьба. У меня нет никаких сомнений — их возможности были ограничены из-за моего скандала, и я с трудом могу проглотить гнев и несправедливость всего этого.

Кажется таким нечестным, что одни из нас получают жизнь, наполненную счастьем, любовью и чувством товарищества, и всем тем, о чем нам даже мечтать не велят, потому что это встречается слишком редко, и это вовсе не то, чего следует ожидать от доброго английского брака.

Я знаю, что зависть — это грех и страстные желания тоже. Но не могу перестать хотеть того, что есть у других. И для себя, и для моих сестер.

Без подписи.

Долби-Хаус, июнь 1825 года».

Письмо не отослано.

Она начинает влюбляться в собственного мужа.

Пугающее осознание пришло, когда он помог ей забраться в карету, сел рядом и дважды стукнул по крыше, давая сигнал кучеру.

Она влюблялась в ту его часть, что каталась на коньках, играла в шарады, дразнила ее игрой слов и улыбалась так, будто она единственная женщина на земле. Она влюблялась в доброту, прятавшуюся под грубоватой внешностью.

А какая-то ее часть, скрытая и незаметная, начинала любить и все остальное в нем. Она не знала, как умудрилась полюбить его целиком. Его слишком много. Пенелопа вздрогнула.

— Замерзла? — спросил он, уже укутывая ее одеялом.

— Да, — соврала она, прижимая к себе шерстяное одеяло и пытаясь не забыть, что этот мужчина, этот самый добрый, заботливый человек, беспокоящийся о ее удобстве, — это всего лишь одна сторона ее мужа.

Та, которую она любит.

— Скоро будем дома, — пообещал он, придвигаясь ближе и обнимая ее за плечи теплой, словно стальной рукой. Как она любит его прикосновения! — Тебе понравился сегодняшний день?

Все в ней затрепетало — вопрос прозвучал как обещание, и щеки ее невольно порозовели, как она ни старалась отдалиться от него и чувств, которые он в ней вызывал.

— Да. Играть в шарады с моими сестрами всегда весело.

— Мне твои сестры понравились. — В темноте это прозвучало совсем негромко, скорее

пророкотало. — Я с радостью принял участие в игре.

— Я думаю, они обрадовались, что у них появился брат, который им по душе, — отозвалась Пенелопа, думая о своих зятях. — Мужья Виктории и Валери менее интересны.

— Мне понравилось играть в шарады. Все равно что стать частью семьи, — неожиданно признался ее муж.

Это прозвучало так искренне и так неожиданно, что на глаза Пенелопы навернулись непрошеные слезы. Она поморгала, прогоняя их, и сказала просто:

— Тебе всегда будут рады у моих сестер, милорд. Я уверена, что обе они с удовольствием примут тебя как брата... да еще учитывая твою дружбу с лордом Тоттенхемом и... — Пенелопа внезапно замолчала.

— И? — подтолкнул ее он.

Она вздохнула.

— И тем, что ты можешь помешать Пиппе стать леди Каслтон.

Майкл тоже вздохнул, откинул голову на спинку сиденья.

— Пенелопа... не так-то это просто.

Она замерла. Высвободилась из его объятий и сразу ощутила холод.

— Ты имеешь в виду это не послужит твоим целям?

— Не послужит.

— Почему для тебя так важно быстрее выдать их замуж? — Он молчал, и Пенелопа сама заполнила молчание: — Я пыталась понять, Майкл... но не вижу смысла. Как одно связано с другим? У тебя уже есть доказательство того, что Томми незаконнорожденный... — И внезапно поняла. — У тебя его еще нет, верно?

Он не отвел глаз, но и не сказал ничего. В голове у нее вихрились мысли, она пыталась уловить смысл соглашения, того, как это все было организовано, логики происходящего. А собственно, кто участники этого договора?

— У тебя его нет, оно у моего отца. И ты рассчитаешься с ним тем, что выдашь замуж его дочерей. Товарообмен.

— Пенелопа... — Он подался к ней.

Она прижалась к дверце кареты, отодвинувшись от него как можно дальше.

— Будешь отрицать?

Он оцепенел.

— Нет.

— Значит, вот оно что, — с горечью произнесла она. — Мой отец и мой муж вступили в заговор,

чтобы сбыть с рук и моих сестер, и меня. Ничего не меняется. И выбор прост, да? Или репутация моих сестер, или друга. Или один, или другие.

— Сначала так оно и было, — согласился он. — Но сейчас... Пенелопа, я не позволю погубить твоих сестер.

Она вскинула бровь.

— Простите, что я вам не верю, милорд, поскольку с момента нашей встречи вы слишком часто угрожали этим самым репутациям.

— Больше никаких угроз. Я хочу, чтобы они были счастливы. Чтобы ты была счастлива.

Он может сделать ее счастливой. Звучит заманчиво. Мысль пронеслась в голове, и у Пенелопы не возникло ни тени сомнения. Этот мужчина умеет сосредоточиться только на чем-то одном, и если он решит наполнить ее жизнь счастьем, то непременно преуспее. Но это на карту не поставлено.

— Отомстить ты хочешь больше.

— Я хочу и того, и другого. Я хочу получить все.

Пенелопа, внезапно почувствовав раздражение, отвернулась и заговорила в окно кареты:

— О, Майкл, кто и когда сказал тебе, что ты можешь получить все?

Они целую вечность ехали молча, а когда карета остановилась, Майкл вышел и повернулся, чтобы помочь спуститься ей. И пока он стоял там в тени кареты, с протянутой к ней рукой, ей вспомнилась та ночь в Фальконвелле, когда он предложил ей свою руку и свое приключение, и она приняла все, думая, что перед ней по-прежнему тот мальчик, которого она когда-то знала.

Но это не так. От того мальчика ничего не осталось... он превратился в мужчину, состоящего из двух половин — добрый защитник и порочный испытатель. Ее муж.

И, да поможет ей Господь, она его любит. Как ни странно.

Все эти годы она ждала этой минуты, этого откровения, уверенная, что оно полностью изменит ее жизнь, и от восторга расцветут цветы и запоют птицы. Но любовь эта получается какая-то сложная. Скорее мучительная.

Пенелопа вышла из кареты сама, не опираясь на его сильную, обтянутую перчаткой руку, поднялась по ступеням и вошла в холл городского дома, где не было ни единого слуги. Майкл шел следом, но она, не задержавшись ни на мгновение, направилась напрямик к лестнице и стала подниматься вверх.

— Пенелопа, — позвал он ее снизу, и она зажмурилась, не желая слышать свое имя, срывающееся с его уст и своей нежностью причиняющее ей такую боль.

Она не остановилась.

Он медленно шел следом, сначала по лестнице, затем по длинному темному коридору до ее спальни. Она оставила дверь открытой, зная, что он войдет, даже если она запрется изнутри, и пошла к туалетному столику, на ходу снимая перчатки и аккуратно положив их на стул. Он закрыл дверь за собой и повторил:

— Пенелопа. — В голосе прозвучала твердость, требующая повиновения.

Ну, с повиновением она покончила.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Она не дрогнула. И не ответила.

— Пенелопа... — Его голос замер. Краем глаза она заметила, что он запустил пальцы в волосы, взъерошив их — так красиво, так нехарактерно для него. — Я десять лет жил этой жизнью. Мечь. Возмездие. Это меня питало — поддерживало меня.

— Ты ошибся, — сказала она, подходя к умывальнику у окна. — Это тебя отравило.

— Может быть.

Она налила в таз холодной, чистой воды и опустила в него ладони, глядя, как они бледнеют и расплываются на фоне фарфора. Вода меняет их истинный вид. И заговорила она, обращаясь к этим чужим конечностям:

— Ты ведь знаешь, что это не поможет, верно? — Майкл не ответил, и она продолжила: — Знаешь, что, осуществив свою драгоценную мечь, ты захочешь чего-нибудь еще. Фальконвелл, Лэнгфорд, Томми... что потом? Что будет следующим?

— Потом жизнь. Наконец-то, — просто ответил он. — Жизнь, избавленная от призрака этого человека и того прошлого, которым он меня наградил. Жизнь без возмездия. — Он помолчал. — Жизнь с тобой.

Сказав это, он оказался рядом — ближе, чем она предполагала. Пенелопа вынула руки из воды и повернулась. Слова обожгли — причинили ей настоящие мучения. Именно их она так отчаянно хотела услышать... с самого начала их брака... может быть, задолго до него. Может быть, с тех пор, как начала писать ему письма, зная, что он их никогда не получит. Но как бы сильно она ни хотела их услышать, оказалось, что поверить в них она не может. j

— Ты ошибаешься. Ты не изменишься. Ты просто останешься во тьме, закутавшись в свое отмщение. — Она помолчала, зная, что ему просто необходимо услышать то, что она скажет дальше. А ей — сказать это. — Ты будешь несчастлив, Майкл. И я буду несчастлива с тобой.

Его челюсть напряглась.

— А ты у нас такой эксперт? Ты, со своей праведной жизнью, там, далеко в Суррее, ни мгновения риска, ни единой пометки на твоём безупречном, добродетельном имени. Ты ничего не знаешь о гневе, о разочаровании, о душевном опустошении. Не знаешь, каково это, когда твою жизнь выдернут из-под тебя и когда ты хочешь только одного — наказать человека, сделавшего это!

Негромкий голос разорвал тишину в комнате, как пушечный выстрел, и Пенелопа поняла, что больше не может сдерживаться.

— Ты... страшный... эгоист. — Она шагнула к нему. — Думаешь, я не знаю, что такое разочарование? Думаешь, я не испытывала разочарования, когда все вокруг — подруги, сестры — выходили замуж? Думаешь, я не испытывала душевного опустошения, когда обнаружила, что мужчина, за которого я собиралась выйти замуж, любит другую? Думаешь, я не

испытывала отчаяния каждый день, просыпаясь в отцовском доме и понимая, что никогда не достигну счастья... никогда не обрету любви? Думаешь, так просто, когда женщину вроде меня перекидывают от одного мужчины к другому, чтобы он ею распоряжался — отец, жених, а теперь муж?

Она наступала на него, оттесняя к двери, слишком взбешенная, чтобы заметить — он послушно движется вместе с ней.

— Нужно ли тебе напоминать, что я в жизни своей не имела права выбора — никогда? Что все, что я делаю, все, что я есть, — это во благо другим?

— Это твоя вина, Пенелопа, не наша. Ты могла отказаться. Никто не угрожал твоей жизни.

— Еще как угрожали! — взорвалась она. — Угрожали моей безопасности, моей защищенности, моему будущему! Если бы не Лейтон, не Томми, не ты, то что? Что было бы, когда мой отец умрет, а у меня нет ничего?

Он подошел к ней вплотную, взял за плечи.

— Да только все это было не ради самосохранения, верно? Тобой двигало чувство вины и ответственность, и желание дать своим сестрам жизнь, которой тебе не досталось.

Пенелопа прищурилась.

— Я не собираюсь просить прощения за то, что делала ради них. Мы не все такие, как ты, Майкл, испорченные и эгоистичные, и...

— Только не останавливайся, милая, — протянул он, отпустив ее и скрестив руки на широкой груди. — Ты как раз подошла к самому интересному. — Пенелопа промолчала. Он поднял бровь. — Трусиха. Нравится тебе это или нет, но именно ты сделала свой выбор, Шестипенсовик, и никто другой.

Она возненавидела его за то, что он сейчас назвал ее этим прозвищем.

— Ошибаешься. Думаешь, я бы выбрала Лейтона? Думаешь, выбрала бы Томми? Думаешь, я бы выбрала...

Она осеклась... отчаянно желая закончить фразу, сказать «тебя». Желая сделать ему больно. Наказать за то, что он все так сильно усложнил. За то, что любить его невозможно.

Он все равно понял.

— Скажи это.

Она замотала головой:

— Нет.

— Почему? Это правда. Будь я последним мужчиной в Британии, ты бы все равно не выбрала меня. В этой пьесе я играю роль злодея, того, кто вырвал тебя из безупречной сельской жизни, весь исполненный жажды отмщения и гнева, слишком черствый, холодный, не заслуживающий тебя. Твоих чувств. Твоего общества.

В нем что-то вдруг изменилось, и в первый раз после венчания она не увидела в его глазах

никаких чувств.

Пенелопа кивнула, каждой клеткой своего существа противясь этому, желая закричать во весь голос о несправедливости происходящего.

— Если ты настаиваешь на мести, осуществляй ее без меня. Я не на твоей стороне.

Она знала, что он никогда не примет ее ультиматума, но это не ослабило удар, когда он произнес:

— Да будет так.

Глава 17

«Дорогой М.!

Сегодня вечером я была в театре и услышала твое имя. Несколько дам говорили о новом игорном зале и его скандальных владельцах, и я невольно прислушалась, когда услышала, что они упомянули тебя. Так странно слышать, когда тебя называют Борном, — это имя у меня до сих пор ассоциируется с твоим отцом, но полагаю, оно принадлежит тебе уже целых десять лет.

Десять лет. Десять лет с тех пор, как я видела тебя и говорила с тобой. Десять лет с тех пор, как все изменилось. Десять лет, а мне до сих пор тебя не хватает.

Без подписи.

Долби-Хаус, май 1826 года».

Письмо не отослано.

Неделю спустя Майкл поднимался по ступеням в Долби-Хаус по приглашению своего тестя, явившегося в «Адский дом» утром, когда Майкл в своем кабинете боролся с желанием промчаться сквозь дом, схватить жену и доказать раз и навсегда, что они женаты и она принадлежит ему.

До чего дошло... постыдная правда заключалась в том, что теперь он большую часть времени проводил дома, прислушиваясь к ее шагам за дверью, надеясь, что она придет к нему и скажет, что передумала и умоляет прикоснуться к ней.

В точности как он мечтает, чтобы она прикоснулась к нему.

Шесть ночей подряд он провел дома, избегая встреч с женой, но при этом стоял возле этой проклятой двери, соединяющей их спальни, и слушал, как слуги наполняют ее ванну, болтая с Пенелопой, потом она опускается в воду, а он терзается искушением.

Желанием доказать ей, что достоин ее.

Переживания были пыткой. Но он это заслужил, это стаю наказанием за то, что он отказывается войти в ее комнату, вытащить ее из ванны, уложить на кровать, роскошную и

мягкую, и овладеть ею. И когда он отворачивался от двери, дразнившей его скрытыми за ней тайнами, испытывал только сожаление. Пенелопа была всем тем, чего он хотел, и всегда большим, чем он заслуживал.

Прошлая ночь оказалась самой ужасной — она смеялась над чем-то со своей камеристкой, а он стоял, положив руку на дверную ручку, и ее мелодичный смех казался ему пением сирен. Он, как дурак, прижался лбом к двери и долго слушал, дожидаясь, когда что-нибудь изменится. В конце концов отвернулся, мучительно желая пойти к ней, и увидел Уорт в дальнем конце комнаты, у закрытой двери.

Борн сконфузился и одновременно рассердился.

— Что, стучаться больше не принято?

Уорт подняла рыжую бровь.

— Я не думала, что это необходимо, в этот час вы редко бываете дома.

— А сегодня дома.

— Кроме того, вы идиот. — Экономка никогда не выбирала выражений.

— Мне следует уволить тебя за такую наглость.

— Но вы этого не сделаете. Потому что я права. Да что с вами такое? Видно же, что вы любите эту леди, а она, что тоже очевидно, любит вас.

— Нет в этом ничего очевидного.

— Тут вы правы, — сказала экономка, положив стопку полотенец рядом с умывальником. — Все совершенно непостижимо — непонятно только, почему вы оба проводите столько времени у противоположных сторон этой двери и прислушиваетесь друг к другу.

Он отвернулся.

— Оставь меня одного.

Этим вечером он слушал особенно напряженно, дожидаясь, когда Пенелопа выйдет из ванны и подойдет к двери. Он поклялся себе, что если уловит хотя бы намек на то, что она стоит с той стороны и ждет, то откроет дверь, и они все выяснят. Вместо этого он лишь увидел, как погас свет под дверью, услышал, как она забирается в кровать и шуршит одеялом, и сбежал в «Ангел», где провел всю ночь в игровом зале, наблюдая, как десятки тысяч фунтов ставятся на кон и проигрываются. Это напомнило ему о могуществе вождения, о слабости. Напомнило, чего он сумел добиться.

И что утратил.

Не снимая пальто и шляпу, Борн шел следом за лакеем по лабиринтам Долби-Хауса — одного из не многих поместий в черте Лондона — и вышел на большой балкон, ведущий на заснеженные владения. Дорожка человеческих следов тянулась прочь от дома, окруженная отпечатками собачьих лап. В тишине раздался ружейный выстрел. Майкл повернулся к лакею, ждущему разрешения пойти на звук. Свежевыпавший снег заглушал шаги. Майкл по следам направился в ту сторону, где находился его тесть. Дул резкий ветер, он замедлил шаги и даже

оскалился от сильного холода. Ружейный выстрел раздался из-за невысокого холма. Майкл слегка занервничал — ему вовсе не хотелось, чтобы маркиз Нидэм и Долби застрелил его, во всяком случае, по ошибке.

Подумав немножко, он остановился, сложил руки рупором и прокричал:

— Нидэм! Эгей!

Из-за холма послышался ответный крик, сопровождаемый гавканьем не менее полудюжины псов. Борн решил, что теперь можно и подойти.

Он остановился на вершине холма, глядя на простирающуюся перед ним землю, тянущуюся до самой Темзы. Глубоко вздохнул, наслаждаясь холодным воздухом, и перевел взгляд на Нидэма, прикрывавшего глаза от утреннего солнца.

Поднявшись до половины холма, Нидэм сказал:

— Я сомневался, что ты придешь.

— Мне кажется, подобает откликнуться на призыв собственного тестя.

Нидэм расхохотался.

— В особенности если у этого самого тестя имеется то единственное, что тебе нужно.

Майкл пожал протянутую Нидэмом крепкую руку.

— Сегодня чертовски холодно, Нидэм. Почему мы на улице?

Не ответив на вопрос, маркиз повернулся, громко крикнул:

— Ха! — И собаки помчались к кустам, расположенным ярдах в двадцати. В воздух вспорхнул одинокий фазан. Нидэм поднял ружье и выстрелил. — Проклятие! Промажнулся!

Безусловно, это трагедия.

Они направились к кустам. Борн ждал, когда тесть заговорит о главном.

— Ты превосходно потрудился, чтобы не запачкать своей грязью моих девочек. — Майкл ничего не ответил, и Нидэм продолжил: — Каслтон сделал Пиппе предложение.

— Я слышал. Признаюсь, я удивлен, что вы согласились.

Налетел порыв ветра, Нидэм поморщился. Рядом залаял пес. Нидэм повернулся в ту сторону.

— Вперед, Брут! Мы еще не закончили! — Он пошел дальше. — Этот пес ни черта не умеет охотиться. — Борн с трудом удержался от соответствующей реплики. — Каслтон, конечно, простофиля, но он граф, и моя жена просто счастлива. — Собаки подняли еще одного фазана, Нидэм выстрелил и промахнулся. — Пиппа, на свое несчастье, слишком умна.

— Пиппа слишком умна для жизни с Каслтоном. — Борн знал, что не должен этого говорить. Знал, что его вообще не касается, за кого девушка выйдет замуж, если помолвка закончится тем, что в его руках окажется средство для мести Лэнгфорду.

Но он не мог перестать думать о Пенелопе и о том, что неудачный брак Пиппы ее расстроит. Борн не хотел ее расстраивать. Он хотел видеть ее счастливой.

Он становится сентиментальным.

Похоже, Нидэм ничего не заметил.

— Девушка согласилась, и я не могу отказать. Для этого требуется уважительная причина.

— Дайте мне несколько дней. Я найду что-нибудь.

Внезапно Борну стало по-настоящему важно, чтобы Пиппа смогла разорвать помолвку. И уже не имело значения, что он почти ощущает вкус мести, такой близкой и сладкой.

Нидэм покачал головой:

— Я вынужден принимать предложения, если их делают, иначе у меня на руках окажется еще одна Пенелопа. Этого я себе позволить не могу.

Борн скрипнул зубами.

— Пенелопа стала маркизой.

— Этого бы не случилось, если бы ты не охотился за Фальконвеллом. Почему, как по-твоему, я включил его в приданое? Это был мой последний шанс.

— Последний шанс на что?

— У меня нет сына, Борн. — Он посмотрел на Долби-Хаус. — Когда я умру, этот дом и прочие владения перейдут к какому-нибудь кузену-идиоту, которому плевать и на особняк, и на земли. Пенелопа хорошая девочка. Она делает то, что ей велят. Я ясно, дал ей понять, что она должна выйти замуж и этим исправить репутацию сестер. Она никак не могла остаться старой девой и провести остаток дней, изнывая в Суррее. Она знает, в чем заключается ее долг. Знает, что Фальконвелл перейдет к ее детям, а вместе с ним хотя бы часть истории земель Нидэма.

Перед глазами Борна возникла картинка — несколько светловолосых девочек.

Не воспоминание. Воображение.

Ее дети.

Их дети.

Мысль его полностью поглотила, а заодно и возникшее вместе с ней вожелание. Он никогда не думал о детях. Не предполагал, что захочет их. Никогда не считал, что сможет стать отцом, которого они заслуживают. В его мыслях после восстановления Фальконвелла не происходило ничего. Ничего, кроме мести.

Однако теперь за этим появилось что-то большее — там, за нависающей тенью дома и его прошлого.

Что-то, что будет уничтожено местью.

Он прогнал мысль прочь.

— Признаюсь честно, когда Лэнгфорд предложил поставить на кон Фальконвелл, я сразу подумал, что ты явишься за ним. И был счастлив выиграть его, потому что знал, что он приманит тебя.

Майкл услышал в голосе тестя самодовольство.

— Почему?

Нидэм пожал плечом.

— Я всегда знал, что она выйдет или за тебя, или за Томми Оллеса, а говоря между нами, всегда надеялся, что это будешь ты. И не только по очевидной причине, хотя не без этого, все-таки Оллес — внебрачный сын. Просто ты всегда нравился мне, мальчик. Я всегда думал, что ты закончишь школу и будешь готов унаследовать титул и земли — и жениться на Пенелопе. Когда Лэнгфорд обчистил тебя как липку и мне пришлось охотиться на Лейтона, это меня здорово выбило из колеи, говорю как есть.

Эгоистичность этого заявления могла бы показаться Майклу забавной, если бы не потрясение от мысли, что Нидэм всегда хотел, чтобы он женился на Пенелопе.

— Но почему я?

Обдумывая ответ, Нидэм долго смотрел на Темзу, а затем сказал:

— Ты больше всех любил эту землю.

Это правда. Он любил и землю, и живущих на ней людей. Любил так сильно, что когда потерял все это, ему не хватило смелости вернуться и посмотреть им в лицо. Посмотреть в лицо ей.

А теперь слишком поздно исправлять те ошибки.

— Это, — продолжал между тем Нидэм, — и еще то, что для нее ты был самым лучшим.

Борна охватило возбуждение. И это правда, для нее он был самым лучшим. Пока не уехал. А она осталась одна.

Он с самого начала собирался принести Пенелопу в жертву и тогда ничем особенным и не пожертвовал бы — а вот сейчас слишком многим.

Впрочем, этого следовало ожидать — он успел разрушить все, что ценил когда-то.

— Теперь это не важно, — добавил Нидэм, даже не догадываясь о какофонии мыслей, бушевавшей в мозгу Майкла. — Ты справился просто отлично. Утренние газеты превозносят добродетели вашего брака... признаюсь, я удивлен усилиями, которые ты вложил в развитие вашей сказки — горячие каштаны из одного пакета, вальс на коньках, шарады с моими дочерьми и прочие нелепости. Но справился ты превосходно, и Уэст, похоже, всему поверил. Газеты клянутся, что это брак по любви. Каслтон не сделал бы предложения, если бы наше имя хоть как-то оказалось запятнано скандальным браком. В любом случае ты их обдурил. Можешь мстить, как и договаривались.

Можешь мстить. Слова, которых он дожидался десять лет.

— Письмо у меня в доме, ждет тебя.

— И вы не хотите дождаться обручения Оливии? — Вопрос вырвался раньше, чем Борн успел спохватиться... прежде, чем сообразил, что напоминает тестю, что не до конца выполнил свою часть сделки.

Нидэм поднял ружье и прицелился в сторону невысокой живой изгороди на берегу реки.

— Сегодня Тоттенхем пригласил ее на верховую прогулку. В один прекрасный день этот мальчик станет премьер-министром. Оливию ждет блестящее будущее. — Он выстрелил и коротко глянул на Майкла. — Кроме того, ты справился превосходно. Я всегда держу свои обещания.

Но ведь он не справился, верно? Филиппа собралась замуж черт знает за кого, а Пенелопа... Пенелопа вышла за осла. Майкл сунул руки в карманы, чуть пригнулся против ветра, обернулся и посмотрел на нависающий над ними Долби-Хаус.

— Почему вы отдаете его мне?

— У меня пять дочерей, и хотя из-за них я вынужден порой прикладываться к бутылке, если со мной что-нибудь случится, я хочу знать, что их опекун — человек, которого я назначу лично, — будет заботиться о них так же хорошо, как я сам. — Нидэм повернул в сторону дома, наступая на собственные следы. — Лэнгфорд наплевал на это правило. Он заслуживает любого наказания, какое ты ему отмеришь.

Майкл понимал, что должен испытывать ликование. Триумф. Удовольствие. В конце концов, ему отдают то, чего он желает больше всего на свете.

Но вместо этого он ощущал пустоту. Абсолютную пустоту, за исключением единственной неоспоримой истины.

Она его за это возненавидит.

Но не так сильно, как он будет ненавидеть себя сам.

«Сегодня игра на бильярде.

Карета прибудет в половине одиннадцатого.

Элоа».

Небольшой серовато-бежевый конверт с оттиском изящного ангелочка доставили сразу после ленча. Его принесла Уорт, многозначительно улыбаясь. Пенелопа дрожащими руками развернула письмо и прочитала таинственное смутное обещание. Обещание приключения.

Щеки ее порозовели, она подняла глаза от записки и спросила экономку:

— Где мой муж?

— Его нет весь день, миледи.

Пенелопа подняла письмо.

— А это?

— Прибыло не больше пяти минут назад.

Она кивнула, обдумывая приглашение и выводы, которые из него следуют. Они с Майклом не виделись с того дня, когда катались на коньках и поссорились, — когда она поняла, что любит его. В ту ночь он выскочил из ее спальни и больше не вернулся, а она ждала, хотя и понимала, что надеяться не стоит; он ни за что не откажется от задуманной мести и не выберет вместо отмщения жизнь с ней.

Неужели возможно, что приглашение от него?

От этой мысли перехватило дыхание.

А вдруг да? Вдруг он все же выбрал ее? Вдруг дарит ей приключение и предлагает им обоим новый шанс на нормальную жизнь?

А может, и нет.

Но так или иначе, записка оказалась искушением, перед которым она не могла устоять — Пенелопа хотела воспользоваться возможностью пережить свое приключение, ночью в «Ангеле», за бильярдом. И зачем врать самой себе? Она хотела снова увидеть мужа. Своего мужа, по которому томилась, хотя и знала, что это бессмысленно.

Пусть она решила избегать его, держаться подальше от соблазна, уберечь себя от чувств, которые он ей внушал, но устоять перед ним она не могла.

В назначенный час карета подъехала к черному ходу «Адского дома». Миссис Уорт пришла позвать Пенелопу, и в глазах ее светилось знание, наполнившее Пенелопу предвкушением.

— Вам потребуется вот это, — шепнула экономка, сунув в руку Пенелопы домино простого черного шелка с алыми лентами.

— Правда?

— Вы получите больше удовольствия от вечера, если не будете волноваться, что вас узнают.

Сердце Пенелопы забилося учащенно. Она погладила маску, наслаждаясь ощущением шелка под пальцами — обещанием чего-то захватывающего.

— Маска, — прошептала она скорее себе, чем экономке. Предвкушение разгоралось все ярче. Спасибо.

Экономка усмехнулась спокойно и понимающе.

Пенелопа вышла из дома и села в ожидавшую карету, отрезая себе путь к отступлению. Сердце колотилось прямо в горле.

Карета подвезла ее не к главному входу в «Ангел», а к странной, невыразительной двери, доступ к которой имелся только через бывшие конюшни, тянущиеся вдоль здания. Она в почти полной темноте вышла из кареты, цепляясь за руку кучера, подошедшего, чтобы помочь ей спуститься и подвести к черной стальной двери. Теперь ее охватила нервозность. Она снова пришла в клуб Майкла, на этот раз по приглашению, в своем самом красивом платье, чтобы поиграть в бильярд.

Это невероятно захватывающе.

Кучер постучался и отошел в сторону. В двери приоткрылась узкая прорезь, в ней показалась пара глаз, черных, как уголь, но не раздалось ни звука.

Пенелопа потуже закуталась в плащ и обернулась на кучера. Тот как раз забирался на козлы. К счастью, он заметил ее затруднительное положение и сказал:

— Обычно нужно назвать пароль, миледи.

Ну конечно! То странное последнее слово в приглашении. Кому требуется пароль, чтобы сделать что-нибудь? Прямо готический роман получается. Пенелопа кашлянула, прочищая горло, и снова повернулась к громадной двери.

Постучалась.

Прорезь со щелчком открылась. Пенелопа улыбнулась появившимся в ней глазам.

Никакого признака узнавания.

— У меня есть пароль! — торжествующе объявила она.

Глаза не впечатлились.

— Элоа, — прошептала она, не зная, как это полагается делать.

Прорезь захлопнулась.

Она повернулась к карете и кинула нервный взгляд на кучера. Тот пожал плечами, словно отвечая: «Понятия не имею».

И когда Пенелопа уже почти сдалась, она услышала, как щелкает замок, скрежещет металл о металл... и массивная дверь отворилась.

Пенелопа не смогла сдержать возбуждения.

Человек, стоявший в двери, был огромным, с темной кожей, темными глазами и таким неподвижным лицом, что Пенелопа могла бы занервничать, если бы не чрезмерное возбуждение.

Он был в бриджах, темной рубашке, цвет которой она в этом тусклом свете определить не смогла, и без сюртука. Уже почти решив, что одет он неподобающе, Пенелопа торопливо напомнила себе, что вошла в игорный ад через таинственную дверь, назвав пароль, и предположила, что слишком мало разбирается в том, какая одежда должна здесь считаться подобающей.

Она помахала запиской, которую получила сегодня днем.

— Вы не хотите взглянуть на мое приглашение?

— Нет. — Он отошел в сторону, пропуская ее.

— О, — слегка разочарованно протянула Пенелопа, протискиваясь мимо него в небольшую прихожую. Он с грохотом захлопнул входную дверь и, не обращая больше на нее внимания, уселся на табурет, взял с полки книгу и погрузился в чтение.

Пенелопа поморгала, глядя на живописную картину. Очевидно, это человек образованный.

Она долго стояла неподвижно, не зная, что делать дальше. Он этого как будто не замечал.

Пенелопа кашлянула.

Он перевернул страницу.

Наконец она решилась:

— Может быть, вы сообразовите сказать мне куда идти? Я что, должна простоять тут всю ночь? Если так, я бы принесла с собой свою книгу.

Вот тут он оторвался от книги, и Пенелопе доставило удовольствие увидеть, как его черные глаза слегка расширились, словно она сумела его удивить. Он ткнул пальцем в дальнюю сторону прихожей, где в темноте виднелась еще одна дверь. До сих пор Пенелопа ее не замечала.

Она направилась туда.

— Через нее можно попасть к бильярду?

Он внимательно посмотрел на нее, словно она была редким музейным образцом под стеклом.

— Помимо всего прочего — да.

Пенелопа улыбнулась:

— Превосходно.

Она открыла дверь, и из коридора хлынул ослепительный свет. Пенелопа оглянулась на странного человека, на чьей темной коже сейчас играли солнечные зайчики.

Он не ответил. Она ступила в ярко освещенный коридор и плотно закрыла за собой дверь, оставшись одна в этом новом месте. Коридор, широкий и длинный, тянулся в обоих направлениях, свечи, зажженные через каждые несколько футов, отбрасывали отблески на позолоченные поверхности, делая все вокруг светлым и теплым. Стены были обиты ярко-алым шелком и темно-красным бархатом. Пенелопа не удержалась и потрогала их, наслаждаясь тем, как подается под ладонью плюш.

Из одного конца коридора раздался взрыв женского смеха, и Пенелопа инстинктивно двинулась в ту сторону, не зная, что она там обнаружит, но чувствуя себя странным образом готовой ко всему, что произойдет дальше. Она мелкими шажками продвигалась вперед, ведя пальцами по стене, отмечая одну закрытую дверь за другой, и остановилась у первой же открытой. В комнате ничего не было, за исключением длинного стола. Пенелопа, не задумываясь, шагнула внутрь, чтобы как следует его рассмотреть.

Столешница, обтянутая зеленым сукном, была утоплена на несколько дюймов в глубь стола, на мягкой ткани размечены клетки, в которых белоснежной ниткой вышиты цифры. Пенелопа наклонилась над столом, пытаясь разобраться в скоплении таинственных комбинаций цифр, дробей и слов, провела обтянутым перчаткой пальцем по слову «шанс» и снова ощутила нахлынувшее возбуждение.

— Вы нашли и фу в кости.

Пенелопа испуганно ахнула, схватилась за горло и круто повернулась на голос. В дверном проеме стоял мистер Кросс с кривоватой улыбкой на красивом лице. Она оцепенела, поняв, что попалась.

— Простите. Я не знала, куда... никого не было... — Она осеклась, решив, что лучше молчать, чем лепетать что-то, как последняя идиотка.

Он засмеялся и шагнул внутрь.

— Не нужно никаких извинений. Теперь вы член клуба и можете ходить куда хотите.

— Но я приехала только ради игры в бильярд. С Майклом? — Она не хотела, чтобы это прозвучало вопросом, так получилось само собой.

Кросс покачал головой:

— Со мной.

Конечно, Майкл и не собирался провести с ней вечер, ему это неинтересно.

И тут же еще одна мысль. Он придет в ярость.

— Значит, приглашение от вас?

Кросс покачал головой:

— Оно от «Ангела».

Пенелопа задумалась над тайной, скрытой в этих словах. «Ангел».

Она получила доступ в один из самых легендарных клубов Лондона и на все приключения, какие это сулит. Она вспоминала возбуждение, возникшее, когда ей принесли приглашение на игру в бильярд, ощущение чуда, когда переступила через порог и оказалась в теплом, сияющем коридоре таинственного клуба. Восторг, охвативший ее, когда она смотрела на стремительно вращающееся колесо рулетки во время своего первого появления здесь.

Да только она рассчитывала, что сегодняшнее посещение будет с ним.

И ошиблась.

Она ему совершенно не нужна. Даже ради приключения.

Он напоминал ей об этом всякий раз, когда они изображали страстную любовь. Каждый раз, когда прикасался к ней, чтобы обеспечить ее участие в этом фарсе. Каждый раз, когда уходил из дома, вместо того чтобы провести ночь с ней. Каждый раз, когда выбирал месть вместо любви.

Пенелопа проглотила комок в горле.

Он не хочет подарить ей брак? Значит, она выбирает приключение.

В конце концов, она зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад.

Посмотрев в спокойные серые глаза Кросса, Пенелопа глубоко вздохнула.

— Значит, бильярд. Намерены выполнить свое обещание?

Кросс улыбнулся и махнул рукой в сторону двери:

— Бильярдная вон там. — Сердце ее заколотилось. — Позвольте взять ваш плащ? Выглядите чудесно, — сказал он, когда черная шерсть сменилась оранжевым атласом — платьем, надетым для совершенно другого мужчины, того, кто его не увидит, а если и увидит, не обратит внимания на то, как она выглядит.

Но Пенелопа решительно выкинула это из головы и посмотрела в дружелюбные серые глаза Кросса. Улыбаясь, он протянул ей белую розу.

— Добро пожаловать на другую Сторону, — произнес он, когда Пенелопа взяла цветок. — Идемте?

Он показал на коридор. Пенелопа первой вышла из комнаты, но прежде, чем успела открыть дверь в бильярдную, услышала веселую болтовню. Радуюсь, что лицо у нее скрыто, она обернулась и увидела, что в ее сторону спешат несколько женщин в таких же масках.

Проходя мимо, они опустили головы. Пенелопе стало любопытно. Это тоже аристократки из высшего общества? Женщины вроде нее в поисках приключений?

Их мужья тоже не обращают на них внимания?

Она покачала головой, очень уж неприятной показалась ей эта мысль, и тут одна из женщин остановилась и посмотрела прямо на Кросса. Ее голубые глаза блестели в прорезях розового домино.

— Кросс... — протянула она и подалась вперед, одаривая его превосходным видом на свою грудь. — Мне говорили, что вечерами вы иной раз очень одиноки.

У Пенелопы приоткрылся рот.

Кросс поднял бровь.

— Только не сегодня, милая.

Леди обернулась к Пенелопе, задержавшись взглядом на розе в ее руке.

— Первая ночь? Можете присоединиться к нам, если хотите.

Глаза Пенелопы округлились.

— Благодарю, но нет. — Она помолчала и добавила: — Хотя я... польщена.

Ей показалось, что это сказать необходимо.

Женщина запрокинула голову назад и расхохоталась громко и уверенно, и Пенелопа внезапно поняла, что вряд ли хоть раз в жизни слышала искренний смех от женщины, с которой ее не связывали родственные узы. Да что это за место такое?

— Бегите дальше, голубка моя, — улыбнувшись, произнес Кросс. — Вы, красотки, собираетесь посмотреть бой, верно?

Леди скорчила недовольную гримаску, и Пенелопа с трудом удержалась, чтобы не попытаться скопировать ее. Посмотришь на некоторых женщин, и кажется, что флирт — это очень просто.

— Собираемся. Я слышала, что Темпл сегодня в отличной форме. Может быть, после матча ему будет одиноко?

— Очень может быть. — Кросс произнес это так, что Пенелопе показалось, будто после матча Темпл непременно почувствует себя одиноким.

Леди в маске поднесла к губам пальчик.

— А может быть, Борну... — задумчиво протянула она.

Брови Пенелопы резко сошлись в одну линию.

Вот только не Борну.

Стоило представить себе эту женщину со своим мужем, и Пенелопе захотелось сорвать с нее маску и дать ей испытать на себе, что такое настоящий кулачный бой. Она уже открыла рот, чтобы сказать это, но тут вмешался Кросс, мгновенно сообразивший, что разговор принимает опасное направление.

— Сомневаюсь, что Борн сегодня вечером будет свободен, дорогуша. И советую поспешить, чтобы не пропустить начало.

Это словно подтолкнуло женщину.

— Проклятие! Я должна бежать. Увидимся в Пандемониуме?

Кросс кивнул:

— Этого я ни за что не пропущу.

Она торопливо пошла дальше. Пенелопа долго смотрела ей вслед, а затем обернулась к Кроссу.

— Что такое Пандемониум?

— Ничего особенного, не стоит забивать этим голову.

Он взялся за ручку двери в бильярдную. Пенелопа подумала, не настоять ли ей все-таки на ответе, — если другие женщины собираются там быть, она тоже хочет, хотя бы ради того, чтобы набраться храбрости и отвлечь распутницу.

Впрочем, сама она уже мало от нее отличается.

В конце концов, на ней тоже маска, она готова получить первый урок игры в бильярд.

— Черт возьми, тебе давно пора быть, тут! У меня нет времени дожидаться тебя и твоих дамочек. И какого черта мы должны играть на этой стороне? Чейз нам головы оторвет, если...

...Ее муж. Облокотился на бильярдный стол, в руках держит кий, выглядит очень, очень красивым.

И очень, очень взбешенным.

Он выпрямился во весь рост.

— Пенелопа?

Вот вам и маска.

— Я получила приглашение, — произнесла Пенелопа.

Он не обратил на это внимания.

— Сними сейчас же эту нелепую маску!

Кросс закрыл дверь. Пенелопа потянулась к домино, чувствуя, что снять маску перед мужем сложнее, чем раздеться догола перед всем парламентом. И все-таки она расправила плечи и маску сняла, глядя ему прямо в глаза.

— Меня пригласили, Майкл, — повторила она, слыша в собственном голосе оборонительные нотки.

— Это как? Кросс передал тебе приглашение, когда среди ночи провожал тебя домой? Что еще он тебе предложил?

— Борн, — произнес Кросс голосом, полным предостережения, и шагнул вперед.

Чтобы защитить ее. Но ей не нужна его защита! Она не сделала ничего плохого.

— Нет! — отрезала Пенелопа стальным тоном. — Лорд Борн совершенно точно знает, где и с кем я была на протяжении всего нашего короткого злополучного супружества.

Она шагнула к Майклу. Его оскорбление придало ей мужества.

— Дома, одна. А не здесь, где половина женского населения Лондона мечтает заполучить пароль, чтобы попасть в его постель.

Его глаза округлились.

— Буду очень благодарна, если ты уйдешь, Майкл, — добавила Пенелопа, бросая маску и розу на бильярдный стол. — Видишь ли, я хочу поучиться играть в бильярд и очень этого жду. А с тобой мне будет слишком сложно получить от этого удовольствие.

Глава 18

«Дорогой М.!

Хотелось бы мне набраться храбрости, прийти в твой клуб и объявить, что мы с тобой давние друзья, но, конечно, я для этого слишком труслива. Может, оно и к лучшему, потому что я не уверена, чего мне хочется больше — обнять тебя или избить хорошенько.

Без подписи.

Долби-Хаус, март 1827 года».

Письмо не отослано.

Она доводит его до исступления.

Куда-то исчезла милая, спокойная жена, какую он вроде бы получил, — шляпка, припорошившая снег, признание в прошлых кавалерах, случайная снежинка, растаявшая у нее на кончике носа, когда она ему улыбалась.

Место той женщины заняла амазонка, возникшая у него в клубе, в самом сердце лондонского дна. Она делала ставки в рулетку, хотя за ней наблюдал весь город, требовала обеспечить безопасность ее друзьям и репутацию ее сестрам, договаривалась об уроках игры в бильярд с одним из самых могущественных и опасных людей в городе.

А теперь она стояла перед ним и бесстыдно требовала, чтобы он ушел и оставил ее в покое.

Вот так и следует поступить.

Нужно уйти и притвориться, что они никогда не были женаты.

Вернуть ее в Суррей или, еще лучше, посадить на судно, идущее на север, и пусть удовлетворяет свои новые скандальные желания подальше от него. Он получил Фальконвелл и средство отомстить! Самое время изгнать ее из своей жизни.

Да только он не хотел отказываться от нее.

Он хотел перекинуть ее через плечо и отнести домой, в постель. Черт. Постель совсем не обязательна. Он хотел швырнуть ее на заснеженный берег Серпентайна, или на пол в гостиной ее отца, или на слишком узкое сиденье своей кареты и раздеть догола, чтобы ей нечем было укрыться от его рук и губ, — и это желание ни на йоту не изменилось.

Бильярдный стол достаточно прочный, чтобы выдержать их обоих, это он мог гарантировать.

— Я никуда не уйду, пока ты не объяснишь, что ты здесь делаешь! — прорычал он, не решаясь подойти ближе, не доверяя себе, понимая, что если окажется слишком близко, то накинется на нее и объяснит очень, очень доступно, что тут ей не место.

Что ее тут никто не ждет.

Что это ее погубит.

— Отвечай, Пенелопа! Что ты здесь делаешь?

Она, не дрогнув, встретила его взгляд.

— Я тебе уже сказала. Пришла поиграть в бильярд.

— С Кроссом?

— Ну, если быть до конца честной, я думала, что это будешь ты.

— Почему ты так решила? — Он бы в жизни не пригласил ее в игорный ад!

— Приглашение мне принесла миссис Уорт. Я думала, что его прислал ты.

— Да с какой стати я бы стал посылать тебе приглашение?

— Не знаю. Может быть, понял, что был не прав, но не хотел признаваться в этом?

Кросс, стоявший у двери, негромко хохотнул, и Майкл подумал, не убить ли его. Но пока он слишком занят, разбираясь со своей неуправляемой женой.

— Ты ошиблась. Скажи еще, что ты снова наняла экипаж.

— Нет, — ответила она. — За мной приехала карета.

Его глаза округлились.

— Чья карета?

Она, задумавшись, наклонила голову.

— Не знаю точно.

Борну показалось, что он вот-вот сойдет с ума.

— Ты согласилась поехать в странной карете к заднему входу одного из пользующихся самой дурной славой игорных клубов Лондона...

— Которым владеет мой муж, — прервала его она, словно это что-то меняло.

— Как, черт побери, ты вообще сюда попала?

— В моем приглашении был указан пароль! — В ее голосе он услышал торжество. Она наслаждалась его удивлением.

Она подошла ближе, и взгляд Борна приковался к ее коже, блестевшей в сиянии свечей. Он сделал глубокий вдох, напомнив себе, что вздыхает, потому что это успокаивает, а не потому что отчаянно хочет уловить исходящий от нее нежный аромат, напоминающий запах фиалок, цветущих летом в Суррее.

— Кто-нибудь видел, как ты входила?

— Только кучер и человек у дверей, которому я назвала пароль.

Это его не успокоило.

— Тебе нечего тут делать.

— У меня не было выбора.

— В самом деле? Не было выбора, кроме как среди ночи оставить наш теплый комфортабельный дом и отправиться туда, где я занимаюсь бизнесом, — в место, куда я решительно запретил тебе приходить? В место, куда не приходят женщины вроде тебя?

Она застыла, но в ее голубых глазах сверкало что-то непонятное.

— Прежде всего это не наш дом. Это твой дом. Хотя я никак не могу понять, зачем он тебе, учитывая, сколь мало времени ты в нем проводишь. И уж в любом случае это не мой дом.

— Конечно, твой. — О чем это она? Он буквально отдал ей этот дом!

— Нет. Не мой. Слуги подчиняются тебе. Почта приходит тебе. Ради всего святого, ты не даешь мне отвечать даже на светские приглашения! — Борн открыл было рот, чтобы возразить, но понял, что ему нечего сказать. — Предполагается, что мы женаты, но я представления не имею, что и как в этом доме происходит. Как ты живешь. Я даже не знаю, какой у тебя любимый пудинг! — Слова вылетали все быстрее и яростнее.

— Мне казалось, что ты не хочешь супружества, основанного на пудинге, — заметил он.

— Не хочу! Точнее, я думала, что не хочу! Но раз уж мне о тебе совершенно ничего не известно, я согласна и на пудинг!

Инжирный пудинг, дорогая, — насмешливо подсказал он. — Ты сделала его моим любимым.

Она прищурилась.

— Я бы с удовольствием вывалила инжирный пудинг тебе на голову!

Кросс фыркнул, и Майкл вспомнил, что у них есть зрители. Он глянул на партнера.

— Вон.

— Нет. Он меня пригласил. Пусть остается.

Кросс поднял бровь.

— Трудно отказать леди, Борн.

Сейчас он убьет эту рыжеволосую каланчу. И получит от этого массу удовольствия.

— Какого черта ты выманиваешь мою жену из дома, да еще глубокой ночью? — спросил он, не в силах сдержаться и делая угрожающий шаг в сторону бывшего друга.

— Заверяю тебя, Борн, я получаю столько удовольствия, наблюдая, как твоя жена загоняет тебя в угол, что мне уже хочется быть тем, кто послал ей это приглашение. Однако это не я.

— Прошу прощения? — вмешалась Пенелопа. — Вы не присылали мне приглашение? Но если не вы, то кто?

Борн уже знал ответ.

— Чейз.

Чейз просто не может не совать свой нос в чужие дела.

Пенелопа повернулась к нему.

— Кто такой Чейз?

Борн промолчал, поэтому ответил Кросс:

— Чейз — основатель «Ангела», миледи, именно он собрал нас всех, как партнеров.

Пенелопа потрясла головой.

— Но почему он пригласил меня поиграть в бильярд?

— Отличный вопрос. — Он повернулся к Кроссу. — И что ты думаешь?

Кросс скрестил на груди руки и прислонился к двери.

— Видимо, Чейз считает, что у него перед леди должок.

Пенелопа покачала головой:

— Невозможно. Мы никогда не встречались.

Майкл, прищурившись, посмотрел на Кросса. Тот усмехнулся и сказал:

— Как ни печально, но Чейз всегда опережает нас на шаг.

— Она примет приглашение в «Ангел» хоть от Чейза, хоть от любого другого только через мой труп! — прорычал он, и Кросс, кажется, все-таки понял, что тот настроен серьезно. — Убирайся отсюда!

Кросс посмотрел на Пенелопу.

— Я буду сразу за дверью на случай, если понадобится вам.

Это взбесило Борна еще сильнее.

— Не понадобится!

«Я сам дам ей все, в чем она нуждается».

Ему не пришлось этого говорить, Кросс уже вышел. Зато заговорила Пенелопа:

— За эти годы мне пришлось много чего натерпеться от мужчин, Майкл. Помолвку с мужчиной, которому было глубоко наплевать на меня и мою репутацию, и разрыв помолвки, что аукалось мне в бальных залах целых два сезона подряд, при этом мой жених женился на своей любимой и родил наследника, и это ровным счетом никого не смущало.

Она загибала пальцы, надвигаясь на него.

— После этого пять лет ухаживаний от мужчин, видевших во мне только мое приданое. Однако то, что мне удалось избежать этих браков, ни капли не помогло, потому что в конце концов я оказалась замужем, но мое супружество не имеет никакого отношения ко мне; этот брак заключен только потому, что ко мне прилагается клочок земли.

— А как же Томми, твоя горячая любовь?

Ее глаза полыхнули огнем.

— Он вовсе не моя горячая любовь, и ты это знаешь. Он мне даже женихом не был.

Борн не смог скрыть удивление.

— Не был?

— Нет. Я тебе соврала. Притворилась, что у меня есть жених, чтобы ты прекратил вынашивать

свои безумные планы похитить меня и заставить обвенчаться.

Она продолжала наступать, и Майкл придержал язык. Не было ничего занудного и добродетельного в этой Пенелопе, в полном бешенстве стоявшей в игорном клубе с таким видом, словно была его владелицей. Энергичная и великолепная, и он никогда ничего в жизни не хотел так, как хотел сейчас ее.

А она еще не закончила:

— И поскольку мои желания тебя вообще не волнуют, я решила взять дело в свои руки. И пока меня приглашают принять участие в приключениях, я буду эти приглашения принимать!

Теперь Майкл надвинулся на нее, прижав ее спиной к бильярдному столу, хотя толком не знал, с чего начать.

— Да ты вообще соображаешь, что с тобой могло случиться в таком месте, как это? На тебя могли напасть и убить!

— На людей редко нападают и убивают в Мейфэре, Майкл. — Она засмеялась. По-настоящему засмеялась, и он чуть не задушил ее сам. — И честное слово, я думаю, что это место совершенно безопасно, разве что ко мне бы пристал твой образованный привратник.

— Да откуда ты это знаешь? Ты даже не понимаешь, где находишься!

— На другой стороне «Ангела». Именно так назвал это место тот привратник. И Кросс. И ты.

— Какой тебе дали пароль?

— Элоа.

Он со свистом втянул в себя воздух. Чейз дал ей карт-бланш в клубе. Доступ в любое помещение, к любому событию, к любому приключению, какое она только пожелает, и без сопровождения.

Без него.

— Что это значит? — спросила она, заметив его изумление.

— Это значит, что я собираюсь перемолвиться словечком с Чейзом.

— Нет, я имею в виду — что значит Элоа[6]?

Борн прищурился и ответил ей без преувеличения:

— Это имя ангела.

Пенелопа наклонила голову, задумавшись.

— Я никогда о нем не слышала.

— И не могла.

— Это падший ангел?

— Да, она была падшим ангелом. — Он помялся, не желая рассказывать ей эту историю, но все же продолжил: — Люцифер обманул ее, заманил, и она пала с небес.

— Как обманул?

Он посмотрел ей в глаза.

— Она его полюбила.

Глаза Пенелопы широко распахнулись.

— А он ее любил?

— Так, как умел.

Она покачала головой:

— Но как он сумел ее заманить?

— Он не назвал ей своего имени.

Молчание.

— Никаких имен.

— На этой стороне — нет.

— А что происходит на этой стороне?

Пенелопа прижалась спиной к бильярдному столу, схватившись за бортики.

— Ничего такого, о чем тебе следует думать.

Она улыбнулась:

— Ты не сможешь скрыть это от меня, Майкл. Теперь я член клуба.

Вот этого он точно не хотел. Не хотел, чтобы она соприкасалась с этим миром. Майкл медленно двинулся к ней, не в силах удержаться.

— Ты не должна в нем состоять.

— А если я хочу?

Он подошел совсем близко. Так близко, что достаточно протянуть руку и можно к ней прикоснуться, провести пальцем по бледной гладкой щеке. Но стоило ему поднять руку, она попятилась, повернулась и провела рукой в перчатке по зеленому сукну.

«Не прикасайся ко мне».

Слова сами всплыли в памяти, и он резко остановился.

— Майкл? — Ее голос вырвал его из грез. — Что здесь происходит?

Он посмотрел в ее голубые глаза.

— Это дамская сторона клуба.

— Но на той стороне тоже есть женщины.

— Они не леди. Те женщины приходят с мужчинами... или уходят с ними.

— Ты хочешь сказать, они их любовницы? — Она нащупала белый бильярдный шар и начала катать его между ладонями. Он застыл, словно загипнотизированный тем, как двигается ее рука — ловит и отпускает, катает и замирает.

— А на этой стороне?

Она стояла прямо напротив него, но их разделяло шесть футов дерева и фетра.

— На этой стороне леди.

Ее глаза округлились.

— Настоящие леди?

Он не сдержался и заговорил сухим тоном:

— Не знаю, насколько они заслуживают такого определения, но да. В основном у них у всех есть титулы.

— И сколько их?

Это ее заворожило, и Майкл не мог винить ее за это. Мысль о том, что дамы аристократического происхождения имеют прямой доступ к пороку и греху, и в самом деле была скандальной.

— Не очень много. Может, сотня.

— Сто человек? — Пенелопа уперлась ладонями в стол и подалась вперед. Его взгляд мгновенно приковался к ее груди, быстро вздымающейся и опускающейся под вырезом платья. Длинные белые шелковые ленты так и просили, чтобы их развязали. — Но как это остается тайной?

Он улыбнулся:

— Я уже говорил тебе, любовь моя, мы умеем хранить секреты.

Она помотала головой. На лице было написано восхищение.

— Поразительно. И они приходят сюда играть в азартные игры?

— Помимо всего прочего.

— Чего прочего?

— Того же, чем занимаются мужчины. Играют, смотрят боксерские матчи, неумеренно выпивают, неумеренно едят...

— И встречаются тут со своими любовниками?

Вопрос ему не понравился, но он знал, что должен ответить. Может быть, это ее отпугнет.

— Иногда.

— Как захватывающе!

— Не вздумай даже вообразить себе этого!

— Насчет любовника?

— Насчет всего. Ты не будешь ходить в «Падший ангел», Пенелопа. Он не для таких женщин, как ты.

И уж точно никаких любовников. При мысли о том, что другой мужчина прикоснется к ней, у Майкла даже руки зачесались, так захотелось кого-нибудь ударить.

Она долго молча смотрела на него, потом стала неторопливо огибать стол, двигаясь в его сторону.

— Ты все время это говоришь. Такие женщины, как я. Что это значит?

Существовало много вариантов ответа — женщины целомудренные. Женщины с безупречным поведением, безупречным происхождением, безупречным воспитанием и безупречной жизнью. Женщины, которые сами по себе совершенство.

— Я не хочу, чтобы ты соприкасалась с этой жизнью.

— Почему? Это и твоя жизнь.

— Это совсем другое. Она не для тебя.

Пенелопа остановилась у ближайшего угла, и в ее глазах он увидел боль. Понял, что его слова ее задели. Но еще он знал, что для них обоих будет лучше, если она так и останется обиженной. И будет держаться подальше от этого места.

— Что со мной не так? — прошептала она.

Его глаза расширились. Думай он хоть год, все равно не догадался бы, что она может сказать подобное. Воспринять его запрет приходиться в «Падший ангел» так, словно это у нее есть какие-то отклонения? Даже в голову бы не пришло!

Господи, с ней-то как раз все в порядке! Она безупречна. Слишком безукоризненна для всего этого.

Слишком безукоризненна для него.

— Пенелопа. — Она шагнул к ней и остановился, желая сказать то, что нужно. Не ошибиться. Он всегда знал, что сказать, любой женщине по всей Британии, но, кажется, никогда не знает, что говорить жене.

Она отпустила шар, тот покатился через стол, ударился о другой, и тот покатился в противоположном направлении. Когда оба шара остановились, Пенелопа обернулась на него. Ее голубые глаза подозрительно блестели.

— А если бы я не была Пенелопой, Майкл? Если бы тут сейчас действовали ваши правила? Если бы и вправду не было никаких имен?

— Если бы тут и вправду не было имен, ты бы оказалась в серьезной опасности.

— Какой именно?

Той самой, которая всегда заканчивается падением еще одного ангела.

— Это не имеет значения. Имена есть. Ты моя жена.

Ее губы искривились в усмешке.

— Разве не иронично, что вон там, за этой дверью, сотня жен самых могущественных мужчин Англии берут то, что хотят, с тем, с кем хотят, а тут, в комнате, я не могу убедить своего мужа показать мне, что там такого интересного. Моего мужа, владельца этого клуба! Который его обожает. Почему не поделиться этим со мной?

— Потому что ты заслуживаешь лучшего. — Ее глаза широко распахнулись. Он наступал на нее, оттесняя от стола. — Ты заслуживаешь лучшего, чем бильярдная в игорном аду, чем рулетка с толпой мужчин, считающих тебя в лучшем случае чьей-то любовницей, а в худшем — кем-нибудь куда менее лестным. Ты заслуживаешь лучшего, чем место, где в любую минуту может начаться потасовка, где на карту ставятся состояния, где лишаются невинности. Ты заслуживаешь того, чтобы держаться подальше от жизни, полной греха и порока, где удовольствие и разорение раскрашены в красное и черное. Ты заслуживаешь лучшего, — повторил он. — Лучшего, чем я.

Он подходил все ближе, глядя, как все сильнее расширяются ее глаза, как их голубизна темнеет от страха, или возбуждения, или чего-то еще, но не мог остановиться.

— В моей жизни не было ни одной ценности, которую я не уничтожил бы своим прикосновением, Пенелопа. И будь я проклят, если допущу, чтобы это случилось и с тобой!

Она замотала головой:

— Ты меня не погубишь. Нет.

Он поднял руку к ее щеке, провел большим пальцем по невозможно гладкой коже, прекрасно понимая, что теперь ему будет еще труднее отпустить ее. И покачал головой:

— Разве ты не видишь, Шестипенсовик? Уже погубил. Уже привел тебя сюда, выставил на потребу этому миру.

Пенелопа замотала головой:

— Это не ты! Я пришла сама! Сама сделала выбор!

— Если бы не я, ты бы здесь не оказалась.

Его не должно было с такой силой тянуть к этой безрассудно смелой, авантюрной, волнующей женщине, в которую превратилась та, на ком он женился.

И все-таки это случилось.

Он прижался лбом к ее лбу, мучительно желая поцеловать ее, прикоснуться к ней, опрокинуть ее на пол и заняться любовью.

— Худшее в том, что даже если я отошлю тебя обратно, все равно буду хотеть удержать тебя тут.

У нее такие голубые глаза, такие прелестные, обрамленные густыми золотистыми ресницами цвета осенней пшеницы, и он видел в них желание. Она его хочет!

Ее рука скользнула к его груди, задержалась там, поползла вверх, обвила его шею, пальцы запутались в волосах таким чудесным, невыносимым прикосновением. Время замедлило ход. Он наслаждался ее теплом, ее ароматом, тем, что она, такая нежная, безупречная, сейчас принадлежит ему.

— Ты меня за это возненавидишь. — Он закрыл глаза и прошептал: — Ты заслуживаешь лучшего.

«Гораздо более лучшего, чем я».

— Майкл, — мягко произнесла она. — Нет никого лучшего. По крайней мере для меня.

Эти слова словно сокрушили его, а она запрокинула голову, приподнялась на цыпочки и поцеловала его. Это был самый совершенный поцелуй в его жизни — ее губы крепко прижались к его рту, мягкие, сладкие, зачаровывающие. Он томился по ним столько дней, и вот она прильнула к нему, потеревила его нижнюю губу, он приоткрыл рот и задохнулся от восторга — она робко начала исследовать его языком, так шелково скольльзящим внутри. Майкл сгреб ее в объятия, крепко прижал к себе, наслаждаясь ощущением ее тела — мягким там, где он был твердым, шелковым там, где он был стальным.

Пенелопа все-таки оторвалась от него, губы ее припухли и порозовели, и он не мог отвести от них глаз. Они слегка приоткрылись, и Пенелопа сказала:

— Мне не хочется сегодня учиться играть в бильярд, Майкл.

Он оторвал взгляд от ее губ и посмотрел ей в глаза.

— Нет?

Она медленно покачала головой, и в этом движении ему почудилось греховное обещание.

— Мне хочется изучить тебя.

И снова его поцеловала, и он больше не мог сопротивляться. На свете не существовало мужчины, который смог бы устоять против нее. Он снова обнял ее и притянул к себе.

Он пропал.

Его жена стояла перед ним как воплощенное искушение и просила любить ее, рискуя своей репутацией и всем тем, ради чего он столько трудился. И чего теперь стоят его труды.

Впрочем, теперь ему на все это наплевать.

Он протянул руку, дернул скрытый рычаг и оттолкнул кусок стены, за которой открылась лестница. Ступени поднимались в великую зияющую тьму. Он протянул Пенелопе руку

ладонью вверх, давая ей возможность сделать выбор, идти ли с ним. Он не хотел, чтобы она подумала, будто он заставляет ее. Вынуждает. Хотя на самом деле ему казалось, что именно эта отважная женщина вызывает к нему.

И когда она без колебаний положила на его ладонь свою руку, Майкла пронзило желание, сильное, почти невыносимое.

Он притянул Пенелопу к себе, крепко поцеловал ее и шагнул вперед, закрыв за собой дверь. Лестница погрузилась во тьму.

— Майкл?

Она прошептала его имя, и ее голос, нежный и мягкий, показался ему пением сирены. Он повернулся к ней, сжимая ее ладонь, и потянул за собой, помогая найти ступеньку. Обняв Пенелопу за талию, он наслаждался ощущением ее тела под своей рукой, округлостью бедер, мягкой выпуклостью живота.

Она прерывисто вздохнула, когда он приподнял ее и поставил на ступеньку выше. Теперь их губы оказались на одном уровне, и он сорвал поцелуй, наслаждаясь ее вкусом — наркотиком, которого ему всегда будет мало.

А затем чуть отстранился, и она вздохнула, а он понял, что вожделеет ее сильнее, чем мог вообразить. Он снова завладел ее ртом, и ее руки запутались в его волосах, тянули его за кудри, и он отчаянно захотел, чтобы оба они оказались нагими, чтобы она направляла его губы туда, где ей хочется ощутить их сильнее всего.

Майкл даже зарычал от этой фантазии, отодвинулся от Пенелопы, сжал ее ладонь и сказал:

— Не здесь. Не в темноте. Я хочу видеть тебя.

Она поцеловала его, прижимаясь к нему грудями, и у него перехватило дыхание. Он отчаянно вожделеет ее, жаждет гладить ее кожу, жаждет ее прикосновений, жаждет слышать ее негромкие вскрики, от которых его естество делалось твердым как камень. И когда она завершила свою опьяняющую ласку, он понял, что терпение кончилось.

Он хочет ее прямо сейчас.

Немедленно.

Без всяких сомнений.

И тогда Майкл подхватил Пенелопу на руки и понес вверх по лестнице. Вверх к любви.

Вверх к наслаждению.

Глава 19

«Дорогой М.!

Сегодня мне исполнилось двадцать шесть.

Двадцать шесть и не замужем. Я с каждым часом старею и усыхаю, несмотря на то что

говорит мама в минуты оживления.

Восемь лет сезонов, и ни одного приличного жениха... жалкий результат для старшей дочери домов Нидэм и Долби. Сегодня утром, за завтраком, я заметила разочарование на всех лицах.

Но, вспоминая имевшиеся у меня варианты, я никак не могу заставить себя принять их неодобрение.

Я и вправду плохая дочь.

Без подписи.

Нидэм-Мэнор, август 1828 года».

Письмо не отослано.

Лестница вела в апартаменты владельцев.

Майкл поставил Пенелопу на пол сразу за потайной дверью в самом конце прохода, тщательно закрыл за собой дверь и быстрым грациозным шагом направился к основному входу в покои. Пенелопа шла за ним вплотную, жадно стремясь к тому, что случится дальше. Не желая упустить ни мгновения из того, что произойдет. Ни мгновения с ним.

Она думала, он отведет ее в постель; наверняка в этом огромном клубе, куда мужчины приходят ради порока и удовольствий, должно быть место для сна. Где она сможет спать с ним.

Где они смогут заняться и другими чудесными вещами, не думая о том, что после этого придется вернуться в реальность и вспомнить, что брак их потерпел крах и вообще в их жизни все неправильно.

Когда Майкл запер дверь и повернулся к ней, она оцепенела. Комната освещалась только теплым огнем трех каминов и светом, падавшим из большого золотистого окна, выходившего в игорный зал «Ангела».

Пенелопа вдруг поняла. Сердце заколотилось прямо в ушах, а он все надвигался на нее в этой большой темной комнате, оттесняя к окну, и намерения его были совершенно очевидными.

Он возьмет ее. И это будет восхитительно.

Внезапно оказалось, что она пьтится вовсе не потому, что нервничает, или волнуется, или смущается. Она отступает, потому что это преследование невероятно ее возбуждает. Он такой красивый и вкрадчивый — и знает, что делает, не то, что другие мужчины. Именно эта целенаправленность так привлекает и делает его таким соблазнительным. Он всегда добивается того, чего хочет, и ничто не может его отвлечь.

А сейчас он хочет ее.

В душе запело предвкушение, и Пенелопа остановилась. В один миг Майкл оказался рядом с ней. Он взял в ладони ее лицо, приподнял и посмотрел ей в глаза так внимательно. Так сосредоточенно.

Пенелопу охватило волнение. Она даже дышать перестала.

— О чем ты думаешь? — Он большим пальцем поглаживал ее скулу, и кожа под пальцем буквально запылала.

— О том, как ты на меня смотришь, — ответила она, не в силах отвести взгляд. — Я чувствую себя так... — Она не договорила, не зная точно, как выразить свою мысль.

Майкл наклонился, поцеловал ее во впадинку на шее, туда, где бился пульс, и снова поднял голову.

— И что ты чувствуешь, любовь моя?

— Я чувствую себя по-настоящему могущественной.

Она не понимала этого, пока не сказала вслух. Уголок его рта приподнялся в улыбке, кончики пальцев все поглаживали ее, скользнули по ключице, пробежались по краю выреза шелкового платья, и она затрепетала от наслаждения.

Он легонько потянул за ленты, стягивающие платье на груди, бант развязался, складки разошлись. Его палец нырнул под ткань, намекая, дразня...

— Я дам тебе все, что захочешь. Все, о чем ты только попросишь.

«Люби меня».

Не это. Она знала — этого он ей не даст никогда.

Но прежде чем Пенелопа успела додумать эту мысль, он взял ее за руки и начал расстегивать перчатки, медленно, чувственно стягивать их, и она поняла, что теперь, надевая или снимая перчатки, всегда будет думать об этом, как об акте любви.

Его рука скользнула под распахнувшийся лиф, под сорочку, обхватила грудь и высвободила ее из ткани. Пенелопа невольно ахнула. Майкл заглушил этот звук поцелуем.

— Я хочу, чтобы ты лежала, залитая светом «Ангела», а я бы занимался с тобой любовью. — При этом он грубовато поглаживал большим пальцем ее сосок и покусывал Пенелопу за шею. — Думаю, и тебе этого хочется.

Не удержавшись, она кивнула:

— Хочется.

«Но только с тобой».

Майкл отпустил ее, повернул лицом к огромному витражному окну и начал методично расстегивать пуговицы на платье. Пенелопа посмотрела на толпу в игорном зале «Ангела».

— Скажи мне, что ты там видишь, — прошептал он, прижимаясь к ее плечу мягкими жаркими губами.

— Там... люди... везде. — Пенелопа ахнула и вцепилась в слишком быстро сползающее с нее платье.

Майкл уже взялся за корсет и мгновенно расшнуровал его, высвободив ее из костяной тюрьмы. От облегчения Пенелопа вздохнула, а его ладони уже оглаживали льняную сорочку, обжигая кожу под ней. Пенелопа, наслаждаясь этим ощущением, оперлась рукой об окно, чтобы не упасть.

Кажется, он ее понял, потому что лизнул в ушко. Руки его под платьем и корсетом доставляли ей почти непереносимое удовольствие.

— Бедная моя девочка, — прошептал он. Слова опьяняли, как хорошее бренди. — Тобой так долго пренебрегали.

А ведь так оно и было. И теперь кожа жаждала его прикосновений — только его. Его поцелуев. Его долгой, томительной ласки, доставляющей почти мучительное наслаждение.

— Только мужчины? — прошептал он, и Пенелопа сквозь цветное стекло, служившее Люциферу красивой мускулистой шеей, вновь глянула в игорный зал.

Теплые ладони Майкла легли на ее груди, приподняв их, а затем он слегка ущипнул ее за соски, и наслаждение пронзило Пенелопу насквозь. Она ахнула.

— Ответь, Пенелопа.

Она заставила себя сосредоточиться на сцене внизу.

— Нет. Женщины тоже есть.

— И что они делают?

Она посмотрела на женщину в прелестном сиреновом платье, с черными волосами, уложенными в высокую прическу. Несколько локонов обрамляли ее лицо.

— Одна сидит на коленях у джентльмена.

Майкл прижался к ней сзади, покачивая бедрами, и Пенелопа пожалела, что их разделяет так много слоев одежды.

— Что еще?

— Она обнимает его за шею.

Он отвел ее руку от окна и завел ее себе за шею, облегчая себе доступ к очаровательным изгибам тела Пенелопы.

— И?

— Она что-то говорит ему на ухо.

— Подсказывает, как играть в карты? — Его пальцы ущипнули еще раз. Пенелопа ахнула, закрыла глаза и повернулась к нему.

— Майкл, — шепнула она, мечтая, чтобы он ее поцеловал.

— Я люблю, когда ты произносишь мое имя. Ты единственная, кто называет меня Майклом, — сказал он, а потом дал ей то, чего она так жаждала. Его язык проник глубоко ей в рот, и

Пенелопа начала извиваться в его объятиях, сильнее прижимаясь грудью к этим волшебным рукам.

— Ты его ненавидел, — возразила она.

— Ты меня переубедила. — Он нежно пососал мягкую кожу ее шеи. — Расскажи мне еще про эту женщину.

Пенелопа снова повернулась к окну, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Она увидела, как женщина наклонилась вперед, предоставив партнеру прекрасный вид на то, что у нее под лифом. Тот ухмыльнулся, нагнулся и запечатлел поцелуй на ее ключице, а рука его в это время скользнула по ее голени, по бедру и исчезла под подолом платья. Пенелопа изогнулась и прижалась спиной к Майклу.

— О, он трогает ее...

При этих словах его пальцы сделались совсем легкими, ласка едва ощутимой, и Пенелопе страстно захотелось, чтобы они оба разделись донага в этой темной комнате.

— Трогает ее где?

— Под... — Она замолчала, потому что рука Майкла поползла вниз, туда, где она особенно мучительно хотела ее ощутить. Его пальцы нашли ее женское средоточие и начали нежно поглаживать. Пенелопа с трудом выдохнула: — ...любками.

— Вот так? — Несмотря на мешавшую ткань платья, колено Майкла отыскивало путь между ее бедрами, широко развело их, а его ладонь скользнула в пылавший там жар, поглаживая и потирая.

Она уронила голову ему на плечо.

— Не знаю.

— А как ты думаешь?

— Ради ее блага надеюсь, что да, — прошептала Пенелопа.

Он засмеялся низким, рокоchущим смехом.

— А я — ради его.

Пенелопа закрыла глаза. Его руки двигались слаженно — одна на груди, искушая, дразня, а другая искусно ласкала ее между бедер. Это продолжалось несколько долгих минут. Пенелопа вздохнула, наслаждаясь тем, как он прижимается к ней, и прижалась сама, стараясь слиться с его телом. Майкл качнулся ей навстречу и прошептал ей на ухо:

— Если ты не прекратишь, милая, то просто не сможешь и дальше за ними наблюдать.

— Я больше не хочу за ними наблюдать, Майкл.

— Нет? — с любопытством переспросил он, прикусив кожу у нее на плече.

Пенелопа покачала головой и наклонила ее набок, чтобы ему было удобнее.

— Нет, — повторила она. — Я хочу смотреть на тебя. — Его пальцы между ее бедер совершили что-то невообразимо прекрасное, и Пенелопа вздохнула. — Пожалуйста.

— Ну, — произнес он, и она услышала ласковую насмешку в его голосе, — раз уж ты так мило просишь...

Он развернул Пенелопу лицом к себе. Его взгляд метнулся туда, где она все еще прижимала к груди свое платье.

— Отпусти платье, Пенелопа, — распорядился Майкл вкрадчивым голосом. Она стиснула ткань еще крепче.

— А что, если...

— Никто тебя не увидит.

— Но...

Он помотал головой:

— Неужели ты думаешь, что я позволю кому-нибудь увидеть тебя, моя блистательная девочка? Позволю такое и не убью этого человека?

Это прозвучало так властно, по-хозяйски, что Пенелопу снова окатило волной удовольствия. Никто никогда не называл ее блистательной. И никто никогда не проявлял ни малейшего желания обладать ею.

А сейчас Майкл ее хочет.

Она долго, внимательно смотрела на него, наслаждаясь тем, как он взглядом умоляет ее раздеться перед ним, а затем отпустила платье, и оно упало на пол, оставив ее нагой, в одних чулках, в этой темной комнате... перед мужем.

Он застыл, обшаривая глазами ее тело, затем перевел взгляд на лицо Пенелопы и благоговейно произнес:

— Ты самое прекрасное создание, на свете!

Он мгновенно опустился к ее ногам и снял с нее сапожки и штаны. Пенелопа осталась в одних чулках.

Он погладил ее ноги, задержавшись там, где шелк встречается с кожей. Пенелопа ахнула, а Майкл лизнул кожу.

— У меня слабость к чулкам, любовь моя. Гладкий шелк, в точности как твои самые нежные местечки.

Пенелопа покраснела, не желая признаваться, что после их первой брачной ночи она гладила себя атласной тканью по ногам, притворяясь, что это прикосновения Майкла.

— Смотрю, тебе они тоже нравятся, — поддразнил он и прижался губами к ее бедру.

— Мне нравишься ты, — шепнула она, положив руку ему на затылок и поглаживая мягкие кудри.

Майкл поднялся, оставив чулки на ней, и поцеловал Пенелопу грубо и чудесно.

— Ты вся состоишь из безупречных изгибов и нежной кожи, — одна рука поползла вверх и обхватила снизу грудь, — такая прелестная и пышная...

Эти слова окончательно помутили ее рассудок. Они оказались более разрушительными, чем даже его прикосновения. Пенелопа выгнулась к нему, к его поцелую. Он лишил ее дыхания, слов и мыслей, остались только его губы и язык, сулившие наслаждение более сильное, чем можно вообразить. И когда поцелуй окончился, она лишь вздохнула, забыв про свои возражения и глядя, как он раздевается быстро, аккуратно и поворачивается к ней лицом. Свет, падающий из окна казино, окрасил его разноцветной мозаикой, и он стоял перед ней длинноногий, мускулистый, узкобедный и широкоплечий, и...

Нет. На это смотреть нельзя.

И не имеет значения, что ей хочется. Что ей невероятно любопытно.

Только один короткий взгляд.

Ой, мамочки.

Пенелопа внезапно оробела и попыталась прикрыть руками свою наготу.

— Мы не можем... я не... это не то, чего я ожидала...

Майкл усмехнулся редкой волчьей усмешкой.

— Ты нервничаешь?

Пенелопа понимала, что должна притвориться, — наверняка он проделывал это с дюжиной других женщин, которые ничуть не волновались. Ну а она нервничала.

— Немножко.

Он подхватил ее на руки, отнес на низкую кушетку у стены комнаты, усадил к себе на колени и поцеловал долгим страстным поцелуем, от которого у Пенелопы перехватило дыхание. Сдерживавшие ее оковы спали. Она лизнула его нижнюю губу, нежно ее пососала, и Майкл, резко втянув в себя воздух, отпрянул.

Ее глаза расширились.

— Извини... губа. Темпл умеет бить больно.

Она снова притянула его к себе, пригладила ему волосы и всмотрелась в лицо Майкла, выискивая остальные повреждения.

— Зачем же ты позволил ему избить себя? — прошептала Пенелопа и поцеловала мужа, не прикасаясь к ране.

— Это был единственный способ перестать думать о том, что я не могу отправиться прямо домой и затащить тебя в постель. — Он чувственно провел ладонью по ее руке. — Ты меня запугала.

Он криво усмехнулся, а пальцы его продолжали, дразня, поглаживать нежную кожу ее

запястья, локтя, плеча.

— Как это?

— Ты просила не прикасаться к тебе, а я привык уважать твои желания.

Да только она этого вовсе не желала. Ей всегда хотелось, чтобы он прикасался к ней, даже тогда, когда она запретила ему это делать.

Она всегда хотела его, даже когда убеждала себя, что это не так.

Он ее слабое место.

Майкл избавил ее от необходимости отвечать, снова начав ласкать грудь, и Пенелопа, судорожно вздохнув, запустила пальцы ему в волосы, чуть отодвинулась и посмотрела прямо в красивые темные глаза.

— Майкл, — шепнула она.

Не отводя взгляда. Майкл приподнял ее так, словно она ничего не весила, и провел рукой по бедру, побуждая раздвинуть ноги.

Сама мысль об этом была скандальной.

Пенелопа поколебалась какую-то долю секунды и, повиновавшись его безмолвной просьбе, села на него верхом.

В его голосе прозвучали гордость и удовольствие:

— Моя отважная красавица...

Пенелопа знала, что это преувеличение. Она вовсе не была красавицей.

Но сегодня ночью чувствовала себя красивой, поэтому ей даже в голову не пришло отказать ему в его просьбе. В таком положении она могла дотянуться куда угодно — до его широких мощных плеч, до груди, вздымавшейся и опускавшейся во время дыхания, и Пенелопа не удержалась и положила на нее руки — на этого потрясающего, красивого мужчину, бывшего ее мужем.

Он застонал при этом прикосновении, поднял ее выше, так что груди Пенелопы оказались на уровне его рта, и начал дуть на соски.

Она проследила за его взглядом, таким пристальным и внимательным, и увидела, как ее соски напрягаются — сначала один, потом другой. Они затвердели и мучительно заныли.

Она хочет ощутить на себе его губы.

— Прикоснись ко мне, — прошептала Пенелопа.

Он был уже там, лизал и сосал, и она подумала, что сейчас умрет от этого греховного, необыкновенного наслаждения. Ее руки запутались в его волосах, тянули к себе, и Майкл чуть отодвинулся, чтобы перенести внимание на другую, заброшенную грудь, сначала лизал ее долго и сладострастно, а затем сомкнул губы на соске, чтобы дать Пенелопе именно то, чего она так давно жаждала.

Она извивалась в его объятиях, подставлялась его губам, его языку, его зубам. Святые небеса! Он распоряжался наслаждением, как великий мастер, искусно и умело. И она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Наконец Майкл чуть отодвинулся, поднял ее еще выше, прижал к себе еще сильнее, запечатлел жаркий поцелуй на ее животе, медленно опустил и снова завладел ее ртом. Он приподнял колени, крепко прижимая ее к себе, а пальцы проворно вытаскивали из волос шпильки, швыряя их во все стороны. Его губы скользнули к шее, и он начал лизать тонкую кожу прямо над тем местечком, где бился пульс, и Пенелопа снова выдохнула его имя, опьянев от наслаждения.

Наслаждения, о существовании которого она до Майкла даже не догадывалась.

Наслаждения, какого никогда не познает без него.

— Майкл! — выдохнула она.

Он удовлетворенно улыбнулся настоящей мужской улыбкой и провел рукой между их телами.

Пенелопа перевела взгляд на эту порочную, мародерствующую руку, замороженная ее движением, и тут его пальцы прикоснулись к самому ее естеству, так легко, почти незаметно, словно перед ним лежала бесконечность времени для изучения ее тела. Пенелопа еще никогда в жизни ничего так сильно не хотела.

Его пальцы трепетали, и она снова начала извиваться, одна ее рука скользнула вниз по его телу и робко, неуверенно замерла над той частью, которая вызывала в ней столько любопытства. А затем легла на жаркое стальное копье. Майкл резко втянул в себя воздух.

— Пенелопа... — Его стон заглушил все остальное.

Она хотела трогать его, познать его, подарить ему такое же наслаждение, какое дарил ей он.

— Покажи мне как. Научи меня.

Его глаза почернели от наслаждения. Он направил ее своей рукой, показывая, как трогать, как гладить. И когда Майкл застонал, протяжно и так чудесно, она подалась вперед, поцеловала его в щеку и прошептала в нее:

— Это гораздо интереснее бильярда!

Он засмеялся.

— Метко подмечено.

— Ты такой гладкий, — говорила она, глядя его естество и поражаясь новому ощущению. — Такой твердый.

Он закрыл глаза. Она наблюдала за его лицом, радуясь отражавшемуся на нем удовольствию.

Пенелопа потерла большим пальцем самый кончик. Он ахнул и приоткрыл глаза.

— Сделай так еще раз!

Она повиновалась. Он притянул ее к себе и поцеловал долго и страстно. Пенелопа продолжала

свое исследование. Он держал ее за руку, показывая, как двигаться, где задержаться, как сильно можно надавить. Его голова запрокинулась назад, он дышал резко и прерывисто.

— Я не делаю тебе больно?

Он застонал.

— Ни в коем случае. Только не останавливайся.

Ей и не хотелось останавливаться. Ей нравилось наблюдать, как его охватывает удовольствие. Но внезапно Майкл довольно грубо оттолкнул ее.

— Больше не надо, пока я не окажусь в тебе. — Пенелопа невольно покраснела, и он засмеялся негромко и ласково. — Неужели тебя смущает то, что я хочу войти в тебя, моя красавица?

Она помотала головой:

— Нет, меня смущает то, что я этого хочу. Леди не должны думать о подобных вещах.

Он крепко поцеловал ее.

— Вот уж чего я точно не хочу, так это того, чтобы ты скрывала от меня свои сладострастные мысли. Совсем напротив, я хочу услышать каждую из них! И хочу воплотить каждую в жизнь.

Теперь его пальцы двигались решительно, совершая у нее между бедер настоящие чудеса, и Пенелопа начала задыхаться.

— Майкл! Еще!

— Еще — что, моя красивая? — Кончики пальцев скользнули по тому месту, где она хотела его сильнее всего. Скорее подразнили, чем прикоснулись. — Еще — здесь?

Она ахнула, но он убрал пальцы до того, как она с мольбой повторила его имя.

— А может быть, здесь? — Один длинный палец двинулся чуть дальше. Пенелопа застонала.

— Везде!

— На какой жадной женщине я женился! Ей всего мало!

Он дразнил, целуя, удерживал ее на месте, исследуя ее рот, а пальцы его все это время совершали короткие круги, едва прикасаясь к ней. Майкл вскинул бровь, и к первому пальцу присоединился второй, двигаясь медленно и сладко.

Пенелопа не шевелилась. Не хотела, чтобы он останавливался.

— Мне так нравится трогать тебя там, Пенелопа, — прошептал он. Его грешная рука продолжала исследование. — Нравится узнавать тебя, чувствовать тебя, ощущать, какая ты влажная. — Пальцы снова двинулись вверх-вниз, шепот продолжался. Он чуть повернул руку, приближая ее к тому чудесному местечку. — Нравится изучать тебя.

— Найди его... — прошептала она, не в силах больше молчать.

— Найти что, любовь моя? — Изображает полную невинность! Бессовестный лжец. Пенелопа

посмотрела ему в глаза, чувствуя свое могущество. — Ты знаешь что.

— Давай отыщем вместе.

Это было уже чересчур. Она схватила его руку и наконец-то, наконец-то потянула ее куда нужно. Наклонившись над ним, Пенелопа посмотрела ему в глаза и увидела в них порочное удовольствие и с трудом сдерживаемое вожделение. Его пальцы, направляемые ее рукой, раздвигали мягкие завитки и потайные складочки. Большой палец описывал медленные круги, и Пенелопе вновь показалось, что она сходит с ума.

Майкл смотрел, как она изнемогает от наслаждения, и дразнил ее не только пальцами, но и словами:

— Вот тут, любовь моя? Здесь тебе особенно приятно?

Она окончательно утратила стыд от этих греховных, поощряющих слов, от этих греховных, поощряющих пальцев и шепотом отвечала, подаваясь ему навстречу. А он трогал ее как раз так, как ей хотелось, описывал безупречные круги, гладил, надавливая именно так, как нужно. Словно знал ее тело лучше, чем она сама. Словно ее тело принадлежало ему.

А может быть, так оно и есть.

Один его красивый длинный палец скользнул глубоко внутрь, основание ладони потирало ноющее местечко, доставляя почти непереносимое наслаждение, и Пенелопа выкрикнула его имя, покачиваясь и прижимаясь к ладони, чувствуя, что сейчас случится что-то невероятное.

— Майкл, — прошептала она, вождедея большего.

Желая всего.

Ее переполняло желание и жадность, она хотела, чтобы он никогда не прекращал трогать ее самое потайное место. То, которое теперь принадлежало ему.

— Подожди меня, — шепнул Майкл, раздвигая ей ноги.

Он прижался к ней сильнее, убрал пальцы, заменив их бархатистым толстым естеством, потерялся об нее, шумно выдохнул ей прямо в ухо и прошептал:

— Господи, Пенелопа... ты как огонь. Как солнце. И я ничего не могу поделать — я тебя хочу. Хочу быть в тебе и никогда не выходить. Ты мой новый порок, любовь моя... опаснее всех предыдущих.

Он скользнул ниже и сжал зубы, оказавшись прямо напротив входа, там, где она чувствовала себя такой пустой... где так в нем нуждалась. Пенелопа придвинулась ближе, наслаждаясь ощущением его естества. Желая, чтобы оно вошло глубоко.

Майкл застыл.

— Пенелопа.

Она открыла глаза и наткнулась на его серьезный взгляд. Он наклонился, впился в ее губы долгим, медленным, многообещающим поцелуем.

— Прости, что из-за меня ты чувствовала себя униженной, любовь моя... а сейчас ты самое

драгоценное, что у меня есть. Знай это. Я обожаю тебя, — прошептал он. — Жаль, что я не тот мужчина, который тебя заслуживает.

Она накрыла ладонью его руку, лежавшую у нее на щеке.

— Майкл... ты можешь быть этим мужчиной.

Он закрыл глаза, притянул ее к себе и поцеловал долгим, разрывающим душу поцелуем. А затем опустил вниз руку и отыскивал то чудесное местечко, где глубоко внутри назревало наслаждение. Он гладил и ласкал ее бесконечные минуты, все снова и снова в идеальном, почти непереносимом ритме, а она подавалась ему навстречу, и он чувствовал, как нарастает ее напряжение. Майкл замирал, не давая ей достигнуть края, возвращал ее обратно на землю и снова доводил до обрыва, и снова отступал. Она отчаянно выкрикнула:

— Майкл!

Он поцеловал ее в шею и прошептал на ухо:

— Еще раз. Еще один разок, и я дам тебе все. Ты получишь меня.

На этот раз, когда она вновь достигла края и уже была готова сорваться с него, он вошел в нее одним долгим, плавным толчком, растягивая ее. Заполняя. Восхитительно. И Пенелопа пропала, рухнув с обрыва в его надежных объятиях, и выкрикивала его имя, и умоляла не останавливаться, и он не останавливался, и она уже не могла дышать, и не могла вымолвить ни слова, и не могла больше ничего... и обмякла в его руках.

Он обнимал ее целую вечность, гладил по спине нежно, ласково и терпеливо.

Она всегда будет любить его.

Не за то величайшее наслаждение, которое он ей подарил, но за ту почти непереносимую нежность, которой одаривал сейчас. За то, как он нежно гладил ее и шептал ее имя, словно ему принадлежало все время мира, а ведь он все еще оставался в ней, вздыбившийся и неудовлетворенный. Он не торопился со своим удовольствием, желая убедиться, что она свое уже получила.

Он так старался скрыть от нее эту сторону своей натуры, но сейчас она была перед Пенелопой как на ладони. Он весь — сплошная чуткость.

И тут, слишком боясь заговорить — слишком боясь, что она скажет ему то, чего он слышать не хочет, — Пенелопа качнулась к нему, слегка приподнялась и снова опустилась. Его голова запрокинулась назад, глаза прикрылись, зубы сжались, шея напряглась от попытки сдержаться. Она повторила свое движение и прошептала:

— Прикоснись ко мне.

И только тогда он перестал сдерживаться и наконец-то, наконец-то начал двигаться.

Пенелопа счастливо вздохнула, а Майкл входил в нее глубоко, замечательно глубоко, и в мире осталось только наслаждение. Они двигались вместе, его руки на ее бедрах, ее ладони на его плечах, он направлял ее, а она подчинялась.

— Еще... — шептала она, каким-то образом понимая, что он может дать ей больше. И он давал

ей это, делая глубокие, сильные толчки.

— Прекрасная Пенелопа... такая знойная и мягкая, просто восхитительная, — шептал он ей на ухо. — Когда я вижу, как ты достигаешь пика в моих объятиях, мне кажется, что я могу умереть от счастья. Ты прекрасна в экстазе. Я хочу доводить тебя до него снова... и снова... и снова...

Он словно подчеркивал свои слова мощными толчками, руками, гладившими ее спину, плечи, спускавшимися к ягодицам, направлявшими ее.

— Майкл, я...

Его руки были на ней, между ними, он проникал в нее так глубоко, и она не смогла закончить фразу... потому что это странное, дивное наслаждение снова подступало, маячило перед ней, и она хотела только одного — вновь его достичь.

— Скажи это, — хрипло прошептал он, входя в нее все сильнее, резче, быстрее, даря ей все то, чего она, сама не зная, так хотела. В чем нуждалась.

«Я люблю тебя».

В последний момент Пенелопа удержалась и не сказала этого вслух, и тут наслаждение нахлынуло на нее.

Он вместе с ней взлетел с обрыва, выкрикивая ее имя в этой темной комнате.

Глава 20

«Дорогой М.!

Я нахожусь в несколько задумчивом настроении — прошло шесть лет со дня «Фиаско Лейтона», как называет это отец, и я уже успела отвергнуть три предложения руки и сердца — каждое последующее менее привлекательное, чем предыдущее. Тем не менее мама продолжает терзать меня посещениями модисток и дамских чаепитий, словно можно каким-то образом стереть прошлое несколькими ярдами шелка и ароматом бергамота. Но ведь это не может продолжаться вечно, правда? Что еще хуже, я все еще пишу письма призраку и воображаю, что в один прекрасный день с обратной почтой придет ответ.

Без подписи.

Долби-Хаус, ноябрь 1829 года».

Письмо не отослано.

— Крыжовенный болван.

Пенелопа даже не подняла голову с плеча Майкла. Ее белокурые волосы рассыпались по его груди.

— Прощу прощения?

Он погладил ее теплой рукой по спине.

— Смешная девчонка, — сказал он, крепче обнимая ее. — Крыжовенный болван — это мой любимый пудинг.

Она замерла, даже перестала крутить волосы у него на груди. Майкл взял ее руку и поднес к губам, быстро целуя каждый пальчик.

— А еще я люблю малиновый болван. И ревенный.

Она приподняла голову, вглядываясь в него своими голубыми глазами так, будто он только что совершил шокирующее признание.

— Крыжовенный болван.

Майкл почувствовал себя идиотом. На самом деле ей все равно, какой у него любимый пудинг.

Она улыбнулась широко и чудесно, и он больше не чувствовал себя идиотом. Он почувствовал себя королем. Она снова положила головку на его широкую грудь. Грудь ее соблазнительно колыхалась при каждом вдохе и выдохе.

Пенелопа просто произнесла:

— А я люблю патоку.

И ему опять захотелось заняться с ней любовью.

Ну разве возможно, чтобы простой разговор о десертах так возбуждал?

Он снова провел рукой по ее спине и задержался на округлой ягодице, наслаждаясь этим ощущением. Затем поцеловал Пенелопу в висок.

— Я помню. — На самом деле он забыл, но стоило ей упомянуть об этом, перед глазами всплыла яркая и отчетливая картинка — маленькая Пенелопа в Фальконвелле, круглое личико испачкано патокой. Майкл улыбнулся этому воспоминанию. — Ты всегда упрашивала кухарку позволить тебе вылизать миску.

— Ложки — может быть. Но только не миску. Леди не вылизывают миски.

Майкл расхохотался над этой поправкой к приличиям, и низкий рокот у него в груди удивил обоих. Было так славно лежать тут и смеяться с ней. Так хорошо он не чувствовал себя давным-давно. Хотя и понимал, что эти минуты — все, что у них есть. Последние спокойные минуты перед тем, как развернется ад и он утратит ту жалкую благосклонность, которую она к нему питает.

Он обнял ее и другой рукой и крепко прижал к себе.

В голове пронеслась мысль: «Но пока она принадлежит мне».

— Похоже, твое приключение прошло успешно.

Она подняла голову, пристроила подбородок на сложенные руки и посмотрела на него. Голубые глаза насмешливо заблестели.

— Я уже с нетерпением жду следующего.

Его рука скользнула по ее бедру, потеряла край шелкового чулка.

— Почему я не решаюсь спросить?

— Я хочу сыграть в кости.

Он тут же представил себе Пенелопу, целующую кубик слоновой кости перед тем, как бросить его на зеленое сукно одного из игровых столов внизу.

— Знаешь, кости — это одна из тех игр, в которые невозможно выиграть.

Она улыбнулась:

— Про рулетку тоже так говорят.

Он улыбнулся в ответ:

— Верно. Тебе просто повезло.

— Номер двадцать три.

— К несчастью, в кости можно выбросить только двенадцать.

Она пожала плечами. Сюртук соскользнул с бледного безупречного плечика.

— Я буду стараться.

Он потянулся и запечатлел поцелуй на ее голом плече.

— Насчет костей подумаем. Пока я прихожу в себя после сегодняшнего приключения, лисичка.

«А завтра ты вспомнишь все причины, по которым я не должен приближаться к тебе».

Она закрыла глаза и удовлетворенно вздохнула. Майкл заерзал под ней, стараясь скрыть все усиливающееся вожделение.

Он опять ее хотел.

Но он будет держать себя в руках.

Пора вставать.

Он не мог заставить себя шевельнуться.

— Майкл! — Она снова открыла глаза, голубизной напоминающие летнее небо. В этих глазах можно затеряться навек. — Куда ты отправился?

— Когда?

— После того... как все потерял.

Он глубоко вздохнул и положил руки ей на талию, чтобы отодвинуть ее от себя и встать.

— Тебе не нужно об этом знать.

Она подтянулась повыше и уперлась руками ему в грудь, не дав сдвинуть себя с места.

— А что тебе уже известно?

— Я знаю, что ты потерял все во время игры.

Она была так близко, ее голубые глаза смотрели так напряженно. Его охватило сожаление. Ужасно, что она знает о его ошибках. О его позоре. Ради нее ему хотелось быть кем-нибудь другим. Кем-нибудь новым. Кем-нибудь, достойным ее.

Но может быть, если рассказать ей свою историю, если она будет знать все, то это поможет не подпускать ее слишком близко? А он не влюбится в нее слишком сильно. И он решился.

— Я проиграл все. Все, что не входило в майорат. Все, что не было приковано к титулу поколениями. Как последний дурак. — Он ждал, что она согласится. Но Пенелопа промолчала, и он продолжил: — Лэнгфорд подталкивал меня ставить еще и еще, подстрекал, насмехался до тех пор, пока на столе не оказалось все, чем я владел. А я не сомневался, что выиграю.

Она покачала головой.

— Как же ты мог это знать?

— Никак, верно? Но тем вечером я уже так распалился — выигрывал партию за партией. Когда тебе выпадает полоса выигрышей, возникает ощущение... эйфории. Наступает момент, когда все меняется, все здравые мысли исчезают, и кажется, что проиграть невозможно. — Теперь слова лились из него потоком — вместе с воспоминаниями, которые он так долго прятал от всех и даже от себя. — Для некоторых игра — это болезнь. Вот я и болел. Лекарством был выигрыш. Той ночью я просто не мог перестать выигрывать. До той минуты, когда это закончилось и я потерял все. — Она смотрела на него с сосредоточенным вниманием. — Он ввел меня в соблазн, убеждая ставить на кон все больше и больше...

— Но почему тебя? — Между ее бровей появилась складка, в голосе прозвучал гнев. Майкл протянул руку и разгладил наморщенный лоб. — Ты был так молод!

— Так быстро кинулась защищать меня, хотя ничего не знаешь. — Он провел пальцем по ее переносице. — Все это создал он. Земли, деньги — все. Мой отец был хорошим человеком, но когда он умер, имение было довольно запущенным. Но в нем всего хватало, чтобы Лэнгфорд, усердно трудясь, сделан его процветающим. И ему это удаюсь. К тому времени, как я все унаследовал, маркизат стоил намного дороже, чем его собственные владения, и он не хотел от него отказываться.

— Он сказал, что в конце концов я поблагодарю его за то, что он все у меня отнял, — произнес Майкл, не в силах справиться с издевкой в голосе.

Пенелопа долго молчала, глядя на него серьезными голубыми глазами.

— Возможно, он был прав.

— Нет!

Не прошло ни единого дня, когда бы он не возмущался, что приходится дышать одним

воздухом с Лэнгфордом.

— Ну, вероятно, благодарность — это чересчур. Но только подумай, как высоко ты поднялся, несмотря на все препоны. Подумай, как храбро встретил невозможное. И победил!

Голос Пенелопы звучал настойчиво, она тяжело дышала. Майкл восторгался этим и в то же время негодовал.

— Я уже советовал тебе однажды, Пенелопа, не делай из меня героя. Ни в моих поступках... ни во мне самом... нет ничего героического!

Она помотала головой:

— Ты ошибаешься. На самом деле ты гораздо лучше, чем тебе кажется.

Он подумал о бумагах, лежащих в кармане куртки, о плане, который привел в действие сегодня утром. О мести, которой дожидался столько лет. Очень скоро она увидит, что никакой он не герой.

— Мне бы хотелось, чтобы это было правдой.

Ради тебя.

Эта мысль его преследовала.

Она наклонилась к нему, глядя серьезно и решительно.

— Разве ты не видишь, Майкл? Разве не понимаешь, каким ты стал по сравнению с тем, каким был когда-то? Насколько сильнее? Насколько могущественнее? Если бы не тот случай, полностью изменивший тебя и твою жизнь... ты бы никогда не оказался здесь! — И договорила шепотом: — И я тоже.

Он крепче обнял ее.

— Ну хоть что-то.

Они еще долго лежали так, погружившись каждый в свои мысли, а затем Пенелопа сменила тему:

— А после игры? Что случилось потом?

Майкл посмотрел на потолок, вспоминая.

— Он оставил мне гиней.

Она подняла голову.

— Твой залог.

Его умница жена.

— Я не стал ее тратить. Решил, что ничего у него не возьму — до тех пор, пока не заберу все.

Она внимательно смотрела на него.

— Месть.

— Все, что у меня оставалось, — это одежда, бывшая на мне, и горсть монет в кармане. Меня нашел Темпл. В школе мы с ним дружили, и он дрался с любым, кто платил ему за боксерский матч. По ночам, когда он не дрался, мы играли в кости на улицах у Темпл-Бара.

Она наморщила лоб.

— Разве это не опасно?

Он увидел тревогу в ее глазах, и какая-то его часть потянулась к ее мягкости, к ее нежности. То, что Пенелопа здесь, в его объятиях, и он может поведать ей свою историю, само по себе благословение свыше. Слово она может своей тревогой и любовью спасти его.

Да только его уже давно не спасти, а она не заслуживает такой жизни, полной греха и порока. Она заслуживает лучшего. Куда лучшего.

Майкл пожал плечом:

— Мы быстро поняли, когда нужно драться, а когда бежать.

Она протянула руку и нежно прикоснулась к его разбитой губе.

— Ты до сих пор дерешься.

Он усмехнулся, и голос его зазвучал мрачно:

— Я давным-давно ни от кого не убегаяю.

Ее взгляд метнулся к окну. На улице стояла глухая темная ночь, и свечи в комнате уже почти догорели.

— А «Ангел»?

Он взял один ее длинный белокурый локон, пропустил его между пальцами, наслаждаясь шелковистостью.

— Четыре с половиной года спустя мы с Темплом усовершенствовали наш бизнес... перемещали игру в кости с места на место в зависимости от игроков, и как-то ночью нас окружили двадцать или тридцать мужчин, делавших ставки. В карманах у нас была куча денег, и мы оба понимали, что нам очень скоро придется прекращать игру, иначе нас ограбят. — Он отпустил локон и провел большим пальцем по ее щеке. — Я никогда не умел вовремя остановиться. Всегда хотел сыграть еще разочек, еще раз бросить кости.

— Ты тоже делал ставки?

Он посмотрел ей в глаза, желая, чтобы она хорошо его услышала.

— За девять лет я не поставил ни единой монеты.

В ее взгляде вспыхнуло понимание. И гордость.

— С тех пор как проиграл Лэнгфорду.

— Но игровые столы по-прежнему вызывают ко мне, тут ничего не изменилось. Кости не утратили своего соблазна. А когда крутится колесо рулетки... я всегда мысленно угадываю, где оно остановится.

— Но ставки больше не делаешь.

— Нет. Но обожаю смотреть, как это делают другие. Той ночью Темпл сказал несколько раз, что нам нора уходить. Что пахнет жареным. Но я хотел поиграть еще часок. Или два. Еще раз бросить кости. Собрать ставки. Услышать, сколько должно выпасть очков. — Он погрузился в воспоминания. — Они явились неизвестно откуда, и нам следует сказать спасибо, что у них были дубинки, а не пистолеты. Игроки разбежались, как только запахло жареным, но их бы все равно никто не тронул.

— Им нужны были вы, — произнесла Пенелопа едва слышным шепотом. Майкл кивнул:

— Им нужна была наша выручка. Тысяча фунтов. Может, даже больше.

Больше, чем следует иметь с собой, выходя на улицы.

— Мы дрались изо всех сил, но нас было двое против шестерых... а казалось, что против девятих. — Он едва слышно засмеялся. — Скорее даже против девятнадцати.

Пенелопу это не рассмешило.

— Следовало просто отдать им деньги. Жизнь дороже.

— Моя умная жена. Жаль, что тебя там не было. — Ее лицо побелело. Майкл быстро чмокнул ее. — Я здесь. Живой и здоровый, к несчастью для тебя.

Она замотала головой. Ее настойчивость делала с ним что-то странное.

— Не смей этим шутить. Что случилось дальше?

— Я думал, с нами уже покончено, как вдруг непонятно откуда вылетела карета, а из нее выскочил чуть не батальон мужчин, сложением напоминавших Темпла. Они приняли нашу сторону, победили наших противников, а когда негодяи кинулись прочь, поджав хвосты, нас с Темплом швырнули в карету и повезли к нашему спасителю.

Пенелопа соображала очень быстро.

— К Чейзу.

— Владельцу «Падшего ангела».

— Чего он хотел?

— Деловых партнеров. Кого-то, кто может управлять играми. Кого-то, кто будет заниматься охраной. Людей, разбирающихся как в блеске, так и в вульгарности аристократии.

Пенелопа шумно выдохнула.

— Он спас тебе жизнь.

Майкл погрузился в воспоминания о той первой встрече, когда он понял, что получил шанс

вернуть утраченное.

— Именно так.

Она наклонилась и поцеловала его распухшую губу, а потом лизнула ее язычком. Чего он определенно не заслуживал.

Сжав кулак, он оторвался от ее губ, безнадежно мечтая целовать ее и дальше. Но он не мог позволить ей — не мог позволить себе — и дальше забывать, кто он такой на самом деле... что он такое.

— Я потерял все, Пенелопа. Все. Деньги, земли, содержимое моих домов... домов моего отца. Потерял все, что напоминало мне о них. — Наступило долгое молчание. Затем он тихо добавил:
— Я потерял тебя.

Она склонила голову набок, пригвоздив его взглядом к месту.

— Ты восстановил все это, Майкл. Удвоил. И даже больше.

Он покачал головой:

— Только не самое главное. Уважение. Место в обществе. Все то, что я должен дать жене. То, что должен дать тебе.

— Майкл...

Он услышал осуждение в ее голосе, но проигнорировал его.

— Ты меня не слушаешь. Я не тот человек, который тебе нужен. И никогда им не был. Ты заслуживаешь того, кто не совершил моих ошибок. Того, кто обеспечит тебе титулы, респектабельность, благопристойность и совершенство. — Он помолчал, почти с ненавистью ощущая, что она оцепенела в его объятиях, не желая признавать правду. А затем посмотрел ей в глаза, заставив себя произнести остальное: — Мне жаль, что я не тот человек, Шестипенсовик. Но я не он. Разве ты не видишь? У меня ничего этого нет. Нет ничего, достойного тебя. Ничего, что сделает тебя счастливой.

— Но почему ты так думаешь? — спросила она. — В тебе есть столько всего... гораздо больше того, что мне может потребоваться.

Этого недостаточно.

Он потерял больше, чем когда-либо сможет обрести.

Пусть у него будет сотня домов, денег в двадцать раз больше, чем сейчас, любая роскошь — этого все равно будет недостаточно. Потому что это не сотрет его прошлое, его безрассудство, его неудачу.

И никогда не сделает его человеком, которого она заслуживает.

— Если бы я не вынудил тебя выйти за меня замуж... — начал он, но Пенелопа его перебила:

— Ты ни к чему меня не принуждал. Это я тебя выбрала.

Он покачал головой.

— Ты что, в самом деле не понимаешь? Почему-то ты думаешь, что, потеряв состояние, ты потерял и респектабельность. Но что такое состояние? Всего лишь деньги и земли, накопленные поколениями других людей! Это их достижение. Их честь. А не твоя. Ты... — Он услышал в ее голосе благоговение. Увидел искренность ее чувств в голубых глазах. — Ты сам создал, свое будущее. Ты сделал из себя настоящего человека!

Очаровательно, сентиментально, романтично, но ошибочно.

— Ты имеешь в виду человека, похитившего свою жену под покровом ночи, заставившего ее выйти за себя, использовавшего ее ради земли и мести, а потом... сегодня ночью... раздевшего ее догола в самом легендарном лондонском игорном аду?

Он сам услышал презрение в своем голосе и отвернулся, уставившись в темноту, клубившуюся под высоким потолком комнаты. Майкл чувствовал, что ему самое место в сточной канаве. Он хотел, чтобы она оделась и оказалась как можно дальше от него. Так будет справедливо.

— Господи! Клянусь, что больше я никогда тебя так не унижу! Прости меня, Пенелопа...

Но она не желала отступать. Взяла его за подбородок и заставила снова посмотреть себе в глаза.

— Не нужно говорить об этом так, словно ты вывалил меня в грязи. Я хотела этого. Мне это понравилось. И я не ребенок, которого можно уболтать. Я вышла за тебя замуж и несколько об этом не сожалею. — Она помолчала и улыбнулась чудесной, яркой улыбкой. Радость и сожаление, вызванные этой единственной улыбкой, подействовали на Майкла как физический удар. — Сегодня ночью не было ни единой минуты, когда я почувствовала бы себя униженной или использованной. Совсем наоборот, мне казалось, что передо мной преклоняются.

Это потому, что он перед ней благоговееет.

— Ты заслуживаешь лучшего.

Ее брови резко сошлись на переносице. Она взлетела с кушетки, как феникс, кутаясь в его сюртук.

— Это ты меня не слушаешь. Мне очень не нравится, когда ты ставишь меня высоко на полку, где хранишь ценные вещи, которые не хочешь поломать. Я не желаю находиться на этом почетном месте. Я это ненавижу. И еще сильнее ненавижу, когда ты оставляешь меня там, боясь причинить мне боль. Боясь разбить меня, как будто я какая-то фарфоровая кукла без силы. Без характера.

Майкл встал и пошел в ее сторону. Он никогда не считал, что у нее нет характера. Да будь у нее характера чуть больше, она бы просто свела его с ума.

Он протянул к Пенелопе руку, но та отступила назад.

— Я не совершенна, Майкл. Я отказалась от совершенства, когда поняла: единственное, что оно может мне дать, — это скучный, заурядный брак с таким же совершенным супругом. — Пенелопу трясло от гнева, и он протянул к ней руки, желая привлечь ее в свои объятия, но она отшатнулась, не давая прикоснуться к себе. — А что до того, что ты не совершенен — и слава Богу за это! Я уже жила когда-то безупречной жизнью, и это было чертовски скучно. Совершенство слишком безвкусно, в нем нет изюминки. Теперь я хочу несовершенства!

Хочу мужчину, который в лесу перебросил меня через плечо и уговорил выйти за него замуж ради приключения. Хочу мужчину, который может быть холодным и знойным, который то взлетает, то падает. Того, кто управляет мужским клубом и дамским клубом, и казино, и чем там еще является это невероятное место. Думаешь, я вышла за тебя замуж вопреки твоему несовершенству? Я вышла за тебя ради твоего несовершенства, глупый ты человек. Твоего блистательного, приводящего в бешенство несовершенства!

Разумеется, это неправда. Она вышла за него, потому что он не оставил ей выбора.

Но он не собирался отпускать ее.

Не теперь, когда понял, как это чудесно — держать ее в своих объятиях.

— Пенелопа...

Он снова протянул к ней руки, и на этот раз она позволила себя обнять. Позволила прижать свое роскошное тело к его.

— Я для тебя слишком несовершенен, — прошептал он ей в висок.

— Ты для меня идеально несовершенен.

Она ошибалась, но он больше не хотел об этом думать, а вместо этого сказал:

— Ты стоишь обнаженная в игорном аду, любовь моя.

Она пробормотала свой ответ ему в грудь, и он скорее почувствовал ее слова, чем услышал:

— Просто поверить не могу.

Он погладил ее по спине, прикрытой курткой, и улыбнулся при мысли, что на ней его одежда.

— Зато я могу, моя сладкая авантюристка. — Поцеловал ее в белокурую макушку и сунул руку под куртку, чтобы прикоснуться к ее прелестной груди. Пенелопа вздрогнула от удовольствия, и ему это понравилось. — Мне бы хотелось, чтобы ты каждый день оказывалась голой под моей одеждой.

Она улыбнулась:

— Я каждый день голая под моей собственной одеждой, разве ты не заметил?

Майкл застонал.

— Зачем ты мне это сказала? Как я теперь смогу заниматься делами, если буду постоянно думать о твоей наготы?

Засмеявшись, она отодвинулась от него, и они начали одеваться. Каждый раз, как Майкл протягивал к ней руку, она звучно шлепала по ней.

— Я просто помогаю.

— Ты меня задерживаешь.

Она поправила маленький кремовый бантик на груди. Майкл без зеркала завязывал галстук. Он бы с радостью одевался так с ней каждый день, до конца жизни.

Но этого не будет.

«После того как она узнает о твоей лжи», — шепнуло у него в голове.

— Это вода? — Пенелопа показала на кувшин, стоявший около умывальника.

— Да.

Она налила в таз воды и опустила в него ладони. Не для того, чтобы вымыть их, а просто чтобы поддержать в прохладной жидкости. Майкл увидел, как она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Раз. Другой. Третий. Затем вынула руки из воды, отряхнула их и повернулась к нему.

— Я должна тебе кое-что сказать.

Девять лет наблюдая за игрой в кости, карты и прочими азартными играми, Майкл научился читать по лицам. Научился определять нервозность и возбуждение, и жульничество, и ложь, и ярость, и все прочие оттенки человеческих эмоций.

Все — кроме того чувства, что сейчас отражалось во взгляде Пенелопы, чувства, притавшегося за нервозностью, удовольствием и волнением.

Как ни странно, именно потому, что никогда не видел его раньше, он сразу точно понял, что это за чувство.

Любовь.

У него перехватило дыхание. Он выпрямился, охваченный сразу и желанием, и страхом, и еще чем-то, о чем не хотел даже думать. Чего не хотел признавать.

А ведь он просил ее не верить ему, не возводить на пьедестал.

Он ее предупреждал.

И ради собственного здравого рассудка он не мог позволить ей сказать, что она его любит.

Потому что оказалось, что он слишком сильно хочет это услышать.

И тогда Майкл сделал то, что умел делать лучше всего, — подавил искушение. Подошел к Пенелопе, притянул ее к себе и быстро поцеловал, хотя ему отчаянно хотелось целовать ее долго. Насладиться этим поцелуем. Превратить его во что-то такое же искушающее, как пронзившее его чувство.

— Уже поздно, милая. Хватит на сегодня разговоров.

Любовь в глазах Пенелопы сменилась растерянностью, и его переполнила ненависть к себе.

Печально, но это чувство тоже становилось ему чересчур знакомым.

В дверь постучали, выручив его. Майкл глянул на часы — почти три утра, слишком поздно для посетителей. Это могло означать только одно — новости.

Он быстро подошел к двери и отпер ее, прочитав все на лице Кросса раньше, чем тот успел вымолвить хоть слово.

— Он здесь?

Взгляд Кросса метнулся поверх плеча Майкла на Пенелопу и снова вернулся к Майклу. Какие серые и непроницаемые у него глаза!

— Да.

Майкл не мог заставить себя посмотреть на нее. Она подошла так близко, что ее нежный аромат окутывал его. Вероятно, в последний раз.

— Кто здесь? — спросила Пенелопа.

Он не хотел отвечать, хотя понимал, что она так или иначе узнает правду. А когда узнает, он потеряет ее навсегда.

И тогда он посмотрел ей в глаза, стараясь выглядеть спокойным и хладнокровным.

Помнить, что десять лет назад он поставил перед собой одну-единственную цель.

— Лэнгфорд.

Она застыла, когда это имя словно взорвалось в комнате.

— Одну неделю, — мягко попросила Пенелопа, вспомнив их соглашение и покачав головой. — Майкл. Пожалуйста. Не делай этого.

Но он не мог остановиться. Это все, чего он когда-либо хотел.

Пока не появилась она.

— Оставайся здесь. Кто-нибудь отвезет тебя домой.

Он вышел из комнаты. Дверь за ним захлопнулась со звуком, напоминающим ружейный выстрел. И делая шаг за шагом по этому темному, пустому коридору, Майкл пытался укрепить себя, готовясь к тому, что ему предстояло. Как ни странно, не встреча с Лэнгфордом, с человеком, отнявшим у него его жизнь, требовала от него дополнительных сил, а потеря Пенелопы.

— Майкл!

Она торопливо шла за ним по коридору. Его имя, сорвавшееся с ее уст, заставило его обернуться. Он просто не мог проигнорировать прозвучавшую в ее голосе боль. Майкл отчаянно хотел уберечь Пенелопу от нее.

Она бежала к нему, быстро, яростно, и он поймал ее, поднял в воздух, и она обхватила ладонями его лицо и посмотрела ему в глаза.

— Ты не обязан это делать, — прошептала она, поглаживая большими пальцами его щеки. — У тебя есть Фальконвелл... и «Ангел»... Лэнгфорд о таком и мечтать не мог! И это гораздо больше, чем гнев, отмщение и ярость. У тебя есть я. — Она долго всматривалась ему в глаза, а затем негромко договорила: — Я люблю тебя.

Он убеждал себя, что не хочет этого слышать, но едва признание сорвалось с ее уст, Майкла пронзило почти непереносимым наслаждением. Он закрыл глаза и поцеловал ее страстно, словно заглядывая прямо в душу, желая запомнить, какова она на вкус, каков ее аромат, — запомнить все в ней навсегда. Оторвался от ее губ, поставил Пенелопу на пол и сделал шаг назад, глубоко вдыхая ее аромат и любясь тем, как блестят эти прекрасные голубые глаза.

Ему всегда будет мало этих прикосновений.

Если бы он мог вернуться назад, то прикоснулся бы к ней еще и еще.

«Я люблю тебя...»

Он словно снова услышал этот искушающий шепот и покачал головой:

— Не нужно.

Майкл отвернулся и пошел к своему прошлому, оставив ее в этом темном коридоре, не желая оборачиваться. Не желая признаваться даже самому себе, что он оставляет позади.

Что теряет.

Глава 21

«Дорогой М.!

Довольно. Хватит этого.

Без подписи.

Нидэм-Мэнор, январь 1830 года».

Письмо уничтожено.

Борн мысленно представлял себе этот момент сотни раз — нет, тысячи.

Он проигрывал эту сцену в голове, входя в частную комнату для игры в карты, где сидел Лэнгфорд, один, выбитый из колеи, подавленный размерами и мощью «Ангела», королевства, где правил Майкл.

Ни разу за все это время Борн не думал, что будет испытывать что-нибудь, кроме триумфа, в минуту, когда девять лет гнева и отчаяния наконец-то закончатся. Но когда Майкл открыл дверь в этот роскошный частный номер, расположенный далеко от игорного зала клуба, и наткнулся на бесстрастный взгляд своего давнего врага, он испытал вовсе не триумф.

А отчаяние. И гнев.

Потому что даже сейчас, спустя девять лет, этот человек все еще мог обчистить Майкла как липку. Сегодня он украл у него будущее с женой.

И нельзя было позволить ему продолжать.

В его памяти Лэнгфорд всегда представлял как нечто огромное — бронзовая кожа, белые зубы, громадные кулаки. Человек, который без колебаний берет то, что хочет. Человек, который походя, безжалостно рушит чужие жизни и даже не оглядывается назад.

И сейчас, почти десятилетие спустя, Лэнгфорд не изменился.

Он и сейчас выглядел таким же здоровым и крепким, как раньше, — правда, седины добавилось, но шея оставалась такой же толстой, а плечи широкими. Годы отнеслись к нему по-доброму.

Взгляд Майкла метнулся туда, где на зеленом бархате стола лежала левая ладонь врага. Он помнил, как эта рука сжимается в кулак и стучит по дереву, требуя новую колоду карт или вино, чтобы отпраздновать выигрыш. Будучи молодым человеком и только начиная учиться азартным играм, Майкл часто наблюдал за этой рукой и завидовал самообладанию Лэнгфорда.

Он сел в кресло напротив Лэнгфорда и молча посмотрел на него.

Пальцы Лэнгфорда на зеленом сукне дернулись.

— Я протестую. Твои головорезы силком притащили меня сюда глухой ночью.

— Я подумал, что на обычное приглашение ты скорее всего не отзовешься.

— И ты был прав. — Майкл ничего не ответил, и Лэнгфорд вздохнул. — Полагаю, ты позвал меня сюда, чтобы поглумиться по поводу Фальконвелла?

— Помимо всего прочего. — Майкл сунул руку в карман куртки, вытащил доказательство рождения Томми и покрутил документ в руках.

— Должен признаться, я удивлен. Ты опустился до того, чтобы жениться на девчонке Марбери, пусть даже ради Фальконвелла? Ее никак нельзя назвать желанным призом. — Он помолчал. — Но целью. Конечно, была земля, верно? Отлично сработано. Думаю, цель оправдывает средства.

Майкл стиснул зубы — в самом начале он и сам относился к этому браку точно так же, и напоминание о том, что он был такой же скотиной, как Лэнгфорд, сильно его зацепило.

«Не делай этого». Просьба Пенелопы, ее умоляющий голос эхом прозвучал у него в голове. Он замер, трогая подушечкой большого пальца край старого документа. Майкл снова покрутил бумажный квадратик, обдумывая эти слова, вспоминая голубые глаза жены, умоляющей его стать выше этого. Лучше. Достойнее. «Я люблю тебя». Ее последнее оружие против его мести.

От любопытства Лэнгфорд стал нетерпеливым.

— Ну давай, мальчик. Что там у тебя?

Услышав это короткое, резкое требование, Майкл снова стал мальчишкой, которому едва исполнился двадцать один год, сидящим напротив человека, желающего уничтожить его. Только на этот раз власть находилась у него в руках. Шевельнув запястьем, он швырнул документ через стол.

Лэнгфорд взял его, развернул, прочитал, но глаз от него так и не оторвал.

— Откуда это у тебя?

— Может, ты и завладел моими землями, но моего могущества у тебя нет.

— Это меня уничтожит.

— Это моя сама большая надежда.

Майкл ждал, что сейчас наступит миг победы. Что он увидит на лице своего визави удивление и сожаление, что тот поднимет глаза от бумаги и признает свое поражение. Но когда Лэнгфорд все-таки встретился взглядом с Майклом, оторвавшись от пожелтевшего пергамента, в его глазах светилось нечто совсем иное.

Восхищение.

— И как долго ты ждал этой минуты?

Майкл заставил себя откинуться на спинку кресла и прикрыл глаза, скрывая изумление.

— С тех пор как ты все у меня отнял.

— С тех пор как ты все мне проиграл, — поправил его Лэнгфорд.

— Я тогда был мальчишкой, едва успевшим несколько раз сыграть в карты, — возразил Майкл, чувствуя, как разгорается его гнев. — Но это осталось в далеком прошлом. Теперь я знаю, что ты нарочно раскручивал игру. Поддавался, давал мне выигрывать до тех пор, пока я не поставил на кон все, что имел.

— Думаешь, я жульничал?

Взгляд Майкла не дрогнул.

— Я не думаю, я знаю.

Призрак улыбки, достаточный, чтобы подтвердить правоту Майкла, скользнул по губам Лэнгфорда. Он снова обратил все внимание на губительную бумагу.

— Значит, теперь тебе все известно. Ребенок — отродье мое брата, родился у дочери местного фермера. Женщина, на которой женился я, оказалась бесполезной — приданое-то большое, а вот родить она не смогла. Я заплатил той девице и взял ребенка себе. Лучше фальшивый наследник, чем никакого.

Томми всегда отличался от этого человека. Он никогда не был таким холодным, таким расчетливым. Теперь все обрело смысл, и Майкл понял, что где-то в глубине души, там, где вроде бы и места нет никаким чувствам, он испытывает сочувствие к мальчику, бывшему когда-то его другом, к мальчику, так старавшемуся стать достойным сыном своего отца. А виконт продолжал:

— Всего несколько человек, самых близких, знали, что моя жена никогда не рожала. — Он поднял документ и едва заметно усмехнулся. — Теперь я вижу, что даже им не следовало доверять.

— Может быть, они решили, что ты непорядочно поступил?

— Да ладно, — хмыкнул Лэнгфорд. — Оглянись вокруг. Ты создал это место, заново отстроил свою жизнь, восстановил состояние. Что бы ты сделал, если бы тебя заставляли отдать все это?

Передать кому-то, кто пальцем о палец не ударил для их развития? Для успеха? Неужели ты хочешь мне сказать, что не сделал бы ровно того же, что и я? — Он бросил бумагу на стол. — И соврешь. У тебя точно так же нет совести, как и у меня, и вот доказательство.

Он откинулся на спинку кресла.

— Жаль, что мне достался Томми, а не ты. Из тебя получился бы отличный сын — вон как хорошо ты усвоил урок, который я тебе преподавал.

Майкл с трудом удержал порыв отшатнуться, услышав намек на то, что они с Лэнгфордом похожи. Но ведь это правда. И он ненавидит себя за это.

Он перевел взгляд на бумагу на столе — почему-то казалось, что она весит тысячу тонн и одновременно ничего не весит. В ушах стоял настоящий рев — Майкл пытался осознать важность того, что сделал. Что делает.

Не догадываясь о его мыслях, Лэнгфорд сказал:

— Давай к делу. Все остальное пока у меня — все, что оставил тебе отец. Все твое прошлое. Думаешь, я не ждал от тебя ничего в этом роде? — Он сунул руку в карман куртки и вытащил стопку бумаг. — Мы с тобой скроены из одной материи, ты и я. — Он положил бумаги на стол. — Ты все еще играешь в двадцать одно? Мое наследство против твоего.

И едва Майкл увидел их там, с расчетливой аккуратностью выложенные на зеленое сукно стола, он понял. Он переигрывал ту роковую ночь сотни раз — да какие сотни, тысячи! Видел, как скользят карты по сукну, считал — десять, четырнадцать... двадцать два, положившие конец его наследству и юности.

И всегда думал, что именно тот миг стал чертой, уничтожившей все то хорошее, что было в нем.

И ошибался.

Итог подведет эта минута.

Он подумал о Пенелопе в его объятиях, о ее мягких губах, прижавшихся к его губам, о том, как она задержала дыхание, умоляя его не ходить сюда. Не делать этого. Вспомнил, как она смотрела прямо ему в глаза и просила не отказываться от последнего шанса на счастье — от последней крупницы порядочности.

Не дать жажде мести затмить любовь.

Он протянул руку к стопке документов и начал их просматривать, разложив по сукну. Уэльс, Шотландия, Ньюкасл, Девон — множество домов, нажитых поколениями маркизов, когда-то жизненно важных для него... а теперь ставших всего лишь пустым набором кирпича и известки.

Только прошлое. Не будущее.

Ничто без Пенелопы.

Что он наделал?

Боже правый, ведь он любит ее!

Осознание обрушилось на него как удар, абсолютно неуместный и куда мощнее, чем что-либо другое; И он возненавидел себя за то, что упустил шанс сказать ей это.

И вдруг, словно он вызвал ее силой мысли, она оказалась тут. Голос ее зазвенел за дверью:

— Можете попытаться остановить меня, но даже не сомневайтесь — я войду в эту комнату!

Майкл поднялся, глядя на дверь, — та резко распахнулась, за ней стоял растерянный Бруно, а сразу у него за спиной раздраженная донельзя Пенелопа. Охранник поднял вверх руки с беспомощным выражением лица, которое, несомненно, позабавило бы Майкла, случись это в другом месте в другое время. Похоже, Бруно не понимал, что делать с этой маленькой странной женщиной, обладающей силой десятка мужчин. А то и двадцати.

Она протиснулась мимо него и вошла в комнату, вздернув подбородок и расправив плечи. На ее прелестном лице застыло выражение гнева, досады и решимости.

И он никогда еще не хотел ее так сильно.

Но возле Лэнгфорда ей делать точно нечего. Майкл подошел к жене, отвел ее в сторону и негромко произнес:

— Ты не должна находиться здесь.

— И ты тоже!

Он повернулся к Кроссу, появившемуся в дверях рядом с Бруно.

— Ты должен был отвезти ее домой.

Кросс пожал тощим плечом:

— Эта леди весьма... несговорчива.

Пенелопа с улыбкой повернулась к высокому рыжеволосому мужчине.

— Спасибо. Пожалуй, это самое приятное, что обо мне когда-либо говорили.

Майкл отчетливо понимал, что события определенно выходят из-под контроля. Но прежде чем он успел хоть что-то произнести, Пенелопа отодвинула его в сторону и прошла дальше.

— Лорд Лэнгфорд, — сказала она, сурово глядя на того.

— Пенелопа, — удивленно ответил пожилой виконт.

— Для вас — леди Борн! — холодно отрезала она. Майкл подумал, что Пенелопа еще никогда не выглядела такой красавицей. — А если хорошенько подумать, то вам следовало всегда называть меня леди, но вы этим не утруждались.

Лэнгфорд раздраженно прищурился, и Майклу страшно захотелось всадить кулак в его лицо.

Но этого не требовалось. Его жена отлично могла постоять за себя сама.

— О, вижу, вам это не нравится? Ну так позвольте рассказать вам, что не нравится Мне. Я терпеть не могу высокомерие. Не терплю жестокость. И мне совершенно определенно не

нравитесь вы. Самое время нам с вами выяснить это, Лэнгфорд, потому что пусть вы украли у моего мужа земли, деньги и репутацию и пусть вы были отвратительным отцом моему другу, я решительно отказываюсь позволить вам отнять у меня еще хоть что-то, презренный вы старикашка.

Брови Майкла взлетели вверх. Он понимал, что ее следует остановить.

Но только ему совсем не хотелось этого делать.

— Я не обязан все это выслушивать. — Лэнгфорд, покрывшийся уродливыми красными пятнами, вскочил с кресла с разъяренным видом и взглянул на Майкла. — Успокой свою женщину, или мне придется самому это сделать!

Майкл шагнул вперед. Бешенство клокотало у него в горле. Но прежде чем он успел добраться до виконта, Пенелопа с беспощадным лицом повернулась к нему.

— Нет! Это не твоя забота!

Майкл буквально онемел, хотя удивляться тут было нечему — жена то и дело лишала его дара речи. О чем, черт побери, она говорит? Это как раз таки самая его забота! Мало того, что он ждал этой минуты почти десять лет, Лэнгфорд еще посмел угрожать тому единственному, что ему по-настоящему дорого!

Майкл оцепенел. Единственное, что ему по-настоящему дорого...

А ведь это правда. Есть Пенелопа, и есть все остальное. Земли, деньги, «Ангел», месть — все это не стоит даже волоска с ее головы.

А потрясающая женщина снова повернулась к нему спиной.

Она посмотрела в лицо своему врагу и махнула рукой на дверь, где стояли Бруно с Кроссом, серьезные и даже испуганные.

— Вас не затруднит пресекать попытку побега, пока я не закончу?

Майкл не удержался. Он ухмыльнулся. Это же королева-воительница!

Его королева-воительница.

— Вы всю свою жизнь не задумывались о последствиях своих поступков, Лэнгфорд. Заверяю вас, я буду только счастлива, когда вы одним махом проиграте все, чем владеете, но боюсь, что это слишком дорого обойдется тем, кого я люблю.

Она посмотрела на стол, окинула взглядом лежавшие там бумаги и мгновенно поняла, в чем дело.

— Ага, предполагается ставка? Победитель получает все? — Она взглянула на Майкла. Глаза ее на секунду расширились, в них что-то сверкнуло, но Пенелопа тотчас погасила свой взгляд. Впрочем, Майкл и так понял — разочарование. — Ты собирался делать ставку?

Он хотел сказать ей правду, сказать, что еще до ее появления туг решил — оно того не стоит... что он не стал бы рисковать их счастьем. Их будущим.

Но она уже повернулась к двери.

— Кросс!

Кросс выпрямился.

— Да, миледи?

— Принесите нам колоду карт.

Кросс вопросительно глянул на Борна.

Тот кивнул:

— Леди нужна колода карт.

Кросс никогда никуда не ходил без карт, поэтому он пересек комнату, вытащил их и протянул Пенелопе.

Она покачала головой:

— Я собираюсь играть. Нам потребуется крупье.

Майкл уставился на нее, а Лэнгфорд презрительно хмыкнул:

— Я не буду играть в карты с женщиной.

Пенелопа села.

— Обычно я не играю в карты с мужчинами, которые грабят детей и отнимают у них наследство, но сегодня, пожалуй, сделаю исключение.

Лэнгфорд подался к Пенелопе. В глазах его пылала ярость.

— Я не играю в карты с женщинами! И уж точно не намерен играть с женщиной, у которой нет ничего для меня нужного.

Пенелопа сунул руку в лиф и, вытащив оттуда какую-то сложенную бумагу, положила ее на стол.

— Совсем напротив, у меня есть то, что вы отчаянно хотите заполучить. — Майкл наклонился, пытаясь рассмотреть бумагу, но Пенелопа накрыла ее ладонью. Он поднял взгляд и увидел, что ее холодные голубые глаза устремлены на виконта. — Томми не единственный ваш секрет, верно?

Лэнгфорд в бешенстве прищурился.

— Что это у вас? Откуда вы это взяли?

Пенелопа подняла бровь.

— Похоже, вы все-таки будете играть в карты с женщиной.

— Все, что вы раздобыли, уничтожит и Томми тоже!

— Полагаю, он переживет, если это выплывет наружу. А вот вы — точно нет. — Она помолчала.

— Думаю, вы знаете почему.

Брови Лэнгфорда резко сошлись вместе. Майкл увидел на его лице досаду, отчаяние и гнев. Виконт повернулся к Кроссу.

— Сдавайте.

Кросс посмотрел на Майкла. Его вопросительный взгляд был выразительнее любых слов. Майкл за девять лет не сделал ни единой ставки. Не сыграл ни одной партии, как будто дожидался этой ночи, когда сможет снова сыграть против Лэнгфорда... и на этот раз выиграть.

Но пока он смотрел на свою жену, гордую и блистательную, кинувшую вызов человеку, которого он ненавидел так долго, Майкл понял, что порочное желание, глодавшее его все прошедшее десятилетие при одной мысли о Лэнгфорде и украденных им землях, исчезло. Испарилось. Пропало вместе с желанием отомстить.

Все это уже стало прошлым.

А Пенелопа — его будущее.

Если он сможет ее заслужить.

— За меня играет леди.

Он взял со стола доказательство внебрачного рождения Томми и положил перед Пенелопой. Она коротко глянула на него своими чистыми голубыми, полными изумления глазами, поняв значение этого жеста. Майкл не погубит Томми. Что-то мелькнуло в ее лице... счастье, гордость и что-то еще, и Майкл поклялся себе, что будет каждый день вновь и вновь добиваться этого выражения. Впрочем, оно мгновенно исчезло, сменившись... внезапной тревогой.

— Ты получила то, чего хотела, любовь моя. Оно твое. — Майкл поднял бровь. — Но на твоём месте я бы не останавливался. Ты на выигрышной волне.

Она посмотрела на ставку Лэнгфорда — прошлое Майкла, — и ему захотелось расцеловать ее за чувства, отразившиеся у нее на лице... волнение и желание... желание победить.

Ради него.

Она кивнула Кроссу. Тот начал быстрыми, экономичными движениями тасовать колоду.

— Одна партия в двадцать одно. Победитель получает все.

Кросс раздал карты — одна рубашкой вверх, вторая вниз, и Майклу вдруг пришло в голову, что игра эта вовсе не для леди. Правила, конечно, обманчиво простые, но Пенелопа вряд ли когда-нибудь в нее играла, и если удача ей не улыбнется, она быстро будет раздавлена таким многоопытным игроком, как Лэнгфорд.

После всех этих лет он все-таки подошел почти вплотную к тому, чтобы уничтожить Лэнгфорда и восстановить владения маркизата. Неужели и сейчас он потерпит неудачу? И внезапно Майкл понял, что он слишком долго считал это залогом искупления. Но сейчас правда лежала перед ним как на ладони.

Пенелопа — вот его искупление.

Перед ней лежала открытая четверка треф. Пенелопа осторожно приподняла уголок

следующей карты. Майкл внимательно всматривался в ее лицо, пытаясь угадать, что там. Кажется, ничего особо впечатляющего. Он повернулся к Лэнгфорду. Тот сидел, как всегда, положив левую ладонь на стол. Перед ним лежала десятка червей.

Он похлопал ладонью по столу. Кросс вопросительно взглянул на него.

— Воздержусь.

Значит, карты неплохие.

Должно быть, Лэнгфорд пришел к тому же выводу, что и Майкл, — Пенелопа новичок в игре, и, как любого новичка, ее легко сбить с толку.

Кросс посмотрел на Пенелопу.

— Миледи?

Она покусала нижнюю губу, привлекая внимание Майкла.

— Можно мне еще одну?

Уголок рта Майкла приподнялся в легкой улыбке. Такая вежливая, хотя у нее на кону стоят владения стоимостью свыше миллиона фунтов, и где? В одном из самых привилегированных игорных клубов Лондона.

Кросс сдал ей еще одну карту, на этот раз тройку червей. Семь.

Майкл мысленно уговаривал ее остановиться, понимая, что скорее всего со следующей картой у нее будет больше двадцати одного очка. Одна из самых распространенных ошибок — набирать карты, имея две младших.

— Еще одну, пожалуйста.

Кросс замялся. Он понимал расклад, и тот ему не нравился.

— Девушка попросила карту, — самодовольно произнес Лэнгфорд. Он чувствовал, что вот-вот выиграет, и Майкл мысленно поклялся себе, что даже если тот выйдет из клуба, не потеряв ни фаринга, с силой его кулака ему познакомиться придется.

Шестерка червей легла рядом с остальными картами.

Тринадцать.

Пенелопа закусала губу и снова заглянула в карту, лежавшую рубашкой вверх — доказательство, что она новичок в игре. Будь у нее двадцать одно, она бы не смотрела. Она взглянула на Кросса, потом тревожными глазами на Майкла, который готов был биться об заклад на все свое состояние, что у нее перебор.

— Это все?

— Если только ты не хочешь взять еще одну.

Она помотала головой:

— Нет.

— У девчонки перебор, это и слепому видно. — Лэнгфорд с самодовольной ухмылкой открыл свою вторую карту.

Дама. Двадцать. Сегодня ночью виконт оказался самым удачливым человеком в Лондоне.

Но Майклу было плевать.

Он просто хотел, чтобы эта ночь закончилась, чтобы он смог отвезти свою жену домой и сказать ей, что любит ее. Наконец-то.

— У меня и в самом деле больше двадцати, — сказала Пенелопа, открывая свою последнюю карту.

Майкл подался вперед, уверенный, что ошибся.

Восьмерка бубен.

Кросс не смог скрыть изумление в голосе:

— У леди двадцать одно!

— Невозможно! — Лэнгфорд тоже подался вперед. — Невозможно!

Майкл не выдержал. Он расхохотался, привлекая к себе всеобщее внимание.

— Моя великолепная жена! — произнес он с гордостью в голосе и недоверчиво покрутил головой.

За спиной что-то шевельнулось, и тут развернулся ад.

— Ты, сучка, жульничаешь? — Тяжелые руки Лэнгфорда опустились Пенелопе на плечи. Он в бешеной ярости выдернул ее из кресла. Пенелопа вскрикнула и пошатнулась, но он оторвал ее от пола и неистово затряс. — Думаешь, это игрушки? Жульничаешь, сучка?

Все это заняло не больше двух секунд, но Майклу показалось, что прошла целая вечность. Он в мгновение ока оказался рядом с ними, оттащил Лэнгфорда от Пенелопы и подтолкнул ее к Кроссу, уже стоявшему рядом.

А затем Майкл набросился на виконта.

— Похоже, мне не придется тебя бесчестить! — прорычал он. — Я тебя просто убью!

Схватив Лэнгфорда за лацканы сюртука, он изо всех сил ударил того об стену, желая наказывать его снова и снова за то, что тот осмелился прикоснуться к Пенелопе.

Осмелился сделать ей больно.

Он хотел забить виконта до смерти. Прямо сейчас.

— Думаешь, я все еще мальчишка? — рычал он, оттаскивая Лэнгфорда от стены и снова впечатывая в нее. — Думаешь, можешь явиться в мой клуб, угрожать моей жене, и тебе за это ничего не будет? Думаешь, я позволю тебе дотронуться до нее хоть пальцем? Да ты не достоин

дышать с ней одним воздухом!

— Майкл! — крикнула она с другой стороны комнаты, где Кросс удерживал ее, не давая вмешаться в драку. — Прекрати! — Он повернулся к Пенелопе, увидел, что по ее щекам катятся слезы, и замер, разрываемый между желанием убить Лэнгфорда и утешить жену. — Он не стоит этого, Майкл.

— Ты женился на ней ради земли, — просипел Лэнгфорд, с трудом втягивая воздух. — Можешь одурачить хоть весь Лондон, но не меня. Я знаю, что Фальконвелл значит для тебя больше, чем все прочее на свете. Она была всего лишь средством к достижению твоей цели. Думаешь, я этого не понимаю?

Средством достижения цели. Эхо этих слов, так часто повторяемых им в самом начале их брака, показалось ему ударом — частично потому, что в них заключалась правда, но в основном потому, что теперь они стали фальшью.

— Ты, ублюдок! Думаешь, ты меня знаешь? — Он снова ударил Лэнгфорда об стену. Сила испытываемых эмоций приводила его в лютое бешенство. — Я люблю ее. Она единственное, что вообще имеет значение! А ты осмелился прикоснуться к ней!

Лэнгфорд открыл рот, собираясь что-то сказать, но Майкл ему не дал.

— Ты не заслуживаешь милосердия. Ты постыдный отец, опекун и жалкий человечиска. И тем, что ты пока еще в состоянии стоять на ногах, ты обязан исключительно великодушию этой леди! Но если ты подойдешь к ней хотя бы на милую, или я услышу, что ты говоришь про нее гадости, я с наслаждением разорву тебя пополам. Это понятно?

Лэнгфорд сглотнул и торопливо закивал:

— Да.

— Есть какие-то сомнения, что я сделаю это?

— Нет.

Он швырнул виконта в сторону Бруно.

— Избавься от него. И пошли за Томасом Оллесом.

Не сомневаясь, что его поручение уже выполняется, Майкл быстро пересек комнату и стиснул Пенелопу в объятиях.

Она уткнулась лицом ему в шею и прошептала:

— Что ты сказал? — Голос ее дрожал. Майкл быстро провел руками по ее спине и прижал жену к себе еще крепче. Она подняла голову (голубые глаза блестели от слез) и повторила: — Что ты сказал?

Он вовсе не так собирался сообщить ей об этом, но в их браке все происходило не в традиционной манере, и Майкл решил, что и этот момент не должен отличаться от прочих. И поэтому, стоя там, среди перевернутых кресел, в комнате для игры в карты, находившейся в игорном аду, он посмотрел жене в глаза и произнес:

— Я люблю тебя.

Она покачала головой:

— Но ты же выбрал месть.

— Нет, — ответил Майкл, опершись на карточный стол и привлекая ее к себе, и взял ее за руки. — Нет. Я выбираю тебя. Я выбираю любовь.

Она склонила голову набок, всматриваясь в его глаза.

— Это правда?

Внезапно правда стала значить для него больше, чем все, что угодно.

— Господи, да! Да, это правда! — Он взял ее лицо в свои ладони. — Я выбираю тебя, Пенелопа. Выбираю любовь, а не месть. Выбираю будущее, а не прошлое. Выбираю твое счастье.

Она молчала долго, так долго, что он начал волноваться.

— Шестипенсовик? — окликнул ее Майкл, по-настоящему испугавшись. — Ты мне веришь?

— А разве можно не верить собственному мужу?

Глава 22

Этой ночью Пенелопа так и не уснула. Даже и не пыталась.

И когда на следующее утро пришел Томми, не имело никакого значения, что час для визитов слишком ранний. Когда она вошла в гостиную, он стоял у камина — в пальто, держа в руках шляпу и трость.

Обернувшись и увидев ее красные глаза, он с исключительным тактом воскликнул:

— Боже правый! Ты выглядишь так же кошмарно, как он!

И это все, что он заметил? Пенелопа разразилась слезами. Он стремительно подошел к ней:

— О, Пен. Не нужно. Ох, черт бы все побрал. Не плачь! Я сказал глупость. И беру свои слова обратно. Ты выглядишь вовсе не кошмарно.

— Врунишка, — сказала она, вытирая слезы.

Уголок его рта приподнялся в улыбке.

— Вовсе нет. Выглядишь просто замечательно, совсем не похожа на хнычущую девицу.

Пенелопа почувствовала себя полной дурой.

— Понимаешь, ничего не могу с собой поделать.

— Ты его любишь.

Она глубоко вздохнула.

— Ужасно.

— А он любит тебя.

Снова под стушил и слезы.

— Уверяет, что любит.

— Но ты ему не веришь?

Ах, как ей хотелось поверить. Отчаянно!

— Не могу... не понимаю, с какой стати он меня вдруг полюбил? Что такое во мне его изменило, что тронуло? Что заставило меня полюбить?

Она пожала плечиком и уставилась себе на ноги, на носки зеленых домашних туфель, выглядывавших из-под платья.

— Ох, Пен... — Томми вздохнул, заключив ее в теплые братские объятия. — Я был таким идиотом! И Лэнгфорд тоже, и все остальные. Ты лучше всех нас, вместе взятых. — Он отступил назад и твердо взял ее за плечи, глядя прямо ей в глаза. — И лучше Майкла тоже.

Пенелопа глубоко вздохнула, разгладила отвороты его пальто.

— Ничего подобного.

Он криво усмехнулся уголком рта.

— Именно поэтому он тебя и не заслуживает. Потому что он настоящий осел, а ты его все равно любишь.

— Люблю, — мягко подтвердила она.

— Видишь ли, мы с ним вчера ночью встретились, сразу после того, как ты ушла. — Пенелопа подняла глаза. — Он отдал мне доказательства моего скандального происхождения. Сказал, что ты их у него выиграла.

— Он сам мне их отдал, — поправила Пенелопа. — Мне не пришлось ставить на кон еще и их. Он не собирался губить тебя, Томми. Он все это остановил.

Томми покачал головой:

— Это ты его остановила. Ты так его полюбила, что он понял — в этой жизни существует не только месть. Ты его изменила. Дала еще один шанс стать тем Майклом, которого мы когда-то знали, а не холодным, жестоким Борном, в которого он превратился. Ты сдвинула с места гору. — Он пальцем постучал по ее подбородку. — Он тебя обожает. Любой, у кого есть глаза, увидит это.

«Я выбираю тебя. Я выбираю любовь». Эти слова Майкла она снова и снова проигрывала в голове всю ночь. И они внезапно обрели смысл. И, словно кто-то зажег свечу в ее душе, Пенелопа без тени сомнения поняла, что в них заключена правда. Он ее любит.

У нее даже голова закружилась.

— Он меня любит, — произнесла она сначала негромко, пробуя слова на вкус. — Он меня любит! — И засмеялась, глядя на Томми. — В самом деле любит!

— Конечно, любит, глупая ты девчонка, — улыбнулся Томми. — Мужчины вроде Борна не признаются в любви притворно. — Он понизил голос до заговорщического шепота. — Это вовсе не в его характере.

Ну конечно же. Великий и опасный Борн, холодный и жестокий, человек, управляющий игорным адом, похищающий женщин глухой ночью и живущий только ради мести, — вовсе не тот человек, который может влюбиться в собственную жену. И все-таки это произошло. Чудеса возможны.

И Пенелопа знала, что глупо тратить понапрасну время, спрашивая «как» и «почему», когда можно просто провести остаток жизни, любя его взаимно.

Она улыбнулась Томми и сказала:

— Я пойду к нему. Я должна сказать, что верю ему.

Он кивнул и поправил пальто.

— Превосходный план. Но прежде чем ты кинешься спасти свой брак, может быть, все-таки выкройшь минутку, чтобы попрощаться со старым другом?

В своем нетерпении скорее отыскать Майкла она даже не сразу поняла, о чем он.

— Да, конечно. — И после короткой паузы: — погоди. Прощаться?

— Я уезжаю в Индию. Пароход отходит сегодня.

— В Индию? Почему? — Она свела брови вместе. — Томми, теперь в этом нет необходимости. Твоя тайна... она снова только твоя.

— И я буду за это тебе вечно благодарен. Но билет уже куплен, и будет жалко, если он пропадет.

Она внимательно посмотрела, на него.

— Ты этого в самом деле хочешь?

Он вскинул светлую бровь.

— А ты в самом деле хочешь Майкла?

«Да. Господи, да».

Пенелопа улыбнулась:

— Значит, у нас обоих будет приключение.

Томми засмеялся:

— Подозреваю, что твое окажется куда более захватывающим.

— Я буду по тебе скучать, — призналась Пенелопа.

Томми кивнул:

— Я тоже. Но я буду присылать твоим детишкам подарки из заморских стран.

Детишкам. Ей нужно увидеть Майкла. Немедленно!

— Смотри не забудь, — велела она. — А я буду радовать их рассказами про дядюшку Томми.

— О, Майклу это особенно понравится! — расхохотался Томми. — Думаю, они пойдут по моим стопам, станут знаменитыми рыбаками и посредственными поэтами. Иди уже, ищи своего мужа.

Пенелопа улыбнулась:

— Так я и сделаю.

Майкл поднимался в «Адский дом», перескакивая через две ступеньки, так ему не терпелось увидеть жену, и ругал себя последними словами за то, что не запер ее вчера ночью в клубе. Пусть бы сидела там, пока не поверит, что он ее любит. Ну как она могла ему не поверить? Как она может не видеть, что он отчаянно хочет ее?

Едва он добрался до верхней ступеньки, дверь отворилась, и предмет его мыслей выскочил из дома, чуть не опрокинув его с лестницы. Пенелопа так резко остановилась, что зеленый плащ на ней закрутился, подол задел Майкла по ногам. Они уставились друг на друга.

При виде жены у Майкла перехватило дыхание. Да как он вообще мог думать, что она не красива? Сейчас, среди февральской слякоти, она казалась настоящим драгоценным камнем — розовые щечки, голубые глаза и очаровательные губки, при взгляде на которые ему захотелось немедленно отнести ее в ближайшую постель. В их постель. Потому что им пора наконец завести общую постель. Он решил, что нужно просто разломать стенку между их спальнями, чтобы больше никогда не смотреть на эту Богом проклятую дверь.

Пенелопа прервала его размышления.

— Майкл...

— погоди. — Он боялся услышать, что она может сказать. Не раньше, чем выскажется сам. — Прости меня. Давай войдем в дом. Пожалуйста.

Она вошла в дом следом за ним. Стук большой дубовой двери, закрывшейся у них за спиной, эхом отдался в отделанном мрамором холле. Пенелопа глянула на сверток у него в руке.

— Что это?

А он и забыл. Это же его оружие!

— Пойдем со мной. — Он взял Пенелопу за руку, жалея, что оба они в перчатках — так хочется прикоснуться к ней, кожа к коже! — и повел вверх по лестнице на второй этаж. Войдя в столовую, Майкл положил сверток на длинный стол красного дерева. — Это тебе.

Пенелопа с любопытством улыбнулась, и Майкл, не желая торопить события, с трудом удержал порыв поцеловать ее. Он не хотел ее спугнуть. Она осторожно начала разворачивать бумагу,

отогнув краешек ровно на столько, чтобы заглянуть внутрь. Посмотрела вверх, наморщила лоб и развернула до конца.

— Это же...

— Погоди. — Майкл чиркнул спичкой и поджег содержимое.

Пенелопа засмеялась. Майкл слегка расслабился — ее смех прозвучал для него музыкой.

— Это же инжирный пудинг!

— Я не хочу больше лжи, Шестипенсовик. Хочу, чтобы была только правда. И хочу, чтобы мы с тобой полюбили друг друга над инжирным пудингом, — дрогнувшим голосом произнес он. — В тебе я вижу мое сердце, мою цель в жизни... мою душу.

Наступила гробовая тишина. Пенелопа вспоминала тот первый раз, когда он произнес эти слова, а он с ужасом думал, что опоздал. И что этот дурацкий пудинг оказался слишком мал.

И тут она бросилась к нему в объятия, целовала его, и он вложил все свои чувства, всю нежность в эту ласку, наслаждаясь тем, как ее пальцы теребят волосы у него на затылке, как она негромко ахает, потому что он слегка прикусил ее нижнюю губу. Пенелопа чуть отодвинулась и открыла прекрасные голубые глаза, поймав его взгляд. Но Майкл не отпустил ее, не украв сначала еще один поцелуй, а затем поклялся:

— Я весь твой, любовь моя... твой, и делай со мной что хочешь. Когда я похитил тебя той ночью и объявил, что ты моя, разве мог я предположить, что сейчас — сегодня и навечно — это я стану твоим? Что мое сердце украдено?

Я понимаю, что не достоин тебя. Понимаю, что успел слишком многое натворить за свою жизнь и теперь должен как-то это исправить. Но клянусь тебе, я сделаю все возможное, чтобы ты была счастлива, любовь моя. Буду трудиться каждый день, лишь бы стать достойным тебя. Твоей любви. Пожалуйста... пожалуйста, дай мне этот шанс.

На глазах Пенелопы заблестели слезы, а когда она медленно покачала головой, у него чуть не остановилось дыхание. Неужели она откажется? Неужели не поверит?

Молчание затягивалось, и Майкл с нетерпением ждал приговора.

— Я так долго мечтала, — прошептала Пенелопа, пальцами касаясь его лица, словно пыталась убедить себя, что он тут. Что он принадлежит ей. — Хотела большего, грезил о любви. Ждала этой минуты. Мечтала о тебе. — По прелестной щеке покатились слезинки. Майкл протянул руку, чтобы вытереть ее. — Думаю, я любила тебя с самого детства, Майкл.

Он прижался лбом к ее лбу, привлек ее к себе, стремясь оказаться как можно ближе.

— Я здесь. Я твой. И Боже милостивый, Пенелопа, я тоже о тебе мечтал. Очень!

Она улыбнулась, такая красивая.

— Как такое может быть?

— А как этого могло не быть? — возразил он голосом, хриплым от обуревавших его чувств. — Девять лет я думал, что меня спасет отмщение, но только ты, моя сильная, прекрасная жена, смогла доказать мне, что я ошибаюсь, что мое спасение — это любовь. Ты мое избавление, —

прошептал он. — Мое благословение.

Теперь она плакала по-настоящему, и Майкл губами собирал ее слезы, а потом прильнул к ее губам в долгом страстном поцелуе, изливая в этой ласке всю свою любовь, и целовал ее, пока оба они не задохнулись. Он поднял голову.

— Скажи, что ты веришь мне.

— Я верю тебе.

— Скажи, что ты любишь меня, леди Пенелопа.

— Для вас — леди Борн. — Она положила руки ему на плечи, запустила пальцы в волосы. — Я люблю тебя, Майкл. Люблю просто отчаянно. И очень счастлива, что ты тоже решил полюбить меня.

— Разве я мог не полюбить тебя? — воскликнул он. — Ты мой воин! Не испугалась ни Бруно, ни Лэнгфорда и сражалась отвалено.

Пенелопа смущенно улыбнулась:

— Я не могла уйти. Не хотела стать твоим падшим ангелом. Я бы последовала за тобой в преисподнюю... только для того, чтобы вернуть тебя оттуда.

Эти слова окончательно посрамили его.

— Я не достоин тебя. Но боюсь, что отпустить тебя не смогу.

Серьезный взгляд голубых глаз не дрогнул, когда она спросила:

— Обещаешь?

— Обещаю. — Он обнял ее обеими руками, уткнулся подбородком ей в макушку и вдруг вспомнил. — Я же принес твой выигрыш, любовь моя! — Он вытащил бумаги и положил их рядом с пудингом.

— Это твоя собственность.

Майкл поцеловал ее в шею и улыбнулся, услышав, как она вздохнула под этой лаской.

— Нет. Твоя. Честно выигранная.

Пенелопа покачала головой:

— Из вчерашнего выигрыша я хочу только одно.

— Что именно?

Она потянулась к нему и поцеловала так крепко, что у него захватило дух.

— Тебя.

— Боюсь, скоро ты пожалеешь об этом выигрыше, Шестипенсовик.

Она серьезно покачала головой:

— Никогда.

Они снова поцеловались, забывшись в объятиях друг друга на долгие минуты, но любопытство победило, и Майкл первым поднял голову.

— А что у тебя было на Лэнгфорда?

Пенелопа фыркнула, перегнулась через него, поворошила лежавшие на столе документы и вытащила небольшой, сложенный квадратиком лист бумаги.

— Ты забыл преподать мне самое главное правило негодяев.

— Это какое же?

Она аккуратно развернула квадратик и протянула ему.

— Когда сомневаешься, блефуй.

В руках у Майкла оказалось приглашение в «Ангел».

Изумление сменилось хохотом, а затем гордостью.

— Моя грешница жена, любительница азартных игр! А ведь я поверил, что у тебя есть что-то по-настоящему убийственное.

Пенелопа улыбнулась ярко и дерзко, и Майкл решил, что разговоров на сегодня достаточно.

Он уложит жену на пол столовой и раздел догола, восхищаясь каждым обнажавшимся участком ее тела. Ее смех сменился вздохами восторга, а он напоминал ей снова и снова, как сильно ее любит.

Долгие годы на вопрос детей и внуков, откуда на столе «Адского дома» появилось это круглое черное пятно, маркиза Борн отвечала, что инжирный пудинг оказался неудачным... но маркиз всякий раз возражал ей, утверждая, что, по его мнению, это был самый удачный инжирный пудинг на свете.

Эпилог

«Дорогой Шестипенсовик!

Знаешь, я сохранил их все. Каждое присланное тобой письмо, даже те, на которые так и не ответил. Прости меня за столь многое, любовь моя: за то что я оставил тебя, что так и не вернулся домой, что мне потребовалось очень много времени, чтобы понять — мой дом там, где ты, и что пока ты рядом; все остальное не имеет значения.

Но в самые темные часы, в самые холодные ночи, когда я понимал, что потерял все, у меня все же оставались твои письма. И с их помощью я чувствовал, что ты по-прежнему рядом.

И тогда я любил тебя, моя дорогая Пенелопа, сильнее, чем можно себе представить, — так же, как люблю тебя сейчас, сильнее, чем ты думаешь.

Майкл

«Адский дом», февраль 1831 года».

Неделю спустя

Кросс проснулся, как обычно, в своем кабинете в «Падшем ангеле», на убогом ложе, втиснутом между переполненным книжным шкафом и огромным глобусом, заваленным документами. Необычным явлением была женщина, сидевшая за его письменным столом.

Нет, стоп. Не женщина. Леди. Молодая светловолосая леди в очках.

Она читала его бухгалтерскую книгу.

Кросс сел, не обращая внимания на то, что был без рубашки и что джентльмены, как правило, не здороваются в полуголом виде с дамами. К черту условности. Если женщина не хочет видеть его полуголым, нечего ей врываться в его кабинет по ночам.

То, что мужчины, как правило, не ночуют в собственных кабинетах, особого значения не имело.

— Могу я вам чем-то помочь?

Она даже глаз не подняла.

— Вы ошиблись в расчетах в колонке E.

Что за чертовщина?

— Быть того не может.

Она подтолкнула на переносице очки и заправила за ухо выбившуюся белокурую прядь, не отрываясь от грассбуха.

— Ошиблись. Здесь должно быть сто двенадцать тысяч триста сорок шесть фунтов и семнадцать пенсов.

Невозможно.

Он поднялся, подошел и посмотрел поверх ее плеча.

— Тут так и написано.

Она мотнула головой и ткнула пальцем в строчку. Кросс заметил, что кончик пальца слегка кривоват и загибается чуть вправо.

— Вы написали сто двенадцать тысяч триста сорок пять фунтов и семнадцать пенсов. Вы... — Она посмотрела на него снизу вверх, отметив его высокий рост и голую грудь. Глаза ее под очками напоминали совиные. — Вы... вы потеряли фунт.

Кросс перегнулся через нее, нарочно придавив своим телом и с удовольствием услышав, как она ахнула.

— Это цифра «шесть».

Она кашлянула и взглянула еще раз.

— О!.. — Наклонилась, всмотрелась внимательнее. — Должно быть, у вас окончательно испортился почерк, — сухо произнесла она, взяла карандаш и поправила цифру.

Кросс хмыкнул.

Приковавшись взглядом к костной мозоли у нее на пальце, он негромко прошептал ей на ухо:

— Вы специальная бухгалтерская фея, присланная глухой ночью для проверки моих счетов?

Она чуть отодвинулась и повернулась к нему.

— Сейчас час дня, — будничным голосом произнесла она, и Кроссу внезапно очень захотелось снять с нее очки и зацеловать ее до потери сознания — просто чтобы проверить, что на это скажет эта странная молодая женщина.

Он подавил свой порыв и улыбнулся:

— Значит, присланная глухим днем.

Она моргнула.

— Меня зовут Филиппа Марбери.

Глаза Кросса округлились, он поспешно шагнул назад, сбил вешалку для шляп, повернулся, чтобы подхватить ее... ему ни под каким видом нельзя находиться без рубашки в кабинете игорного ада рядом со свояченицей Борна!

Обрученной свояченицей Борна! Неслыханный позор!

Он схватил рубашку. Помятая и поношенная, но сойдет и такая. Безуспешно разыскивая дырку для головы, Кросс опять попятился. Как можно дальше.

Она встала, обошла стол и направилась к нему.

— Я вас расстроила?

Да почему в этой дурацкой рубашке нет горловины? Кросс выставил ее перед собой, как последнее средство, щит от этих огромных, все видящих глаз.

— Ничуть, но у меня нет привычки проводить в полуголом виде тайные встречи с родственницами моих партнеров.

Она обдумала его слова, склонив голову набок, и сказала:

— Ну вы же спали, поэтому никак не могли предотвратить это.

— Почему-то я сомневаюсь, что Борн посмотрит на это так же.

— Во всяком случае, выслушайте меня. Не зря же я сюда приехала.

Кросс знал, что должен отказаться. Понимал обостренным чутьем игрока, что эту игру продолжать нельзя. Что выиграть в ней невозможно. Но в этой молодой женщине было что-то

такое, что не давало ему остановиться.

— Ну раз уж вы приехали сюда... чем могу служить, леди Филиппа?

Она набрала в грудь побольше воздуха. Выдохнула.

— Мне нужно, чтобы меня обесчестили. И я слышала, что вы в этом большой специалист.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

[1] двадцать два, карточный термин. (фр.)

[2] двадцать одно, карточный термин. (фр.)

[3] Тоска (фр.).

[4] Напиши мне, пожалуйста (последовательно на французском, латыни, немецком, итальянском и валлийском языках).

[5] День святого Михаила — 29 сентября.

[6] Элоа — «сестра ангелов», ангельское существо, родившееся из слезы Иисуса Христа, героиня поэмы Альфреда де Виньи (1823 г.).